

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Барави Мелина Владимировна

**Региональный и международный аспекты «курдского вопроса» в
меняющихся геополитических реалиях (2005-2023 гг.)**

5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные
исследования»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
д.и.н., доцент
Рыжов Игорь Валерьевич

Нижний Новгород
2026 год

Оглавление

Введение	3
Глава I. Становление «курдского вопроса»	29
1.1. Феномен курдской идентичности	29
1.2. Курдское национальное движение в борьбе за государственность	36
1.3. Религиозное многообразие и курдская идентичность	45
1.4. Влияние феминистических движений на курдскую идентичность	58
Выводы по главе I	68
Глава II. Территориальные особенности развития Курдистана и курдский взгляд на проблему	71
2.1. Регион Курдистан в Ираке	71
2.2. Западный Курдистан и специфика положения курдов в Сирии	79
2.3. Восточный Курдистан и положение курдов в Иране	88
2.4. Особенности общественного положения курдов в Турции	94
Выводы по главе II	100
Глава III. Проблемы и перспективы решения «курдского вопроса»	102
3.1. Влияние внешних акторов (США, стран ЕС, России и Китая) на процессы в Курдистане	102
3.2. Модели и проекты решения «курдского вопроса»	124
3.3. «Курдский вопрос» – сценарии развития	139
Выводы по главе III	146
Заключение	148
Список литературы	156
Приложения	179

Введение

Актуальность. Курды, разделенные между несколькими национальными государствами, расположенными в самом сердце сложного геополитического ландшафта, являются одной из крупнейших в мире этнических групп без государства. В последние десятилетия, и особенно после «арабской весны», их значение как политической силы, с которой нужно считаться на Ближнем Востоке, неуклонно росло. В результате широкий спектр курдских проблем — политических, культурных и исторических — продолжает привлекать научный интерес.

Исторический Курдистан — это обширный географический и этнокультурный регион на Ближнем Востоке, традиционно населённый в основном курдами. Его земли исторически входят в состав четырёх современных государств: Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Это регион, не имеющий единой политической власти и четких международно-признанных границ, а объединяющими факторами выступают общая курдская идентичность, язык, культура и история. Хотя Севрский договор 1920-го года юридически зафиксировал право курдов на создание собственного государства, предполагаемый путь был многоступенчатым и зависел от решений международных органов. Его так и не удалось реализовать из-за победы турецкого национального движения, которое отвергло договор, и последующего пересмотра всего послевоенного урегулирования в Лозаннском договоре. Таким образом, Севрский договор «не сдержал» обещание курдской государственности. Изучение геополитического положения исторического Курдистана в XXI веке является критически важным для анализа региональной и мировой политики, а также для формирования стратегий по разрешению конфликтов и содействию мирному сосуществованию этнических и

политических группировок. Изучение данной темы остается крайне актуальным из-за нескольких ключевых факторов:

1. Курды – один из крупнейших народов, не имеющих собственного государства. Изучение их положения помогает понять их стремление к национальной независимости и самоопределению.

2. Территория исторического Курдистана разделена между несколькими странами (Турция, Ирак, Иран, Сирия), что создает комплексные политические, социальные и экономические вызовы. Понимание геополитики этого региона важно для выявления и предотвращения потенциальных конфликтов.

3. Регион богат нефтью, газом и другими природными ресурсами, что делает его объектом интереса для многих государств. Анализ геополитического положения Курдистана помогает понять противоборство стремлений различных акторов на мировой арене. Также изучение курдского вопроса позволяет выстроить иерархию конкурирующих за влияние в регионе как самих государств, его составляющих, так и великих держав.

4. На фоне участия ряда курдских групп в антитеррористической деятельности другая их часть сталкивается с обвинениями в связях с террористическими сетями. Понимание геополитики Курдистана важно для улучшения безопасности и борьбы с экстремизмом в регионе. Курды сыграли значительную роль в борьбе с ИГИЛ¹ как в Сирии, так и в Ираке и, в том числе благодаря сформированной ими коалиции, проведенным антитеррористическим операциям и захвату стратегически важных территорий «халифату» было нанесено поражение. После поражения ИГИЛ курды создали свое правительство на севере Сирии: Автономную администрацию Северной и Восточной Сирии (Рожавы). Однако, хотя

¹ Запрещённая в России террористическая организация.

курды и обладают некоторой автономией в Сирии и создали де-факто независимую область внутри Ирака, они всё ещё подвергаются дискриминации и борются за создание собственного государства.

5. Как известно, курдская пословица гласит, что «у курдов нет друзей, кроме гор»: успешное выживание народа на протяжении многих веков в напряженной обстановке показывает уникальность положения курдов, которое следует рассматривать и изучать в контексте влияния на борьбу за самоопределение.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественном и зарубежном востоковедении имеется немало исследований, посвящённых истории курдского народа, уникальности его религиозного состава и длительной борьбе за создание собственной государственности, как в контексте взаимоотношений с другими государствами Ближнего Востока, так и внутренних проблем, и разногласий.

При этом следует особо отметить, что историография курдского вопроса в России весьма богата и насчитывает не одно столетие (что позволяет также отслеживать изменения в восприятии курдского вопроса среди источников). До последнего времени российское (как и советское) курдоведение (которое также известно, как курдология) занимало одно из передовых мест в мировой курдоведческой науке, которую часто воспринимают как часть иранистики.

Отечественная курдская историография обширна. В первую очередь, нельзя не отметить фундаментальный труд Ш.Х. Мгои «Курдский национальный вопрос в Ираке и новейшее время» и другие его работы²;

² Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке и новейшее время. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 324 с.; Мгои Ш.Х. Исламизм и курдское национальное движение // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / отв. редакторы В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. — М.: Крафт+, 2005. — С. 456-464.; Мгои Ш.Х. Ислам и курдское национальное движение // Азия и Африка сегодня. – 2003. - № 9 (554). С. - 31-35.

работы М.С. Лазарева, посвященные историческим³ этапам⁴ борьбы курдов за самоопределение⁵, этнографические исследования, такие как «Курды. Легенда Востока»⁶.

Многочисленные работы известного российского курдоведа и ираниста О.И. Жигалиной предоставляют комплексную картину положения курдов на Ближнем Востоке, а такие монографии, как «Национальное движение курдов в Иране (1918-1947 гг.)»⁷ и «Этносоциальная эволюция иранского общества»⁸ освещают, в том числе, демографические и социально-экономические аспекты, часто опускаемые в других исследованиях.

Так как Ближний Восток традиционно входит в сферу интересов СССР и России, нельзя не отметить многочисленность исследований, составляющих базу современной, как российской, так и мировой курдологии, среди них «Курдистан и курдский вопрос (1923–1945)», «Курдский вопрос (1891–1917)» М.С. Лазарева; «Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.)» С.М. Иванова; «Курды в Турции в Новейшее время М.А. Гасратяна»⁹, «Курдский национализм. История и современность» С.М. Иванова и К.В. Вертяева.

³ Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). / М.С. Лазарев. М.: Наука, 1989. – 327 с.

⁴ Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.) / М.С. Лазарев. М.: Наука, 1964. – 400 с.

⁵ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945) / М.С. Лазарев. М.: Вост. лит., 2005. – 308 с.

⁶ Курды. Легенда Востока / научн. рук.: В. В. Наумкин, И. Ф. Попова. — М.: Издательская группа Арбор», 2018. - 456 с.

⁷ Жигалина О.И. Национальное движение курдов в Иране / О.И. Жигалина – М.: Наука, 1988. – 170 с.

⁸ Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского обществ / О.И. Жигалина М., Восточная литература, 1996. – 264 с.

⁹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. / М.А. Гасратян – Ереван: Айастан, 1990. – 385 с.

Академик В.В. Наумкин в работе «Курдская головоломка Ближнего Востока» объясняет целесообразность изучения курдов через механизм «глубоко разделенных обществ»¹⁰.

Курдский вопрос рассматривается в нескольких главах монографии Н.У. Ханалиева «Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке», создание курдского государства в обозримом будущем автор называет маловероятным¹¹.

Так как проблема курдов выходит далеко за географические рамки Курдистана, нельзя не отметить российскую школу востоковедения в целом, и в частности работы таких авторов, как Е.С. Мелкумян¹², В.М. Ахмедова¹³, С.Б. Дружиловского¹⁴.

История движения курдов за самоопределение в XX-м веке отражена в ряде работ, таких как диссертация И.Н. Веденева «Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918-1980 гг. Факторы взаимовлияния»¹⁵ и диссертация А.О. Победоносцевой Кая «Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX - начале XX вв»¹⁶.

¹⁰ Наумкин В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) / Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, сс. 76-87.

¹¹ Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев. – М.: Университетская книга, 2020. – 520 с.

¹² Мелкумян Е.С.. История государств Арабского залива в XX - начале XXI в. / Фонд русско-арабских исследований и информации // Институт востоковедения РАН, Серия «Научные публикации» (12) 2016.

¹³ Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX — 20-е годы XXI вв.) / В.М. Ахмедов – Москва, 2023. – 374 с.

¹⁴ Дружиловский С.Б. Уроки «Арабской весны» для Исламской Республики Иран // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., ИВ РАН. – 2014.

¹⁵ Веденев И.Н. Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918-1980 гг. Факторы взаимовлияния: дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / И.Н. Веденев. – Москва, 2021. – 221 с.

¹⁶ Победоносцева Кая А.О. Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / А.О. Победоносцева Кая. – Санкт-Петербург, 2017. – 26 с.

Более поздние периоды затронуты в диссертации А.В. Лепкова «Политика США в отношении Иракского Курдистана в 1988-2005 гг.»¹⁷ и Д.А. Миргорода «Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе»¹⁸. Отдельные аспекты функционирования курдских общин затронуты в диссертациях Д.А. Демченко «Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива»¹⁹, Маруфа Умар Гума «Проблема международной правосубъектности курдского народа в современном международном праве»²⁰ и Н.З. Мосаки «Геополитический аспект современного курдского вопроса»²¹ (анализ последних упомянутых работ, 1995 и 2001 годов соответственно, также позволяет понять результативность и изменения в борьбе курдов за свои права).

Особенности функционирования курдских общин на территории различных государств отражены в таких работах, как монографии М.С. Иванова, К.В. Вертяева и В.В. Макаренко, опубликованную в Институте востоковедения РАН «Рожава: феномен курдской автономии в Сирии»²² и

¹⁷ Сенников А.И. Политика США в отношении Иракского Курдистана в 1945-1989 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / А.И. Сенников. – Киров, 2020. – 304 с.

¹⁸ Миргород Д.А. Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/globalizatsiya-kak-faktor-transformatsii-politicheskikh-protsessov-v-blizhnevostochnom-regio> (дата обращения 09.09.2024).

¹⁹ Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/religiozniy-faktor-vo-vneshnei-politike-stran-persidskogo-zaliva> (дата обращения 09.09.2024).

²⁰ Маруф У.Г. Проблема международной правосубъектности курдского народа в современном международном праве // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. URL: <https://lawtheses.com/problema-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti-kurdsкого-naroda-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения 09.09.2024).

²¹ Геополитический аспект современного курдского вопроса // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. URL: <https://cheloveknauka.com/geopoliticheskiy-aspekt-sovremennogo-kurdsкого-voprosa> (дата обращения 09.09.2024).

²² Иванов С.М., Вертяев К.В., Макаренко В.В. Рожава: феномен курдской автономии в Сирии: колл. монография / Ин-т востоковедения РАН; [Отв. ред. К.В. Вертяев, И.А. Матвеев]. – М.: ИВ

«Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века» под редакцией О.И. Жигалиной²³, в которой курдская проблема анализируется не только на территории Ирака, Турции, Ирана, Сирии, но и даются оценки перспективы сотрудничества Курдистана с Израилем и предпринимаются попытки воспринимать курдов как теоретическую защиту всего региона от экспорта американской демократии и других подобных идей. Также следует отметить статью, подготовленную Российским советом по международным делам: Иракский Курдистан: поиск новых механизмов самоопределения²⁴.

Страноведческие исследования, посвященные государствам, на территории которых располагается непризнанный Курдистан, включают в себя работы И.В. Рыжова²⁵, С.В. Кривова²⁶, О.А. Колобова²⁷ и О.О. Хохлышевой²⁸, А.И. Дубинина²⁹.

РАН, 2023. – 368 с.

²³ Жигалина О.И. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века / О.И. Жигалина М., ИБВ, 2006. — 342 с.

²⁴ Миргород Д. Иракский Курдистан: поиск новых механизмов самоопределения // Российский совет по международным делам. — 8 октября 2021. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/irakskiy-kurdistan-poisk-novykh-mekhanizmov-samoopredeleniya/> (дата обращения 09.09.2024).

²⁵ Рыжов И.В., Бородин М.Ю. Этнические проблемы в современном Иране // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 345-360

²⁶ Кривов С.В., Рыжов И.В., Гнездова Е.В. Политика в области гражданства арабских государств в контексте эволюции миграционных процессов на Ближнем Востоке // *Via in tempore. История. Политология.* 2017. №1 (250). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-v-oblasti-grazhdanstva-arabskih-gosudarstv-v-kontekste-evolyutsii-migratsionnyh-protsessov-na-blizhnem-vostoке> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁷ Колобов А.О., Колобов О.А., Хохлышева О.О. Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3-1. С. 281-285.

²⁸ Колобов О.А., Хохлышева О.О. Общее и особенное в процессе ближневосточного урегулирования на современном этапе развития международных отношений / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 274-278.

²⁹ Дубинин А.И. Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние // *Genesis: исторические исследования.* 2023. № 6. С. 27-36.; Рыжов И.В., Дубинин А.И. Ближневосточные этноконфессии и система региональных международных отношений в XXI веке // Вестник Ивановского

Теоретические аспекты национальной самоидентификации разделенных народов (а курды, несомненно, к ним относятся) проанализированы в работах Ю.А. Балашова³⁰, а возможный способ построения общества в многосоставном государстве предложил Аренд Лейпхарт, автор термина и соответствующей концепции «консоциальная демократия»³¹.

Американский взгляд на проблему отражен в отчётах таких фабрик мысли, как Вашингтонский институт ближневосточной политики (The Washington Institute for Near East Policy)³², Совет по международным отношениям (Council On Foreign Relations или CFR)³³, Брукингский институт (Brookings Institution)³⁴.

Заинтересованность США в изучении курдского вопроса можно трактовать как восприятие региона в качестве зоны своего интереса и даже ответственности и как необходимость обеспечивать себе доступ к углеводородам, как внутри Курдистана, так и за его пределами на Большом Ближнем Востоке.

государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 123-134.

³⁰ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока / Под ред. О.А. Колобова. – Нижний Новгород – Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. 129 с.; Балашов Ю.А. Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. №.3. С. 212-217.; Балашов Ю.А., Фомичева О.В. Особенности функционирования диаспоральных сообществ разделенных этнических групп // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. №. 5. С. 220-226.

³¹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. / Пер. с англ. Б. И. Макаренко. Науч. ред. пер. А.М. Салмин, Г.В. Каменская. — М.: Аспект-пресс, 1997. — 286 с.

³² Rojava's Sustainability and the PKK's Regional Strategy // The Washington Institute for Near. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/rojavas-sustainability-and-pkks-regional-strategy> (last visited: 14.07.2024).

³³ Ariav H. The Time of the Kurds // Council On Foreign Relations. 2019. – October, 19. – URL: <https://www.cfr.org/article/time-kurds> (last visited: 09.09.2024).

³⁴ Taşpınar Ö., Gönül T. Turkey and the Kurds: From Predicament to Opportunity // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/articles/turkey-and-the-kurds-from-predicament-to-opportunity/> (last visited: 14.08.2024).

Также следует отметить исследования таких европейских и ближневосточных аналитических центров (также называемых «фабриками мысли»), как Центр стратегических исследований Бегина-Садата³⁵, Испанский институт стратегических исследований (Instituto Español de Estudios Estratégicos)³⁶, Центр ближневосточных и африканских исследований Моше Даяна (израильский аналитический центр, базирующийся в Тель-Авиве, Израиль)³⁷. Дополнительно стоит упомянуть работы израильской исследовательницы Офры Бенгио (Ofra Bengio), посвятившей ряд своих работ как различным аспектам геополитического положения курдов, так и ближневосточным проблемам в целом (Saddam's Word: Political Discourse in Iraq)³⁸.

Отдельного упоминания заслуживают работы курдских ученых, значительная часть которых опубликована на английском языке, что облегчает заинтересованным исследователям ознакомление с точкой зрения изнутри самого курдского народа. Курдский центр исследований (Kurdish Center for Studies, KCS), основанный в 2014 году в Германии, является независимым исследовательским центром, стремящимся информировать и поощрять международный диалог о курдах и их положении. Публикуя исследования, интервью с учеными и политиками, а также участвуя и проводя конференции, KCS стремится расширить сферу дискуссий и критического анализа сложной, многогранной курдской темы.

³⁵ Bengio O. The Kurds in a Volatile Middle East / Ofra Bengio // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 2017. – URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/02/MSPS130web.pdf> (last visited: 14.08.2024).

³⁶ Irán: la política de mirada hacia el Este entre el aislamiento y la decadencia // Instituto Español de Estudios Estratégicos – 2023. – URL: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2023/DIEEEO30_2023_MOHVAH_Iran.pdf

³⁷ The Kurds and the Turkish State: Drifting Apart? // Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. – 2015. – URL: <https://dayan.org/content/tel-aviv-notes-kurds-and-turkish-state-drifting-apart>

³⁸ Saddam's Word: Political Discourse in Iraq (Studies in Middle Eastern History) / Lynne Rienner Publishers, 2012. – 288 p.

KCS специализируется на публикации экспертных научных анализов курдов по ряду междисциплинарных тем³⁹. KCS сосредоточен на научных исследования о курдах и Курдистане на арабском и курдском языках, с 2022 году также выпускает материалы на английском языке. КЦИ (KCS) отдает приоритет исследованиям, сосредоточенным на различных перекрестных проблемах, затрагивающих курдов, в том числе на исследованиях гендерных вопросов, проблем этнорелигиозных меньшинств и экологических сложностей.

Таким образом, в отечественной и зарубежной научной литературе рассмотрены самые разнообразные аспекты проблемы курдской государственности (социальные, политические, международно-правовые, экономические, культурные) с особым упором на исследование характера положения курдов на территориях различных государств Передней Азии, определенных особенностей функционирования курдских общин и оценку перспектив обретения курдами собственной государственности. В то же время в корпусе исследований по данной проблематике отсутствует комплексный анализ подходов к проблеме курдской государственности различных частей сообщества курдов, в том числе с учетом их уникальной гетерогенности с культурно-религиозной точки зрения, и соответствующих стратегий внешних акторов. Кроме того, в научной литературе не нашлось места изучению воздействия на курдскую идентичность, обладающую существенной значимостью в контексте решения проблемы курдской государственности, фактора курдских феминистических течений.

Хронологические рамки исследования во многом определяются важностью исследуемых в работе этапов становления и законодательного

³⁹ Kurdish Center for Studies. // Kurdish Center for Studies. Official website. URL: <https://nlka.net/eng/about-us/> (last visited: 07.07.2024).

оформления курдской автономии в Ираке, оказывающей влияние на положение курдов и в других странах.

Нижняя хронологическая рамка – 2005 год, являющийся институциональной вехой, когда курдский вопрос впервые за всю историю получил легитимное оформление в основном законе суверенного государства, в Конституции Ирака. Референдум 2017 года о независимости Иракского Курдистана — это прямое следствие и развитие тех полномочий, которые были получены в 2005-м году. Проект в Рожаве, начавший формироваться после 2011 года, во многом сознательно ориентировался или, наоборот, отталкивался от «иракской модели». Выбор 2005 года позволяет избежать экскурса в длительную историю курдского национального движения, которая сама по себе является темой для отдельного исследования и сконцентрироваться на периоде, когда курдский вопрос становится не этнокультурной, а именно геополитической проблемой в современном понимании.

Верхняя хронологическая граница – 2003 год, когда направленные против курдов беспорядки в многонациональном иракском городе Киркуке привели к человеческим жертвам и столкновениям между различными этническими группами, что ещё раз подчеркнуло неопределенность положения курдов, даже в регионе, где значительный уровень автономии уже был достигнут. В целом, события в Киркуке сигнализировали о продолжающейся борьбе курдов за признание и стабильность в условиях сложной политической обстановки на Ближнем Востоке.

Географические рамки исследования включают в себя современные области проживания курдов в пределах четырёх государств – Ирака, Ирана, Сирии и Турции.

Объектом исследования является политика курдов, нацеленная на обретение ими собственной государственности.

Предметом исследования является воздействие комплекса внешних и внутренних факторов на деятельность курдов, направленную на достижение государственности.

Цель исследования заключается в определении характера влияния внешних геополитических факторов, а также изменений внутри курдского сообщества на перспективы решения курдского вопроса.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд **задач**:

- Уточнить эмпирическую базу (включая соглашения и законодательные акты), на которой основываются современные притязания курдов на создание независимого государства, влияющие на соответствующие региональные процессы.
- Интерпретировать культурно-религиозную гетерогенность курдов как возможный положительный фактор, который может быть использован для построения новой курдской идентичности.
- Показать двойственность курдского религиозного и лингвистического многообразия в контексте борьбы за создание независимого государства и построения идентичности.
- Обозначить этапы развития феминистических движений на территориях Курдистана, определить степень влияния мирового феминизма на курдских борцов за свободу и роль, которую он может влиять в получении поддержки мирового сообщества.
- Выделить особенности взаимоотношений курдов на территориях четырёх ближневосточных стран (Сирия, Ирак, Иран, Турция), как внутри курдского народа, так и с другими народами. Отметить как предпосылки улучшения межрелигиозных и межнациональных взаимодействий в контексте политических автономий в будущем, так и глубокие противоречия.

- Охарактеризовать основные аспекты официальной риторики стран, на территории которых расположен Исторический Курдистан, по вопросу предоставления курдам автономии.
- Сформулировать курдский взгляд на проблему, включая высказывание курдских политических деятелей, партийных руководителей, лидеров мнений и курдской прессы о действиях властей Турции, Ирана и других заинтересованных акторов; выделить приоритетные с точки зрения наиболее значимых курдских лидеров проблемы, побуждающие их к изменению существующей системы.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе подходов гетерогенного курдского сообщества к проблеме собственной государственности, а также выявлении и оценке различных стратегий внешних политических акторов в отношении исследуемой проблематики. Кроме того, научная новизна данной работы заключается в рассмотрении курдского вопроса не как препятствия на пути к обретению региональной стабильности на Ближнем Востоке, а как одного из ключей к обеспечению долгосрочной стабильности в рамках ближневосточного региона, ввиду того, что курдский опыт в области ассиметричного взаимодействия с окружающими акторами можно экстраполировать для урегулирования иных региональных конфликтов. Еще одним новшеством работы является рассмотрение стремления курдов к независимости и сопутствующих ему конфликтов в контексте уникального религиозного состава Курдистана. Наконец, новизной исследования также является попытка рассмотреть возможные варианты построения новой курдской идентичности, основанной, в том числе на культурно-религиозной гетерогенности курдов и оценить влияние курдского феминистических течений на курдскую идентичность.

Методологическая основа исследования.

Многокомпонентность изучаемой проблематики предполагает необходимость её разностороннего рассмотрения с использованием системного подхода, который позволяет рассмотреть проблему курдской государственности не как изолированный феномен, а как элемент сложной и динамичной международной системы. В рамках этого подхода будут использованы принципы:

- взаимозависимости: анализ того, как внутренние процессы в курдских анклавах влияют на региональную геополитику и наоборот;
- иерархичности: рассмотрение системы «правительства – курдские регионы – внешние акторы» как многоуровневой структуры;
- целостности: понимание, что проблема не сводится к простой сумме конфликтов в Ираке, Сирии, Турции и Иране.

Работа базируется на неореалистической парадигме, так как курдский вопрос находится на стыке геополитических интересов различных стран и народов, что приводит к противоборству различных акторов. На данный момент отношения на Ближнем Востоке всё еще строятся на утверждении положения сильного, однако нельзя отрицать, что система стремится к самобалансировке. Неореализм также позволяет объяснить стратегии региональных государств (Турция, Иран, Ирак, Сирия), направленные на сохранение суверенитета и недопущение появления курдского государства как угрозы своей территориальной целостности. Неореализм также позволяет рассматривать поведение великих держав (США, Россия) через призму баланса сил.

Выбор неореализма позволяет перейти от описания внутренней динамики курдского движения к системному объяснению того, почему вопрос о независимом Курдистане уже столетие остаётся одной из самых болезненных проблем международных отношений на Ближнем Востоке. Его ключевые положения, такие как примат государственного суверенитета, анархия международной системы и дилемма безопасности,

предлагают мощный аналитический инструментарий. Неореализм, считающий суверенное государство главным актором международных отношений, прекрасно объясняет, почему курды, несмотря на численность, сталкиваются с системным сопротивлением. Их движение является вызовом именно государственному суверенитету и принципу нерушимости границ, который является краеугольным камнем современной системы.

Неореализм позволяет сформулировать основные причины, по которым курдам не удавалось создать собственное государство, среди которых жёсткое структурное противодействие и отсутствие безоговорочной внешней поддержки. Суверенные государства региона рассматривают курдское национальное движение как экзистенциальную угрозу, их коллективное и решительное противодействие любому изменению границ создаёт непреодолимый внешний барьер. Вопреки надеждам курдов, великие державы действуют исходя из собственных стратегических интересов, а не принципа самоопределения народов. Их поддержка курдов ситуативна и прекращается, как только исчезает общая угроза (как в случае с ИГИЛ (запрещённая в России террористическая организация)) или когда она начинает противоречить интересам ключевых государств-союзников (например, Турции в случае НАТО).

Неореализм предлагает строгий и непредвзятый системный взгляд на проблему. Он не отрицает ни права курдов на самоопределение, ни их политических достижений, но чётко показывает, что в иерархии факторов, определяющих исход этой борьбы, структурные ограничения международной системы и интересы суверенных государств имеют решающее и подавляющее значение над волей и действиями самих курдов. Пока баланс сил в регионе и глобальные интересы великих держав направлены на сохранение статус-кво границ, классический проект

единого курдского национального государства будет оставаться геополитической миссией, граничащей с невозможным.

В то же время рассмотрение культурных и религиозных аспектов функционирования как внутри курдских общин, так и в контексте их взаимодействия с населением государств их этноареала потребовало использования элементов дискурсного анализа. Например, дискурс сирийских курдов конструирует проект «Рожавы» через концепты «демократического конфедерализма», «женского освобождения» и «защиты от ИГИЛ» (Запрещённая в России террористическая организация), создавая образ прогрессивного, легитимного актора для западной аудитории. А дискурс турецкого государства конструирует РПК исключительно как «террористов», увязывая их с угрозой целостности, что легитимирует военные операции. Дискурсный анализ позволил исследовать процессы формирования курдской национальной идентичности, роль идеологий (демократический конфедерализм Рожавы vs. традиционный национализм Иракского Курдистана), значение символов и идей для мобилизации населения.

Среди общенаучных методов необходимо выделить уже упомянутый системный подход, а также классические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Для решения всех поставленных задач в рамках исследования был использован междисциплинарный подход.

Среди исторических методов применялись:

— сравнительно-исторический метод, для проведения параллелей и при анализе отличительных особенностей между странами, на территории которых расположен Курдистан и их политики по отношению к курдскому народу;

— сопоставительный анализ, использовавшийся как важнейший элемент изучения основополагающих и материалов по теме исследования.

Из применяемых в политологии исследовательских методов в работе использовались:

— системный анализ для оценки целей и средств внешней политики не только стран этноареала Курдистана, но и других акторов, как региональных, так и внерегиональных: России, США, стран ЕС в осуществлении их политики по возможному разрешению курдского вопроса;

— структурно-функциональный анализ для выявления особенностей деятельности основных действующих акторов (правительств, политических партий, курдских лидеров мнений), оказывающих влияние как на эволюцию курдского вопроса, так и на ситуацию на Ближнем Востоке в целом;

— элементы качественного контент-анализа использовались при анализе содержимого текстовых данных, в том числе воспоминаний действующих лиц конфликта, для определения медийного дискурса (например того, как ведущие мировые издания конструируют образ курдских акторов), риторики террористических организаций, а также предоставили контекст для понимания мотивов принятия решений, анализируемыми децизионным методом;

— анализ документов (традиционный, неформализованный) при изучении конституций Ирака и Сирии, законов об автономии, уставов курдских движений, резолюций ООН;

— статистический анализ для обработки данных по экономическим показателям Иракского Курдистана (нефтяные доходы, ВВП), демографии, военным расходам;

— децизионный метод, использованный при анализе системы принятия решений курдским руководством (например, при анализе решения Правительства Региона Курдистан (ПРК) о проведении референдума о независимости в 2017 году), а также правительствами стран

Ирака, Ирана, Турции и Сирии (в том числе как ценности, такие как турецкий национализм или курдское стремление к самоопределению, формируют стратегию через механизмы).

Предложенная методология представляет собой комплексный инструментарий, позволяющий не просто описать, но и объяснить диалектику внутренних устремлений курдов к государственности и внешних геополитических ограничений. Такой подход обеспечит научную новизну, глубину и обоснованность выводов диссертации.

Эмпирическая база исследования обширна, включает документы на английском, русском, арабском и курдском языках и может быть поделена на группы.

Первую группу источников составляют официальные документы, повлиявшие или определяющие современное положение курдов, такие как Севрский мирный договор 1920-го года⁴⁰, Соглашение об иракско-курдской автономии 1970 г.⁴¹, а также материалы международных и региональных организаций, среди которых ООН (Международный пакт о гражданских и политических правах⁴²; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах⁴³).

Отдельно стоит упомянуть анализ конституций стран, на которых расположен этноареал Курдистана: Турции⁴⁴, Сирии⁴⁵, Ирака⁴⁶ и Ирана⁴⁷.

⁴⁰ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, пер. с франц., М., 1927

⁴¹ Iraqi-Kurdish Autonomy Agreement of 1970 // The Kurdistan Memory Programme. – URL: <https://kurdistanmemoryprogramme.com/the-11-march-autonomy-agreement> (last visited: 07.07.2024).

⁴² Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (last visited: 07.07.2024).

⁴³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (last visited: 07.07.2024).

⁴⁴ Конституция Турецкой Республики // Официальный сайт Великого национального собрания Турции. – URL: <https://cdn.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Icerik/Dosya/2e5836e4-4d42-4255-92ff-7e749130096c.pdf> (last visited: 07.07.2024).

Программы и официальные заявления политических партий, такие как «Основной закон и подзаконные акты Демократической партии Курдистана⁴⁸»; программный документ партии «Движение нового поколения» – «Курдистан 2033»⁴⁹ (Стратегию по развитию Курдистана на 5, 10 и 15 лет); заявления «Рабочие являются наиболее влиятельным классом в обществе Курдистана»⁵⁰ и «Против партизанства и преуменьшения бездействия преступников Анфала»⁵¹ Движения Горран; программа и внутренний распорядок Исламского Союза Курдистана, одобренные съездом партии⁵²; идеи, выраженные Патриотическим союзом Курдистана⁵³.

Ещё одну группу составили материалы международных неправительственных организаций, среди которых такие как доклад Amnesty International о ситуации в Иране⁵⁴ и доклад о ситуации в Сирии,

⁴⁵ Syrian Arab Republic: Constitution, 2012 // Refworld. – URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2012/en/90331> (last visited: 07.07.2024).

⁴⁶ Constitution of the Republic of Iraq // Refworld. – URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2005/en/36563>

⁴⁷ Iran (Islamic Republic of) 1979 (rev. 1989) Constitution // Constitute Project. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989 (last visited: 07.07.2024).

⁴⁸ Kurdistan Democratic Party. Constitution & Bylaws // Kurdistan Democratic Party. Official website. – URL: <https://www.kdp.se/kdpProgram.doc> (last visited: 07.07.2024).

⁴⁹ Kurdistan 2033 // New Generation Movement (Naway Nwe). Official website. – URL: <https://www.ngmovement.com/en> (last visited: 07.07.2024).

⁵⁰ Движение Горран: Рабочие являются наиболее влиятельным классом в обществе Курдистана // Движение Горран. Официальный сайт. – URL: <https://www.gorran.net/Details.aspx?jimare=1031> (last visited: 07.07.2024).

⁵¹ Движение Горран: Против партизанства и преуменьшения бездействия преступников Анфала // Движение Горран. Официальный сайт. – URL: <https://www.gorran.net/Details.aspx?jimare=1026> (last visited: 07.07.2024).

⁵² The Program and the Internal Rules of (The Kurdistan Islamic Union) approved by the Party Convention // Исламский Союз Курдистана. – URL: <https://www.kurdiu.org/en/b/67504> (last visited: 07.07.2024).

⁵³ PUK says ‘committed’ to holding Kurdistan elections on time despite KDP boycott // Rudaw Media Network – URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/180320243>

⁵⁴ Iran 2022 // Amnesty International. – 2023. – URL: <https://www.amnesty.org/es/location/middle->

подготовленный Центром конституционализма и прав человека⁵⁵. Отдельно следует отметить курдские неправительственные организации и их работы, например, организация помощи и контроля за качеством работы СМИ – СММК (Kurdish Media Watchdog Organization)⁵⁶.

Статистические материалы, отчеты и доклады исследовательских организаций составляют третью группу источников. Среди них главы в ежегоднике Стокгольмского института исследований проблем мира, посвященные конфликтам в странах Ближнего Востока и Северной Африки (MENA)⁵⁷, прогнозы Арабского стратегического форума⁵⁸, предположения аналитического отдела британского журнала *The Economist*⁵⁹.

Для более персонифицированного взгляда на ситуацию в Курдистане использовались мемуары и книги участников борьбы за независимость, например, таких знаковых фигур, как Абдулла Оджалан⁶⁰ с его книгой «Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК»⁶¹ и Масуд Барзани, чья книга «Заявляя о своих правах»

east-and-north-africa/iran/report-iran/ (last visited: 07.07.2024).

⁵⁵ Crimes in Syria: The neglected atrocities of Afrin // European Center for Constitutional and Human Rights (ECCHR). URL: <https://www.ecchr.eu/en/case/tatort-syrien-verbrechen-an-der-zivilbevoelkerung-in-afrin/> (last visited: 07.07.2024).

⁵⁶ No free press, no democracy // СММК – Kurdish Media Watchdog Organization. – URL: <https://chmk.org/2224/> (last visited: 07.07.2024).

⁵⁷ Armed conflict and peace processes in the Middle East and North Africa // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2021/06> (last visited: 07.07.2024).

⁵⁸ Global and regional economic prospects and policy challenges (2017) // Arab Strategic Forum. – URL: <https://arabstrategyforum.org/ar/stream-report/global-and-regional-economic-prospects-and-policy-challenges-2017> (last visited: 04.07.2024).

⁵⁹ The Kurds' dreams of independence look farther off than ever / *The Economist*. – URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2023/08/17/the-kurds-dreams-of-independence-look-farther-off-than-ever> (last visited: 07.04.2024).

⁶⁰ Признан террористом в Турции, где отбывает пожизненное заключение

⁶¹ Оджалан А. Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. – М.: Axina Welat, 1998. – 378 с.

(Staking Our Claim) доступна на восьми языках, в том числе русском⁶². Эта категория источников позволяет рассмотреть различные подходы к принятию решений, возможно субъективные, но всегда обусловленных контекстом, что позволяет глубже в него погрузиться.

Шестая группа – материалы средств массовой информации. К ним относятся публикации New York Times, CNN, BBC, Al Jazeera, Al Arabiya, Tehran Times, Russia Today. СМИ освещали различные аспекты как внутреннего положения дел внутри территорий Курдистана, так и политики, проводимой странами, на которых он расположен. Эта группа источников помогает собрать информацию о происходящем и понять реакцию мировой общественности и принятие возможных будущих решений.

Для более точного понимания позиций курдов были использованы материалы, размещенные на созданных и поддерживаемых курдами сайтах, посвященных распространению курдской культуры: Курдский институт Парижа⁶³, The Kurdish Project⁶⁴, а курдский взгляд на возможные перспективы отделения Рожавы размещен на портале на курманджи Rojeva Kurd⁶⁵.

В эту же группу источников следует включить материалы на сайтах курдских партий⁶⁶, и официальные сайты правительства и министерств Иракского Курдистана, на которых доступна информация о культуре,

⁶² Барзани М. Заявляя о своих правах // Barzani Charity Foundation. Май 2023. – URL: https://www.masoudbarzani.krd/media/3350/bo_meju_rusi.pdf (last visited: 07.07.2024).

⁶³ Institut Kurde de Paris. Foundation. URL: <https://www.institutkurde.org/en/> (last visited: 07.07.2024).

⁶⁴ The Kurdish Project: Home // The Kurdish Project. URL: <https://thekurdishproject.org/> (last visited: 07.07.2024).

⁶⁵ Rojeva Kurd. // Rojeva Kurd Project. URL: <https://rojevakurd.com/> (last visited: 07.07.2024).

⁶⁶ Kurds and Arab Strategy Forum, which explores world future in 2017 // Democratic Union Party (Syria). URL: <https://pydrojava.org/english/kurds-and-arab-strategy-forum-which-explores-world-future-in-2017/> (last visited: 07.07.2024).

языках и достопримечательностях Курдистана. Также отдельно отмечается, что ни один солдат коалиции не погиб в Курдистане во время войны в Ираке, и ни один иностранец не был похищен на территориях, находящихся под управлением Регионального правительства Курдистана (КРП)⁶⁷.

Проведение исследования на основе описанной выше широкой эмпирической базы позволяет наиболее полно оценить подходы к проблеме формирования курдской государственности со стороны самых разных сегментов обладающего высоким уровнем культурного и религиозного многообразия курдского сообщества, в том числе различных курдских политических партий, определить особенности их взглядов по данному вопросу, а также осуществить подробный анализ стратегий разнообразных внешних игроков применительно к попыткам курдов обрести собственную государственность.

Положения, выносимые на защиту.

1. Совокупность международно-правовых, конституционных и политических документов создает нормативную основу для курдских притязаний, которая, однако, вступает в противоречие с принципом территориальной целостности государств и геополитическими интересами региональных и глобальных акторов, что предопределяет конфликтный характер взаимодействия курдских образований с государствами базирования и международным сообществом.
2. Религиозно-культурную и лингвистическую гетерогенность курдов следует рассматривать не как недостаток, а, скорее, как преимущество, оказывающее позитивное влияние на формирование новой курдской идентичности. Однако, несмотря на это, нельзя

⁶⁷ The Kurdistan Region in brief // Official Tourism Site of Kurdistan. URL: <http://bot.gov.krd/about-kurdistan/kurdistan-region-brief> (last visited: 08.04.2024).

игнорировать сложности, с которыми они сталкиваются из-за своего религиозного и лингвистического многообразия.

3. Эклектичность религиозного состава Курдистана в значительной степени повлияла на курдскую политическую идентичность, а единство разнообразного населения Курдистана вопреки внешним разобщающим факторам возникает из его культуры толерантности, которая, в свою очередь, проистекает из его долгой истории разнообразных религиозных традиций. В то же время это осложняет их взаимодействия с государствами, на территориях которых расположен современный непризнанный Курдистан и в которых доминируют достаточно нетерпимые к инакомыслию и инаковерию религиозные традиции.
4. Развитие местных течений феминизма (например, *Jineolojî* (жинеология) положительно влияет на восприятие борьбы курдов на международной арене: расширение прав и возможностей женщин находит отклик в более широких инициативах в области прав человека, а объединяясь с феминистскими движениями, курды могут привлечь международное внимание и солидарность.
5. Современное состояние проблемы курдской государственности характеризуется глубокими противоречиями: при беспрецедентном усилении политического влияния и институционального оформления курдских автономий на Ближнем Востоке, перспектива создания единого суверенного Курдистана остается такой же отдалённой, как и ранее. Несмотря на фрагментарные успехи, курдский вопрос сегодня развивается в логике укрепления региональных автономий, чьё существование всецело зависит от непредсказуемого баланса сил внешних игроков — США, России, Турции и Ирана.

6. Все стороны преследуют свои интересы, отстаивая собственную позицию, и большинство из них не готовы идти на компромисс из-за опасений потерять лицо или поддержку своей базы (последователей/избирателей). Несмотря на заявления международных субъектов, призывающих к мирному разрешению этих конфликтов, зачастую именно нежелание локальных акторов пойти на компромисс и приступить к переговорам в конечном итоге приводит к сохранению статус-кво, которое может быть выгодно для центральных правительств, но не приближает правительство Курдистана к обретению независимости.
7. Современное состояние проблемы курдской государственности с точки зрения внутренней организации курдов демонстрирует двойственность: заметные успехи в построении автономий соседствуют с глубокими внутренними расколами. Стратегические и идеологические разногласия между различными курдскими движениями (от традиционного национализма в Ираке до либертарно-социалистического проекта в Сирии и парламентской борьбы в Турции) не позволяют говорить о консолидированной общекурдской позиции. Сценарии, при которых Иракский Курдистан провозгласит независимость (если правительство прибегнет к этой возможности), создаст прецедент и повлияет на судьбу курдской независимости в целом.

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование и полученные выводы соответствуют паспорту специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»: 2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий,

концепций и доктрин. 3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики. 8. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность. 9. Геополитические факторы и процессы. 15. Демографические и миграционные процессы в международных отношениях и мировой политике. 16. Международные связи субнациональных субъектов.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена следующим: содержащиеся в исследовании оценки достижений курдов в борьбе за независимость могут быть использованы для адаптации внешнеполитического курса Российской Федерации как на Ближнем Востоке, так и в отношениях с другими крупными акторами на мировой арене в целом. Также результаты исследования раскрывают тактику и стратегии, которые могут быть характерны для различных сепаратистских или ирредентистских движений (сложность положения курдов позволяет нам использовать такую размытую формулировку). Анализ этих методов позволяет разрабатывать возможные варианты реагирования на происходящее. Также практическая значимость данного исследования связана с возможностью использованием полученных результатов в учебном процессе в ходе преподавания таких дисциплин, как конфликтология, политология, история международных отношений и других.

Апробация результатов исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 11 научных статей общим объемом 7,09 п.л., из них – 6 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Основные положения и выводы диссертации были диссертантом представлены в выступлениях на научных конференциях различного уровня, в частности: LIII Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история», 7 декабря 2021, г. Москва; XXXII International Multidisciplinary Conference “Recent Scientific Investigation”, 2 may 2023, Shawnee, USA; Международной научно-практической конференции «Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм», 26-28 октября 2022 г., г. Москва; Форуме молодых учёных государств-участников СНГ «Наука без границ», 1-4 ноября 2022 г., г. Нижний Новгород; Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики», 16-17 ноября 2023 г., г. Нижний Новгород; Всероссийской научно-практической конференции «Российская государственность: между прошлым и будущим», 7-8 декабря 2023 г., г. Нижний Новгород; III Международная конференция «Лазаревские чтения», 11 декабря 2023 г., г. Москва; IX Международной молодёжной конференции «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», 14 декабря 2023 г., г. Нижний Новгород; Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики», 19-20 ноября 2024 г., г. Нижний Новгород; Всероссийской научной конференции «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», 21 и 23 апреля 2025 г., г. Москва.

Структура работы подчинена основным задачам и целям исследования и состоит из введения, трёх глав, разделенных на тематические параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Глава I. Становление «курдского вопроса»

1.1. Феномен курдской идентичности

Каждой нации приходится решать вопрос коллективной идентичности в процессе национального строительства, но для курдов эта задача была особенно сложной и мучительной, потому что все принимающие государства пытались – периодически, с разной степенью силы и с различным успехом – лишить их идентичности как сообщества и этноса (что в некотором роде сближает их с историей евреев, хотя процесс размытия их идентичности длился дольше и затронул большее количество государств). Государства использовали ряд стратегий для достижения этой цели, считая язык важнейшим символом идентичности и инструментом её формирования, все они в какой-то момент запретили использование курдского языка⁶⁸. Одновременно они проводили политику арабизации, тюркизации или персидизации, в зависимости от конкретного кейса. В Сирии правительство даже лишило большое количество курдов гражданства.

Наиболее ярким примером является Турция, в которой письменная и устная курдская речь были запрещены в течение длительного периода времени, а турецкая политика дошла до крайности, когда буквы Q, W и X, используемые в курдском языке, были запрещены, а их использование могло привести к уголовному преследованию⁶⁹. Курдские имена были запрещены, как и все курдские политические организации. Если сравнивать формирование курдской идентичности в прошлом с формированием курдской идентичности в двадцатом веке, то, скорее всего,

⁶⁸ Hassanpour A. Nationalism and Language in Kurdistan, 1918-1985 / Amir Hassanpour. – Mellen Research University Press, 1992 – 520 p.

⁶⁹ Illegal letters in Turkey // The World – 2009. – November 25. – URL: <https://theworld.org/2009/11/illegal-letters-in-turkey> (last visited: 28.08.2023).

можно заключить, что этот процесс был намного проще и естественнее в прежние времена.

Как показывает Майкл Эппель в своей книге «Народ без государства: курды от расцвета ислама до зарождения национализма», несмотря на то, что курды были исламизированы на раннем этапе, им удалось сохранить нетронутыми другие маркеры идентичности. Более того, под властью Османской империи им удалось создать княжества, которые были автономными, хотя и не являлись независимыми государствами. Напротив, в двадцатом веке национальные государства, возникшие на руинах Османской и Персидской империй, считали себя чрезвычайно уязвимыми и поэтому чувствовали необходимость защитить свою собственную идентичность, сплоченность и единство, подавляя курдскую идентичность⁷⁰. Более того, они видели в этом право национального государства навязывать этническим и национальным меньшинствам национальность доминирующей группы, будь то турки, арабы или персы. Соответственно, приравнивая идентичность к лояльности, новое национальное государство рассуждало, что человек или группа, настаивающие на сохранении своей идентичности, нелояльны по отношению к государству и с ними следует обращаться соответственно. Другими словами, мультикультурализм рассматривался как угроза государству. Таким образом, на протяжении всего нового времени борьба велась между национальными государствами и негосударственной нацией – курдами. В результате двадцатый век стал свидетелем периодических попыток подавить курдскую идентичность как на культурном, так и на социально-политическом уровне, поскольку сама эта идентичность, казалось, ставила под угрозу единство и целостность каждого из четырех государств, управляющих курдскими территориями. Как и создание нации,

⁷⁰ Eppel M. *People Without a State: The Kurds from the Rise of Islam to the Dawn of Nationalism* / Michael Eppel // University of Texas Press. – 2016.

формирование идентичности также может различаться по форме и интенсивности. В ходе современной истории курды столкнулись с проблемами раскола идентичности, её двойственности и кризиса. Все они в какой-то момент были вынуждены выбирать между своей идентификацией с государством или с нацией, что, в свою очередь, вызвало кризис идентичности.

Как предполагает Хусейн Тахири в своём исследовании «Структура курдского общества и борьба за курдское государство», двойная идентичность курдов в Иране, например, была основным препятствием для строительства там курдской нации⁷¹. Однако, несомненно, то, что на рубеже XXI века курды во всех основных регионах своего проживания боролись за восстановление идентичности, в которой им было отказано на протяжении большей части двадцатого века. Попытки курдов вернуть свою идентичность не могли не встретить резкую реакцию со стороны четырех «принимающих» государств, которые опасались, что любая уступка в этом отношении поставит под угрозу само их существование и приведет к сепаратизму со стороны не только курдов, но и других меньшинств.

В Турции, где курдская идентичность подавлялась сильнее остальных государств, её восстановление было самым мучительным и травматичным. Там курдов до недавнего времени называли «горными турками», и все признаки их уникальной идентичности были стерты. Именно здесь курдская реакция была наиболее жестокой, включая террористическую деятельность Рабочей партии Курдистана (Партия Каркерен Курдистан, или РПК), тогда как в других курдских регионах такие действия были довольно редки. Даже когда в начале 1990-х годов в Турции открыто формировались политические партии, они продолжали

⁷¹ Tahiri H. The Structure of Kurdish Society and the Struggle for a Kurdish State. Costa Mesa, Calif.: Mazda, 2007. – 348 p.

поддерживать симбиотические отношения с РПК, военным подразделением, которое позиционировало себя как поборника курдского национального движения. На другом полюсе находятся курды Ирака, особая идентичность которых была признана государством, который предоставил курдам право использовать свой язык, а также некоторую степень автономии, давая им значительные преимущества относительно их собратьев в других странах.

Исследование Шерко Кирманджа «Идентичность и нация в Ираке»⁷² доказывает, что курдская идентичность в Ираке действительно гораздо более кристаллизована, чем в других регионах. Пример Ирака, где курды почти достигли желаемого, создав квазикурдское государство, также может свидетельствовать о сильной корреляции между формированием идентичности и государственным строительством.

На протяжении большей части двадцатого века сирийские курды были молчаливым меньшинством. Это не значит, что внутри их комьюнити не назревали недовольство и существенные изменения. Это была двойная борьба: не только против сирийского правительства, но и внутри самой курдской общины. На одном уровне курды боролись за восстановление своей курдской идентичности, а также, как подчеркивает Эяль Зиссер в своём исследовании, за получение того самого права на гражданство, в котором некоторым из них было отказано ранее⁷³.

На другом уровне курдская молодежь инициировала внутреннюю революцию против старшего поколения, поскольку считала его слишком пассивным, что усиливало разрыв поколений внутри сообщества. Однако события лета 2012 года, в ходе которых курды взяли под контроль

⁷² Kirmanj Sh. Identity and nation in Iraq / Sherko Kirmanj. – Lynne Rienner Publishers. – 2013. – 321 p.

⁷³ Zisser E. The Kurds in Syria: Caught between the Struggle for Civil Equality and the Search for National Identity. Kurdish Awakening. pp.193-213. DOI:10.7560/758131-014

курдскую территорию, оставленную сирийской армией, и провозгласили курдскую автономию, положили конец расколу поколений, по крайней мере, временно.

Восстановление курдской идентичности в Иране было более сложным из-за двойной идентичности, которая сопровождала курдов там с незапамятных времен. Курды Османской империи вели борьбу за восстановление привилегий автономности, которые они потеряли в середине девятнадцатого века, но такого процесса в Иране не происходило до начала двадцатого века. Османско-персидская дихотомия оказала сильное влияние на курдов в двадцатом веке: кажется, что курды Ирана ведут себя пассивно, но это вряд ли будет продолжаться вечно, поскольку трансграничное влияние внутри курдского народа достаточно сильно.

Курдская борьба за идентичность и государственность велась не только против государств, но и внутри самих курдских сообществ. Важнейшим вопросом является трибализм и его влияние на национальное строительство. Считается, что трибализм конкурирует с развитием национального движения и чаще всего препятствует ему. Однако картина этого явления в курдском обществе более нюансирована и сильно отличается от трибализма в тех же арабских обществах. В случае с курдами племена и главы племен вносят свой вклад в процесс национального строительства.

Также важно подчеркнуть определенные религиозные моменты, отражающие курдскую идентичность. Как и трибализм, религия играла двойственную роль в курдских сообществах. С одной стороны, религиозные лидеры взяли на себя важную роль в активизации курдских движений. С другой стороны, множество религиозных сект вызывало разногласия. Так, например, курды-мусульмане преследовали езидов до такой степени, что некоторые группы езидов отреклись от курдского национального движения⁷⁴ и теперь пытаются создать собственную

⁷⁴ Hussein D.J. Hydrocarbon fuels as a basis of the Kurdistan region's global diplomacy // Мировая

отдельную идентичность. Курдские суннитские и шиитские секты в Иране не сходятся во взглядах по вопросу курдской идентичности и курдского национального проекта, и существует соперничество и враждебность между суфийскими тарикатами.

Также важно изучить роль женщин в курдском обществе и их вклад в национальный проект. Здесь также уровень вовлеченности и политизации не одинаков во всех регионах: наиболее активными, без сомнения, являются курдские женщины в Турции, которым приходилось бороться как за свое место в обществе, так и за свою роль в курдском национальном проекте. Обе этих борьбы лежат в основе проблем идентичности, достижения турецких женщин были весьма впечатляющими по сравнению не только с другими курдскими обществами, но и с ближневосточными обществами в целом.

В сфере искусства и культуры в целом главной проблемой для писателей и художников были ограничения на использование ими курдского языка для выражения своей идентичности и мировоззрения. Писатели, говорящие на курдском языке, столкнулись с тройной проблемой: запретом государства на использование курдского языка, тем фактом, что сам курдский язык ещё не стандартизирован, и неспособностью целевой аудитории владеть языком. Тем не менее, даже когда курдские писатели предпочитали писать свои романы на государственном языке, например, на арабском, они не могли удержаться от идентификации с курдским народом⁷⁵.

Как пишет Е.И. Васильева, «интегративно-охранительная потенция, заложенная в племени, обеспечивала его жизнестойкость и неиссякаемую

политика. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hydrocarbon-fuels-as-a-basis-of-the-kurdistan-region-s-global-diplomacy> (last visited: 14.05.2024)

⁷⁵ Zeidel R. Forging Iraqi-Kurdish Identity: A Case Study of Kurdish Novelists Writing in Arabic. *Kurdish Awakening*. <https://doi.org/10.7560/758131-010>

способность к регенерации. В периоды экстремальной напряжённости в Курдистане, во времена военных действий и разрухи, которыми так богата история страны курдов, в горах племя оставалось единственной структурой, сохранявшей способность в доступных ей пределах контролировать ситуацию.

Племя как специфическая форма социальной организации выступало для курдов прибежищем экономической, политической и идеологической стабильности. Курды едва ли смогли бы сохранить себя как этносоциальную общность, если бы в экстремальные моменты своей истории они не имели возможности уходить в свои горы, где их оплотом служили кочевье и племя.

Для племени, как социально-политической структуры, характерен не более низкий уровень социального развития, а иной уровень усложнённости, вернее, отсутствие усложнённости»⁷⁶.

Таким образом, проблема формирования курдской идентичности заключается в её глубокой внутренней фрагментации и постоянном внешнем противодействии, где многовековое разделение курдов между Османской и Персидской империями, а затем между четырьмя современными государствами (Турцией, Ираком, Ираном и Сирией) привело к возникновению региональных вариантов идентичности (курманджи, сорани, заза и др.), часто доминирующих над общекурдской; при этом отсутствие собственной государственности, системные политики ассимиляции и отрицания курдской самобытности со стороны стран проживания (особенно в Турции, где долгое время действовал запрет на курдский язык и отрицалось само существование курдов), а также идеологические расколы между традиционными клановыми структурами,

⁷⁶ Васильева Е.И. Курдские историографы о курдских племенах (от Шараф-хана Бидлиси – XVI в. до Мирзы Али-Акбара Курдистани – XIX в.) // Письменные памятники Востока, 2010. – № 2(13). – С. 208.

светским национализмом и левыми движениями (прежде всего, РПК с её доктриной демократического конфедерализма) создают сложную систему, в которой поиски единой национальной идентичности продолжаются в условиях постоянного балансирования между племенной, религиозной, гражданской и политической лояльностью.

1.2. Курдское национальное движение в борьбе за государственность

Курды в каждой части исторического Курдистана достигли разной степени национального строительства. Иракский Курдистан достигнул значительного прогресса в консолидации государства, политике идентичности и усилиях по демократизации.

Курды в Турции сосредоточены в основном на политике идентичности, в Сирии же они находятся на начальных стадиях государственной консолидации, а в Иране курды отстают по всем трем категориям. Тем не менее, следует подчеркнуть, что в качестве стратегии все курды последовательно призывают к демократизации политической системы, воспринимают государство в качестве обязательного условия гарантии собственных прав и воздерживаются от резких сепарационных настроений.

При этом термины «демократия» или «демократизация» стали неотъемлемой частью курдского национального дискурса во всех четырех регионах. Например, основные курдские партии носят такие названия, как Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), которая была создана в 1945 году, и иракская Демократическая партия Курдистана (ДПК), которая была создана через год после этого. Одна партия в Сирии и одна в Турции фактически носят одно и то же название. Ключевым лозунгом для иранских курдов уже давно является «Демократия для Ирана, автономия для Курдистана»⁷⁷. Нельзя не отметить настойчивость курдов в

⁷⁷ Democratic Party of Iranian Kurdistan. Programme and Internal Regulations // The Democratic

отношении демократии, поскольку их основные права всегда попирались тоталитарными, авторитарными или военными режимами.

Если формирование курдской идентичности и национальное строительство были серьезно затруднены в двадцатом веке, то это тем более верно в отношении государственного строительства. Хотя многие войны прошлого столетия «обещали» создание курдского независимого или автономного государства, все они закончились катастрофой в отношении курдского национального проекта. Окончание Первой мировой войны породило ожидания создания курдского государства, но закончилось разделением курдов между государствами. Окончание Второй мировой войны привело к созданию в Иране первого курдского государства, Мехабадской республики, ставшей символом надежды и прекратившей существование менее чем через год. Исход иракско-иранской войны 1980–1988 годов был не лучше для иракских курдов, которые стали «пушечным мясом» этой войны. Эта модель войн, перерастающих в курдские катастрофы, внезапно изменилась после войны в Персидском заливе 1991 года. Первоначально казалось, что окончание этой войны последует по старой схеме, но к 1992 году было создано курдское образование – со всеми взлетами и падениями государственного строительства. Иракская война 2003 года оказалась еще более важной для проекта курдского государственного строительства: региональное правительство Курдистана (КРГ) взяло на себя все атрибуты квазигосударства. Помимо национальных гербов и государственных институтов, оно разработало собственную конституцию, которая является одним из символов государственности. Эта конституция иллюстрирует сложность курдско-иракских отношений, а также указывает на успехи,

достигнутые курдами на пути к созданию отдельного курдского государства.

Севрский договор 1920-го года юридически зафиксировал право курдов на создание собственного государства, но предполагаемый путь был многоступенчатым и зависел от решений международных органов. Его так и не удалось реализовать из-за победы турецкого национального движения, которое отвергло договор, и последующего пересмотра всего послевоенного урегулирования в Лозаннском договоре⁷⁸. Таким образом, Севрский договор остался в истории как «несбывшееся обещание» курдской государственности. Наиболее заметной особенностью курдского ландшафта являются скалистые горы восточной части горного хребта Таурус-Загрос. Из-за внушительной природы гор армиям было трудно завоевать эту территорию, что позволило курдскому народу выжить в своих крепостях на протяжении веков.

В 1923 году курдский вопрос стал актуальным после подписания Лозаннского договора⁷⁹, который разделил территорию компактного расселения курдов между Турцией, Ираком, Ираном и Сирией. Это способствовало формированию национальной идентичности курдов в XX веке, несмотря на то, что правительства этих стран проводили политику «одна страна, один народ, один язык», что привело к угнетению курдских меньшинств и возникновению национального движения. Таким образом, возникли несколько центров силы, которые поддерживают и развивают курдский национализм. Для полноценного раскрытия данного вопроса необходимо рассмотреть документы, которые закрепляют принцип самоопределения народов в международном праве. Показательным является тот факт, что в Уставе ООН принцип равенства и

⁷⁸ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, пер. с франц., М., 1927

⁷⁹ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, пер. с франц., М., 1927

самоопределения народов закреплён в качестве общепризнанной нормы международного права⁸⁰, ведь одна из целей ООН – развитие дружественных отношений между государствами «на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов» (п. 2 ст. 1). Данный принцип получил дальнейшее развитие в ряде международных актов и договоров:

– в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г., говорится о том, что все народы имеют право на самоопределение: в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют своё экономическое, социальное и культурное развитие⁸¹;

– в Декларации о принципах международного права 1970 г., касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, заявлено, что в силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН⁸², все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава, а также, что особенно важно, создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом

⁸⁰ Устав ООН (полный текст) // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.12.2023)

⁸¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml

⁸² Устав ООН (полный текст) // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.12.2023)

права на самоопределение. При этом государствам запрещается применять силу в целях лишения народов права на самоопределение;

— Ст. 1 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г.⁸³ и ст. 1 Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁸⁴ также подтверждают права народов на самоопределение и добавляют, что все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишён принадлежащих ему средств к существованию.

События в Иракском Курдистане начали оказывать синергетическое воздействие на все остальные части курдской родины еще в 1990-х годах, но поворотный момент наступил в начале XXI века, когда трансграничные влияния и даже признаки панкурдизма стали проявляться всё ярче. Таким образом, в отличие от более пассивной позиции и фрагментированного видения на протяжении большей части двадцатого века, курды, похоже, стали гораздо более напористыми, динамичными и более едиными в своих взглядах, включая взгляд на «Большой Курдистан» (неофициальное название обширной этногеографической области на Ближнем Востоке, на которой проживают курды). Эту трансформацию можно объяснить сочетанием внутренних и внешних социально-политических факторов. Новые средства массовой информации способствовали использованию

⁸³ Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.12.2023)

⁸⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 12.12.2023)

общего языка и ускорили общение между курдами во всем мире, даже несмотря на тот факт, что реального прогресса в стандартизации курдского языка не произошло. Курдские интернет-сайты стали инструментом обхода физических границ, разделяющих четыре курдских региона, распространения курдского языка среди молодого поколения и в странах, где он был запрещен⁸⁵.

Курдский дискурс также подвергся революционным изменениям. Старые курдские названия мест, такие как Хьюлер (Эрбиль) или Амед (Диярбакыр), были восстановлены в рамках возрождения идентичности. Восстановление исторической памяти также стало частью нового национального начинания. Севрский договор, Махабадская республика и газовая атака в Халабдже в 1988 году (в ходе ирано-иракской войны) были добавлены в арсенал коллективной памяти и запечатлены в курдской идентичности, способствуя защите курдской государственности.

Роль курдской диаспоры также стала решающей, особенно с притоком в РПК интеллектуалов и бизнесменов, которые были готовы поделиться своим опытом и видением. КРГ стала эпицентром курдского национализма благодаря Масуду Барзани, становясь центром курдских политиков, активистов, студентов и предпринимателей со всего Курдистана.

Одновременно с этим оказали влияние и геополитические изменения. Рост этнонационализма в различных частях мира в значительной степени способствовал курдскому утверждению в требовании о самоопределении. Американское вторжение в Ирак в 2003 году и вывод войск в 2011 году дали еще один импульс курдам, хотя, возможно, это и не входило в намерения США. Ослабление принимающих

⁸⁵ Kurdish Unified Alphabet. Kurdish Academy of Language [KAL]. URL: <https://kurdishacademy.org/?p=103> (last visited: 28.12.2023).

государств в результате региональной и международной динамики, включая вывод американских войск из Ирака, изменило баланс сил между государством и его меньшинствами, особенно курдами. Образование новых государств, например, Южного Судана в 2011, стало сигналом о том, что границы, образованные после мировых войн, больше не являются священными. Кульминацией стала так называемая «Арабская весна», что помогло активизировать «курдскую весну» в Сирии, а также в Турции. Сравнивая опыт курдских национальных движений с опытом других национальных движений, Бенъямин Нойбергер в своей работе находит между ними большое сходство⁸⁶. Правда, курды существенно отставали от этнонациональных групп, сумевших создать собственное государство. Тем не менее, учитывая важные трансформации, происходящие как среди самих курдов, так и во всем окружающем их мире, нельзя исключать возможность того, что одной части этой раздробленной родины в итоге удастся провозгласить свою независимость.

В 1991 году, после курдского восстания против Саддама Хусейна, западные державы установили бесполетную зону для защиты курдов (Резолюция 688 Совета Безопасности ООН). Под этой эгидой курды смогли сформировать Курдистан — де-юре автономный регион в составе федеративной республики Ирак, де-факто — независимое государство. В последние годы Багдад старался вернуть себе большую часть этой автономии.

«Арабская весна», то есть волна народных протестов против коррупции и авторитаризма, прокатившаяся по арабскому миру весной 2011 года, оказала совершенно разное воздействие на неарабские группы населения, проживающие в регионе, — прежде всего на курдов.

⁸⁶ Kurdish Awakening. Nation Building in a Fragmented Homeland [Edited by: Ofra Bengio] // University of Texas Press. 2014 – 384 p.

Действительно, сам термин «Арабская весна» предполагает проблемный арабо-националистический уклон. В Сирии курды неохотно присоединялись к оппозиции; впоследствии Партия демократического единства (PYD), курдская партия, характеризующаяся трудными отношениями с режимом Асада, определила себе территорию, которая стала известна как Рожава. В Ираке народный протест против правительства Багдада, в котором доминируют шииты, был сосредоточен в суннитских арабских районах; в регионе Курдистана произошли кратковременные и ограниченные региональные протесты против регионального правительства в Эрбиле.

Ситуация в неарабских соседних странах, таких как Турция, была совсем иной. Первоначально многие арабские исламисты рассматривали Турцию как модель успешного сочетания демократии, экономического процветания и уважения исламских ценностей. Среди курдов в Турции, несмотря на значительный скептицизм относительно намерений правительства, настроение, по-видимому, было сдержанно-оптимистичным, проникнутым желанием использовать новые возможности. На основе имеющихся данных можно утверждать, что племена продолжают играть важную роль в курдском политическом пространстве в Турции. Хотя было бы трудно дать точную картину политических обязательств примерно 750 племен, которые составляли курдский племенной ландшафт в Турции в этот избирательный период⁸⁷. Однако, они не являются по-прежнему теми же крупными игроками, какими были всего несколько десятилетий назад.

В современную эпоху формы, которые принимает курдская борьба за самоопределение, должны изучаться, в том числе для того, чтобы иметь возможность спрогнозировать вероятность возникновения дальнейших

⁸⁷ The Cambridge History of the Kurds / Cambridge University Press. 2021. – 600 p.

вооруженных конфликтов в государствах со значительным курдским меньшинством. Государства, имеющие дело с курдскими волнениями в двадцатом и двадцать первом веках, до сих пор стремились избегать обозначения этого движения как «курдских восстаний». Вместо этого они предпочитали такие ярлыки, как «террорист», «племенной или религиозный реакционер», «империалистическая пешка» или «политический оппортунист»⁸⁸. Это ясная политика турецких и иранских государственных СМИ, сегодня, при обсуждении атак РКК (Рабочая партия Курдистана) или РЖАК (Партия свободной жизни Курдистана), которые почти никогда не описываются как «курдские восстания» с участием «курдских националистических движений», а скорее как «террористические» или «сепаратистские» акты. Описание такого насилия как «курдского» означало бы, что рассматриваемые государства не преуспели в интеграции или размещении своего курдского населения. Терминология типа «националистические восстания» обязательно вызывает представления о нации, борющейся за самоопределение — концепция, которую большая часть международного сообщества рассматривает положительно.

В целом, курдское национальное движение развивалось разными, часто противоречивыми путями: от Республики Махабад в Иране (1946) до постепенной политизации и радикализации, кульминацией которой стало создание в 1978 году Рабочей партии Курдистана (РПК), превратившей курдский вопрос из локальных восстаний в перманентный транснациональный политический конфликт. Таким образом, курдское национальное движение сформировалось как ответ на

⁸⁸ The Kurds in a Changing Middle East: History, Politics and Representation // Bloomsbury Collections. URL: <https://www.bloomsburycollections.com/monograph?docid=b-9781788318907> (last visited: 19.08.2024).

внешнее отрицание, но его развитие было осложнено внутренними расколами и разнонаправленными стратегиями в разных странах проживания. В то время как драматические изменения, происходящие на Ближнем Востоке, открывают окна возможностей для курдской борьбы за признание, которая длится уже более ста лет, серьезные препятствия, похоже, продолжают возникать каждый раз, когда курды где-либо добиваются прогресса. Обширная курдская география, простирающаяся от западного Ирана до восточного Средиземноморья, а также столетия репрессий и отрицания их идентичности породили различные курдские группы с конкурирующими, а порой и противоречивыми взглядами и целями.

1.3. Религиозное многообразие и курдская идентичность

В каждом из регионов наблюдается различная динамика в соответствии с социально-политическими событиями в соответствующих странах. Хотя Курдистан фрагментирован, его части, тем не менее, связаны, и эти связи в XXI-м веке становятся прочнее. Иногда функционирование этих частей можно сравнить с общающимися сосудами, иногда ведут себя как соперники и конкуренты, что в целом похоже на взаимоотношения арабских стран. Признание этой двойственности имеет решающее значение для понимания сложных отношений между различными частями Курдистана, помогая пролить свет на сложность и мозаичность курдской ситуации.

Непризнание курдской государственности и многолетняя борьба также сказываются на межрелигиозных отношениях курдов, ведь современные институциональные системы крупных религий плотно связаны с государством. Религиозные институты часто контактируют с правительствами разных стран и зависят от их решений. Более того, в

мусульманских странах правительственные и религиозные функции часто совмещены в одном институте.

Ещё одна курдская религиозная проблема также проистекает из размещения курдов на территории разных государств. Отсутствие у курдов собственной государственности автоматически ставит их в зависимость от того, какое религиозное течение господствует в конкретном государстве. Поскольку все основные государства курдов – мусульманские (в официально светской Турции большинство населения также исповедует ислам), то формирование некоего анклава со своей религией, как это, например, происходит в России, на практике очень затруднено.

Курды считаются толерантными из-за их долгой истории сосуществования и взаимодействия с различными этносами и религиями, курдское общество традиционно было открытым и гостеприимным к разнообразию иностранных культур и обычаев. Кроме того, курды сталкивались с репрессиями и дискриминацией со стороны других этнических и религиозных групп, поэтому они часто призывают к уважению и толерантности к другим. Кроме того, в курдской культуре приветствуется доверие, любезность и гостеприимство к посторонним⁸⁹. Это также способствует формированию толерантного отношения к различиям.

Однако стоит отметить, что в последние годы некоторые курдские общины сталкиваются с ростом внутренней этнической и религиозной нетерпимости из-за вооруженных конфликтов и политических напряженностей в регионе. Религиозный контекст имеет решающее значение для понимания курдской этнической принадлежности и культуры, природы курдского национализма и потенциально

⁸⁹ Is Kurdistan a future location for the Hospitality Industry? // Hospitality ON. 17.03.22. URL: <https://hospitality-on.com/en/development/kurdistan-future-location-hospitality-industry> (last visited: 28.12.2023).

положительного влияния, которое относительно толерантные курды могут оказать на ислам в целом. Кажется ироничным, но курды уже является темой, по которой обычно непримиримым странам удалось достичь согласия (пусть и не в пользу курдов). Более того, в силу общего единения религии и политики в ближневосточных государствах, любые контакты на международном уровне в области религии автоматически воспринимаются странами, где живут курды, как некий элемент международного признания.

На сегодняшний день курдская проблема остается едва ли не единственным аспектом, по которому у Ирака, Ирана, Турции и Сирии существует единая позиция. В целом, любое движение на включение курдов как независимого субъекта, участвующего в решении хотя бы каких-нибудь вопросов, жёстко блокируется всеми четырьмя странами. Вопрос здесь настолько принципиален, что все четыре страны блокировали участие курдов в решении вопроса по противодействию ИГИЛ (запрещённая в России террористическая организация), хотя в какой-то момент иракские и сирийские курды были наиболее реальной силой, которая противостояла террористам Исламского государства (запрещённая в России террористическая организация). Более того, делу о легитимизации курдов не помогло даже то, что курды героически отбивали у ИГИЛ (запрещённая в России террористическая организация) населенные пункты, которые затем передавали под юрисдикцию этих государств (речь, в первую очередь про Сирию и её южные провинции). В качестве центрального аргумента относительно того, что заслуги курдов в обороне территории других стран от ИГИЛ (запрещённая в России террористическая организация) не следует воспринимать слишком высоко, обычно используется то, что сами курды – активные члены деструктивных радикальных исламистских группировок⁹⁰. Здесь в первую очередь,

⁹⁰ Baravi M.V., Kretov A.D., Tarasova D.A. (2024). Ethnic Kurdistan in the context of geopolitics of

активна Турция, которая считает всю курдскую рабочую партию Турции экстремистской. Впрочем, вопрос не только в пропагандистской позиции. Курды действительно участвуют и даже организуют радикальные мусульманские движения, а риторика отдельных мусульманских проповедников, живущих на территории Курдистана и вовсе выглядит максимально радикально.

При этом, говоря о влиянии религии, нельзя не упомянуть экстремистские течения. Борьба с экстремизмом внутри курдского общества можно воспринимать как ещё один показатель стремления избегать возможных религиозных конфликтов и поддерживать образ религиозного нейтралитета. В 2013 году Региональное правительство Курдистана (КРГ) объявило, что не будет хоронить на своей территории молодых курдов, участвующих в конфликте в Сирии на стороне повстанцев. Их участие описывалось как джихад и распространились сообщения о том, что курды присоединяются к боевикам, связанным с «Аль-Каидой» в Сирии⁹¹. Хотя их число было небольшим, сама тенденция кажется достаточно тревожной и также воспринималась властями Курдистана, ведь в то время как религиозное насилие разрывает большую часть Ирака, Иракский Курдистан борется за сохранение репутации безопасного, надежного и религиозно нерадикального региона.

Несмотря на иногда появляющиеся новости о конфликтах на религиозной почве, курды смогли создать достаточно цельное (для такого «пёстрого» состава) коммьюнити, где каждый из субэтносов получает значительную долю уважения. Не только положение курдов, но и их религиозный и субнациональный состав отличаются от государства к

⁹¹ Why are Iraqi Kurds Fighting with Militant Islamists in Syria? // Pulitzer Center. 14.05.2014. URL: <https://pulitzercenter.org/stories/why-are-iraqi-kurds-fighting-militant-islamists-syria> (last visited: 29.05.2024).

государству. Иракский Курдистан в настоящее время является единственным регионом на Ближнем Востоке, кроме Израиля, в котором религии мира преподаются на равной основе в государственных школах⁹², но ни одной религии не отдается предпочтение. «Курдский ислам — это не ислам Саудовской Аравии или Ирана», — заявил министр по делам религии Иракского Курдистана Мариван Накшбанди. «Нас часто заставляли страдать те, кто был нашими братьями-исламистами. Это сделало нас более терпимыми»⁹³. Независимо от того, проявятся ли эти дальновидные заявления в повседневной жизни курдов в Ираке (статистика о роли женщин в обществе намекает на её ограничения), они жизненно важны для имиджа, который Иракский Курдистан хочет продвигать.

В Сирии различия и недоверие внутри курдской общины обусловлены, в том числе, отношением к ним государства. В результате специальной переписи населения, проведенной еще в 1962 году, десятки тысяч сирийских курдов были лишены сирийского гражданства и всех гражданских прав, и юридически классифицировались как аджанибы (иностранцы) в провинции Аль-Хасака⁹⁴. Даже потомки оставшихся вне легального поля курдов продолжают страдать от последствия, нося статус «мактумов»⁹⁵ — незарегистрированных лиц без гражданства.

⁹² Religious Neutrality In 94% Muslim Iraqi Kurdistan // The Huffington Post. 18.06.2012. URL: https://www.huffpost.com/entry/religious-neutrality-iraqi-kurdistan_b_1587042 (last visited: 29.12.2023).

⁹³ Why are Iraqi Kurds Fighting with Militant Islamists in Syria? // Pulitzer Center. 14.05.2014. URL: <https://pulitzercenter.org/stories/why-are-iraqi-kurds-fighting-militant-islamists-syria> (last visited: 29.05.2024).

⁹⁴ Waiting for the legal birth: Maktumeen in Syria deprived of ownership rights // Enab Baladi. URL: <https://english.enabbaladi.net/archives/2021/04/waiting-for-the-legal-birth-maktumeen-in-syria-deprived-of-ownership-rights/> (last visited: 29.05.2024).

⁹⁵ They Spoke of Maktumeen with a Sense of Pity and Disdain. The statement of Dawran Ibrahim Khalil, a Syrian Kurd denied nationality due to the 1962 special census // Syrians for Truth and Justice. 05.10.2019. URL: https://stj-sy.org/en/they-spoke-of-maktumeen-with-a-sense-of-pity-and-disdain/#_ftn1 (last visited: 29.05.2024).

Курды в Турции также сталкиваются со сложностями в выборе методов борьбы, которые они готовы поддерживать. Курды составляют около 18% населения Турции; самое большое курдское население Турции проживает в Стамбуле (около двух миллионов). Большинство курдов — мусульмане-сунниты, а также мусульмане-шииты, христиане, алевиты, иудеи и езиды. Религиозные расхождения, а также различные политические точки зрения объясняют широкое разнообразие курдских взглядов на государство, хотя в политическом дискурсе доминирует курдская РПК. Как и в случае с другими видами борьбы меньшинств, в разговорах о правах курдов часто доминируют идеи кемализма (ататюркизма), отрицательно реагирующие на курдские националистические требования.

Независимое курдское националистическое движение возникло в 1830-х годах в ответ на реформы Танзимата. В 1925 году новое светское государство подавило возглавляемое суфийскими шейхами восстание на востоке Турции, имевшее сильный курдский националистический подтекст, что задало тон государственным отношениям с курдами по всей Турции. Как и другие турецкие меньшинства, курды подвергались политике тюркизации при ранних националистических режимах⁹⁶. Уникальная курдская этническая идентичность не поощрялась или официально запрещалась турецким государством до 1990-х годов, что включало запрет курдских публикаций, радио- и телевизионных программ, а также религиозной деятельности на курдском языке, а также различные формы политических и экономических репрессий.

После десятилетий репрессий курдское сепаратистское движение возродилось в 1970-х годах, РПК возникла в 1978 году, и все другие взгляды быстро были маргинализированы, что привело к отчуждению

⁹⁶ Kurds in Turkey // Harvard Divinity School. Glossary. URL: <https://rpl.hds.harvard.edu/faq/kurds-turkey> (last visited: 01.07.2024).

больших слоев курдского населения. Из-за насильственных действий, совершенных РПК против турецких вооруженных сил и сил безопасности, любая поддержка прав курдов рассматривалась как форма преступного сочувствия.

По прошествии десятилетий многие курды считают, что насилие является неэффективным средством достижения прав, и что политическая активность является обычным явлением, и они поддерживают турецкую демократию. Хотя РПК предлагала радикальную левую точку зрения, в 1980-х годах также возникли исламские курдские группы, в том числе «Хизбалла» (не имеющая отношения к шиитской «Хизбалле» в Ливане), которая начала нападения на РПК в 1980-х годах, обвиняя ее в секуляризованности и убийствах мусульман, в чем ее поддержало турецкое правительство. Хизбалла потеряла популярность в 1990-х годах после похищений и казней людей на юго-востоке и была реорганизована⁹⁷.

Курды Ирана, кажется, столкнулись с историческим парадоксом: они были пионерами курдского национального движения и государственности, но сейчас они лишены автономии, а их права защищены недостаточно. Именно в Иране в 1946-м году возникла Республика Курдистан, более известная как Махабадская Республика, хотя она просуществовала менее года и фактически была марионеточным государством СССР, она стала примером организации национального курдского государственного устройства, включившего в себя такие атрибуты государства, как наличие официальных символов и контроль над территорией; и даже относительно прогрессивную на тот момент времени защиту прав женщин. Несмотря на все это, в то время как остальные три части Курдистана находились в процессе развития определенного самоуправления, курды Ирана в

⁹⁷ Elitsoy E. The Kurdish Hizbullah and Its Shifting Attitude towards Kurdishness and the Kurdish Issue in Turkey // Research Gate. – 2017. – URL: https://www.researchgate.net/publication/353402491_The_Kurdish_Hizbullah_and_Its_Shifting_Attitude_towards_Kurdishness_and_the_Kurdish_Issue_in_Turkey (last visited: 09.09.2024).

значительной степени бездействовали, что объясняется сочетанием как внутренних проблем курдов, так и присущей политики различных иранских режимов.

Исторически в Иране курдская идентичность часто фрагментирована, размыта или слита с иранской идентичностью, хотя в этническом отношении, несмотря на определенное культурное родство с персами, курды представляют собой отдельную нацию. К тому же, большинство иранских курдов являются суннитами, что усиливает их отчуждение от центрального правительства, что усилилось после Исламской революции, провозгласившей ислам шиитского толка официальной религией⁹⁸. Кроме того, в отличие от других государств, в которых курды в основном являются суннитами, в Иране существует значительная группа курдов-шиитов, что дополнительно усложняет возможное объединение курдов на современных светских основаниях.

Политика иранского правительства во многом объясняет положение курдов в этой стране. На протяжении всей современной истории Правительство Ирана стремилось подавить курдское национальное движение всеми возможными способами, включая принудительную ассимиляцию и отрицание курдской идентичности, что напоминает политику других государства в отношении курдских общин. Исламская Республика стремилась ослабить курдское движение, апеллируя к курдам-шиитам, основная концентрация которых находилась в Иране. Подчеркивая свою религиозную близость к шиизму и используя хорошо известную стратегию «разделяй и властвуй», сменявшие друг друга иранские правительства сумели дистанцировать курдов-шиитов от остального курдского национального движения. Низкий статус курдов-

⁹⁸ Bengio O. The Kurds in a Volatile Middle East / Ofra Bengio // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 2017. – URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/02/MSPS130web.pdf> (last visited: 14.08.2024).

суннитов отрицательно сказался на их доступе к возможностям образования и должностям в государственных учреждениях, а также препятствовал их участию в местной и национальной политике.

Важно помнить, что с точки зрения численности курды Ирана превосходят численностью курдов Ирака и намного превосходят численностью курдов Сирии. Они также обладают большим интеллектуально-научным потенциалом, многие из них принимают активное участие в курдском национальном движении, обеспечивая ему необходимые организационные связи с внешним миром, однако их возможности ограничены по сравнению с правительством Ирана, который с уверенностью можно считать амбициозной региональной державой и важным торговым партнёром для ряда стран, которые вряд ли будут склонны отказываться от развивающихся отношений ради поддержки курдов. Эти факторы делают появление второй Махабадской республики маловероятным.

В целом, религиозный аспект всегда занимал большое значение в жизни и быту курдов. Несмотря на свойственную им терпимость, у достаточно многочисленного (по разным оценкам от 40 до 55 миллионов человек) курдского народа существует довольно много внутренних разногласий и религиозная гетерогенность – одна из них. Её корни уходят в период зарождения мусульманской религии. Курды, в отличие от многих других стран, где исповедуется ислам, приняли его не в результате естественного распространения этой религии в течение нескольких веков, а очень быстро, когда в VII веке произошло стремительное арабское завоевание курдских племен в Месопотамии.

Курдская культура испытала влияние ряда доавраамических религиозных верований, однако отсутствие документальной истории не позволяет проследить конкретное происхождение многих современных курдских религиозных и социальных практик. Месопотамские и

анатолийские культы играли значительную роль в этом районе до письменной истории. А в восьмом веке до нашей эры, когда евреи были изгнаны из Палестины ассирийскими царями Израиля и Иудеи, в Курдистане появился иудаизм. Контакт с иудаизмом, вероятно, познакомил курдов с концепцией монотеизма. Зороастризм с его параллелями как с христианскими, так и с исламскими учениями (например, с конкретным определением добра и зла и идеей спасителя), вероятно, укрепил представление некоторых курдских общин о том, что все религиозные системы учат одной важной истине.

Езидизм, синкретическое и монотеистическое верование, вобравшее в себя элементы разных религий, что в некотором роде роднит его с уже исчезнувшим манихейством, также ведёт свою историю с двенадцатого века. При этом среди езидов также нет абсолютного единства, они поделены на племенные кланы и касты. Существуют радикальные езиды, которые утверждают, что собственно они и есть единственная сохранившая самоидентификацию часть курдского народа⁹⁹. Менее радикальные последователи этого направления говорят о том, что они движутся по более «естественному» для курдов пути, чем курды-мусульмане. В результате, когда в 2016 году официальный руководитель езидов Мир Назим Тахсин Бег заявил, что езиды – это курды, случилось даже небольшое волнение. Когда несколько сот человек вышли на улицу и потребовали его отставки, а после, среди итак немногочисленных езидов возникла альтернативная ветка управления, которая выбрала себе другого главу¹⁰⁰.

⁹⁹ Omarkhali H. R. Ethnic identity of the Kurds and self-identification of the Yezidi Kurds. Interaction with representatives of other cultures. // Path of the East. Cultural, ethnic and religious identity. Materials of the VII Youth Scientific Conference on Problems of Philosophy, Religion, and Culture of the East. / Rep. ed. A. D. Zelnitsky. Series "Symposium". Issue 33. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. – 2004.

¹⁰⁰ Наумкин В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) / Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, сс. 76-87.

Курдские лидеры, как светские, так и религиозные, не заинтересованы в том, чтобы внутри Курдистана возникали серьезные конфликты на религиозной почве. Руководитель демократической партии Курдистана Масуд Барзани постоянно говорит о равенстве и равноправии между езидами и курдами, а также периодически встречается с наиболее светскими и образованными их лидерами. Впрочем, дело не всегда совпадает со словом и езиды испытывают в Курдистане некоторые притеснения. Так, например, в Шингале запрещено вешать езидские знамена (на них изображены пророк езидизма Мяляк Тавус, павлин и солнце) на общее обозрение. Такие откровенные двойные стандарты приводят к падению доверия между курдским правительством и езидским меньшинством.

Это недоверие приводит к тому, что езиды обвиняли руководство иракских курдов в том, что последние намеренно не обороняли их деревни от ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), чтобы террористы могли проводить масштабные карательные зачистки. Впрочем, эти данные не имеют официального подтверждения, зато официально известно, что езиды поддерживают тесные отношения с Курдской рабочей партией, которая в мире умеренных мусульман пользуется крайне сомнительной репутацией, а с позиции турецкого государства и вовсе является террористической организацией.

Отдельно следует отметить тот факт, что курды, имеющие высокий уровень организации, близкий к государственному, сумели сохранить разделение светского и религиозного аспектов управления. В исламе вся власть изначально исходит от Аллаха, а потому не возможна никакая другая форма государственного устройства, кроме как основанного на законах шариата, которые может быть трудно адаптировать под современные реалии. Это вовсе не означает, что курды отказались от идеи реализации исламского государства, как общего объединения мусульман,

которые живут по законам шариата. Эти идеи периодически возникает в среде проповедников, которые призывают к вооруженным восстаниям, ставящим целью создание такого государства.

С подобными проповедниками курдские правители действуют особенно решительно, поскольку единственный инструмент, к которому они в состоянии прибегнуть, находясь в Курдистане – это призыв к мусульманам всего мира свергать еретические и «неверные» правительства в своих странах методом организации террористических актов и массовой паники. Поскольку Курдистан очень ревностно относится к своему международному признанию, любое подобное заявление, или учение, которое получило хоть малейший отклик, или малейшее признание, очень быстро ликвидируется силовыми методами. Тем не менее, подобные инциденты возникают практически каждый год. Более того, некоторые из таких инцидентов приводят к реальным террористическим актам, совершаемым под влиянием идей мусульманского фанатизма.

Ислам курдов также неоднозначен. Наиболее ревностные последователи ислама – это иракские курды. Они придерживаются ортодоксальных доктрин, однако, даже они во время противостояния с Исламским государством, не разделяли их радикальных взглядов и противодействовали им. Более того, проблема ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), побудила иракских курдов пересмотреть своё отношение к радикальным исламистам и даже пытались отозвать своих радикальных политиков, которые выражали самые жесткие взгляды, из парламента. Наименее религиозными являются сирийские курды. Они в целом солидарны с взглядом сирийских властей на то, что управление страной должно осуществляться светскими властями, хотя в исламе в целом разделение на духовную и светскую власть отсутствует.

Что касается курдских христиан, то их количество оценивается, по разным источникам, от 3-х до 5-ти процентов от общего числа курдов.

Христианские курды называются «хачпаристи», что в дословном переводе означает «поклоняющиеся кресту». Первое появление христианства на землях курдов принято связывать с Андреем Первозванным, который проповедовал в курдских городах Хенефоре, Аргенасе и Аксисе. Разумеется, после арабских завоеваний на христиан начались гонения, которые дошли и до курдских земель. После этого начавшийся было рассвет христианской мысли среди курдов был подавлен, и христиане остались на своём нынешнем уровне, по числу верующих среди курдского населения.

Мировое сообщество выбрало такой подход к решению данной проблемы, результатом которого не видится успех одной либо другой стороны, поскольку при достижении победы одной стороной, другая будет чувствовать себя наиболее ущемленной, что приведет к развитию конфликта. В связи с этим видится решение данной проблемы в создании таких условий, при которых существование курдов внутри своих государств будет максимально комфортным. Мотивировать противоречивые государства Ближнего Востока, чтобы они принимали курдов в своих государствах, как равных граждан. Решение курдской проблематики необходимо осуществлять на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, признания этнического права на самоопределение в соответствии с соблюдением Всеобщей декларацией прав человека. При этом исламская культура и богатый опыт государственного устройства во многом отличается своим положением, поскольку это способствует иракским курдам стать ближе на пути к цели по становлению независимого государства Курдистана. Стоит отметить, что по сравнению с другими народами, которые живут в признанных независимых государствах, иракские курды чувствуют себя значительно более свободными и национально идентичными.

Таким образом, противоречия с религиозной (суннизм, шиизм, алевизм, езидизм) и лингвистической (наличие различных диалектов курдского языка затрудняют общение) точек зрения в этническом Курдистане и неравномерное развитие его частей по-прежнему ведёт к незавершённому этногенезу, наличие существующих кризисов увеличивает конфликтотенный потенциал региона.

В настоящий период времени нет лидера, который бы заинтересовался в решении курдской проблематики в пользу самих курдов (становление независимого курдского государства). При этом некоторая часть населения также не готова к созданию данного государства, поскольку не прослеживается интереса с их стороны относительно становления новых условий существования их геополитического образования. Курдские лидеры разного ранга не обладают достаточными возможностями для заключения влиятельных союзов, а хаотичность их поведения часто отдаляет их друг от друга.

Курды сами продвигают толерантность, она могла бы стать частью их национального брендинга наравне с богатой древней культурой; если бы у курдов было достаточно ресурсов, то религиозное многообразие стало бы интересным концептом для своей линии мягкой силы. Религиозное многообразие испокон веков было частью курдской идентичности, однако сейчас, в условиях необходимости единения ради отстаивания своих прав, создаёт трудности; также осложняет ситуацию тот факт, что сейчас большая часть курдов является мусульманами-суннитами и подвергается влиянию мусульманских государств-соседей.

1.4. Влияние феминистических движений на курдскую идентичность

Ещё одним интересным и неожиданным аспектом, который помогает курдам выстраивать свою идентичность и бороться за создание государства, является феминизм. Подчинение женщин в семье и обществе,

закрепленное в религии, законах и обычаях, является почти всеобщим явлением. Кампании за освобождение женщин и гендерное равенство были частью политической борьбы современности на Западе, а затем и в других регионах, с переменным успехом. Однако в настоящее время Ближний Восток по-прежнему остается регионом, который чаще всего ассоциируется с угнетением женщин и гендерным насилием.

В то время как многие части региона в течение двадцатого века приходили к необходимости сначала предоставить, а потом обеспечивать соблюдение прав женщин, конец прошлого века и новое тысячелетие характеризуются как отходом от мер поддержки, так и появлением множества движений и режимов, которые активно ограничивают права женщин.

Такие страны, как Иран, Ирак, Сирия и Египет, в середине прошлого века стали местом проведения значительных правовых, социальных и культурных реформ, которые позволили женщинам появиться, хотя и ограниченно, в общественной жизни и на рынке труда (не только репродуктивного) и присутствовать в общественном пространстве. Во многих странах и регионах эти тенденции обратились вспять, начиная с Иранской революции 1979 года и продолжаясь ростом общественного присутствия и контроля со стороны религиозных движений.

В 1987 году был основан Патриотический союз женщин Курдистана (YJWK). Эта группа провела первые теоретические дискуссии движения о патриархальной эксплуатации, освобождении женщин и социальном конструировании роли женщин в семье. Эти идеи были контекстуализированы А. Оджаланом в его книге «Женщина и семейный вопрос в Курдистане».

Женщины не только боролись за курдское самоопределение в вооруженной борьбе в горах, они также сопротивлялись патриархальным взглядам своих товарищей-мужчин в партизанском движении, что

заставило их понять важность борьбы за освобождение женщин наряду с классовой и национальной освободительной борьбой.

Учитывая акцент, который А. Оджалан делал на женской свободе, это не было вопросом, который можно было отложить до решения курдского вопроса. Это был важный урок, извлеченный из предыдущих национально-освободительных сражений против колониальных держав, особенно в Азии и Африке, где женщин просили отложить собственную борьбу до завоевания независимости. Женщины также начали самоорганизовываться в городах, где они пришли к пониманию закрепощающей роли патриархальных структур капиталистической современности.

Первая женская партия (РЖК) была сформирована в марте 1999 года, вскоре после ареста А. Оджалана. Партия отказалась от упоминания Курдистана в следующем году и переименовала себя в РЖА (Партию свободных женщин)¹⁰¹, чтобы дать понять, что все женщины всех национальностей и происхождения могут присоединиться, показав, таким образом, инклюзивность, которая выходит за рамки сообществ, основанных на этнической идентичности.

Динамизм движения отражается в количестве различных организаций, которые были созданы за последние 20 лет, с рядом изменений названий, отражающих нюансы политических позиций.

Революция женщин в Рожаве почти не освещалась в основных СМИ, возможно, из уважения к Турции, союзнику НАТО, которая считает движение за самоопределение курдов «терроризмом». Тем временем протестное движение, способное свергнуть исламский режим Ирана, получает беспрецедентное освещение, потому что Иран – непримиримый враг Запада. Лозунг, который был малоизвестен до смерти Махсы Амини и

¹⁰¹ The Kurdish Women's Freedom Movement is universal women's struggle in its essence // KJK: Model of Mobilization. URL: <https://www.kjkonline.net/en/nivis/303> (last visited: 08.07.2024).

с энтузиазмом скандировался на курдских политических собраниях, теперь звучит в залах собраний и на демонстрациях по всему миру. Возможность обсудить его происхождение – это возможность повысить осведомленность о Рожаве, и поэтому всеобщее принятие этого лозунга – это позитивное событие.

Однако курдские женщины предупреждают об опасности превращения лозунгов в пустые слова. Как отметила Дилар Дирик, курдский ученый и активист, на конференции, организованной курдскими женщинами в Берлине в ноябре 2022 года: «Радикальные и революционные лозунги и символы все чаще становятся товаром, производятся массово, лишаются своего смысла и продаются обратно в пластике тем же людям, которые отдали свои жизни, создавая эти ценности»¹⁰².

Лозунг «Jîn, Jîyan, Azadî» (Женщина, жизнь, свобода) впервые проскандировали 8 марта 2006 года на демонстрациях в честь Международного женского дня курдские женщины в городах по всей Турции. В курдском освободительном движении эти слова приписывают А. Оджалану, который использовал их в 1993 году, не как лозунг, а как краткое выражение целей движения¹⁰³.

Jîn — курдское слово, обозначающее женщину, слово Jîneolojî (жинеология) (или «наука о женщинах»), было предложено А. Оджаланом. Его революционная история началась с марксизма-ленинизма и требования независимого национального государства Курдистан в 1978 году, когда он создал РПК в Турции. Отчасти под влиянием идей Мюррея Букчина о радикальном муниципализме А. Оджалан отверг государство как

¹⁰² Dirik D. The Kurdish Women's Movement History, Theory, Practice. – London: Pluto Press, 2022. – 384 p.

¹⁰³ Jîna «Mahsa» Amini Was Kurdish And That Matters [Electronic resource]// Novara Media URL: <https://novaramedia.com/2022/10/04/jina-mahsa-amini-was-kurdish-and-that-matters/> (last visited: 07.12.2023).

изначально патриархальный, жестокий и антидемократический институт в пользу модели низового самоуправления, основанного на участии, которую он назвал «демократическим конфедерализмом». Многие идеи А. Оджалана развивались во время его нахождения в тюрьме, во время нахождения в которой его список чтения включал феминистские работы Джудит Батлер и Марии Мис, которые, наряду с его длительными дискуссиями с курдскими феминистками-революционерками, такими как Сакин Джансиз, как считается, оказали влияние на его феминистские убеждения¹⁰⁴.

Для А. Оджалана «свобода женщин дороже свободы родины». Он считал, что после рабочих революций и национально-освободительной борьбы XIX и XX веков XXI век — век женской революции. Превосходство женщин, акцент на свободе женщин как предварительном условии для свободы всего человечества — это идея, которая движет революцией в Рожаве и вдохновляет курдское движение за самоопределение.

«Биологическое отличие женщины используется в качестве оправдания ее порабощения», — пишет он. «Вся работа, которую она делает, принимается как должное и называется недостойной «женской работой». «Её присутствие в общественной сфере, как утверждается, запрещено религией, морально постыдно; постепенно она изолируется от всех важных общественных мероприятий... Таким образом, идея «слабого пола» становится общей верой. На самом деле общество относится к женщине не просто как к биологически отдельному полу, но почти как к отдельной расе, нации или классу — самой угнетенной расе, нации или классу: ни одна раса, класс или нация не подвергается такому систематическому рабству, как «домохозяйствование».

¹⁰⁴ Наджах Гулё делится воспоминаниями о Сакине Джансиз // Hawar news. URL: <https://hawarnews.com/ru/15785605807793> (дата обращения: 13.08.2024).

А. Оджалан считал термин «феминизм» ограничивающим, ведь он фокусируется на угнетении женщин мужчинами, то есть не в состоянии охватить весь вклад, внесенный женщинами в историю, общество и жизнь: «Это предполагает, что она просто угнетенная женщина в мире доминирующего мужчины. Однако реальность всеобъемлюща и включает в себя другие значения, выходящие за рамки гендера, с далеко идущими экономическими, социальными и политическими измерениями.

Женщины не только боролись за самоопределение курдов в вооруженной борьбе в горах, они также сопротивлялись патриархальным взглядам своих товарищей-мужчин в партизанском движении.

Курдское женское движение не ставит себе целью монополизировать какие-то феминистические идеи, напротив, оно стремится сделать их универсальными в борьбе за женский демократический конфедерализм во всем мире. Тем не менее, его корни и контекст следует учитывать. Жизнь в Курдистане ухудшилась из-за «пленения» женщин, А. Оджалан критикует нынешний институт семьи: «Свобода общества не может существовать без свободы женщин». В продолжение своей оценки А. Оджалан говорит: «РПК хочет создать радикальную личность национального освободителя. Как хорошо известно РПК, эта проблема связана с преодолением насилия в семье. РПК хочет проложить путь к свободному обществу. По этой причине необходимо реформировать институт семьи, который выступает против свободы. Потому что он против национального освобождения. Внутри семьи наблюдается отчуждение, отрицание социальной и национальной реальности. Пусть семейные отношения, принятые за должное и неизбежное, будут разрушены, чтобы могли развиваться национализм и социализм»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Rêber Ocalan: Jiyan li Kurdistanê di şexsê jinê de hatiye fetisandin // RojNews. URL: <https://rojnews.news/ku/?p=290308> (last visited: 13.08.2024).

«Jineoloji (жинеология) — это наука, рожденная из возражений против традиционной науки»¹⁰⁶, — говорится в программной статье. Она перечисляет области, в которых женщины играли центральную роль, но выпали за горизонт истории, настаивая на том, что «женщины — не осадок общества, а его ядро». Её функция — предоставить идеологические основы для системы, которая сосредоточена на женщинах и занимается девятью предметными областями: историей, этикой и эстетикой, демографией, здравоохранением, образованием, самообороной, экономикой, политикой и экологией.

Важно, что Jineoloji (жинеология) — подход, основанный на решениях, который постулирует установление демократического конфедерализма, в центре которого находятся женщины, как единственный способ борьбы с капиталистическим и патриархальным угнетением.

Как говорит А. Оджалан: «Отношение к женщинам как к низшим теперь стало священным повелением бога». Третий разрыв еще впереди, конец патриархата или, как говорит А. Оджалан, «убийство доминирующего мужчины», что означает изменение мужественности таким образом, чтобы она больше не определяла себя в отношении своей власти над женщинами.

Дилар Дирик критикует индивидуалистический и легалистский подход либерального феминизма к изменениям как «формы идеологической ассимиляции, которые умиротворяют движения, а не трансформируют систему»¹⁰⁷. Эту критику высказывают также женщины,

¹⁰⁶ Kurdistan Women's Liberation Struggle // Academy of Jineoloji (жинеология) – jineoloji. URL: <https://jineoloji.eu/en/2020/04/22/kurdistan-womens-liberation-struggle/> (last visited: 08.07.2024).

¹⁰⁷ Dirik D. The Kurdish Women's Movement History, Theory, Practice. – London: Pluto Press, 2022. – 384 p.

которые придерживаются радикальных, социалистических или марксистских идеологий.

Но, как отмечают курдские феминистки, это изобилие точек зрения привело к фрагментации транснационального феминизма, в то время как *Jineolojî* (жинеологии) удалось объединить элементы этих различных систем мышления в единую структуру, вокруг которой объединились курдские женщины. Например, их антигосударственная позиция привлекла множество анархистов, которые присоединились к делу.

Других привлекло равное внимание, уделяемое изменению системы и себя, поскольку каждое из них находится в симбиотических отношениях с другим, и теория «*xwebûn*» (на курманджи – «быть и становиться собой»), в отличие от классического марксизма, который предполагал, что личность формируется классовыми отношениями и что, как только система изменится, она сформирует человеческий характер в более прогрессивной форме.

В статье о революционном образовании утверждается: «Мы не можем просто заставить революцию произойти, изменив систему, а затем ожидая, что система изменит людей внутри нее. Из истории мы видим, что этого недостаточно»¹⁰⁸. Часть «свобода» в лозунге «*Jin, Jiyan, Azadi*» («Женщина. Жизнь. Свобода») также относится к изменению менталитета как мужчин, так и женщин. «Трансформация мужчины необходима для свободной жизни», — говорит А. Оджалан. Как отмечает Хавин Гунесер, переводчица работ А. Оджалана на английский язык, в своей книге «Искусство свободы»: «Мы видим, что отношения между мужчинами и женщинами считаются частной сферой, но на самом деле это первый и главный локус процесса колонизации»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Guner H. *The Art of Freedom. A Brief History of the Kurdish Liberation Struggle*. - Binghamton: PM Press, 2021. – 192 p.

¹⁰⁹ Ibid.

В то время как западные феминистки анализировали токсичную маскулинность, работа по изменению мужчин и их патриархального менталитета чаще рассматривается как работа для мужчин, а не как обязанность женщин. Есть некоторые женские организации, которые создали программы (например, по управлению гневом), направленные на мужчин, которые проявляли насилие по отношению к своим партнерам.

Важность личной трансформации как для мужчин, так и для женщин, одновременно с борьбой за изменение системы с ее антикапиталистической, антигосударственной и неэкологической направленностью, является синкретической политической традицией: «она отказывается выбирать между материализмом, который принимает объект как абсолют, или идеализмом, который принимает субъект как абсолют».

Акцент на этике и эстетике как фундаментальной основе перспективы и практики *Jineoloji* (жинеологии) также необычен для освободительной борьбы. Это рассматривается ее сторонниками как главное отличие от сциентизма и от доминирующих представлений социальных наук. Красота заключается не в том, чтобы казаться привлекательной для мужчин, а переосмысливается как синоним свободы, культурных и этических ценностей. Вот как это выражает А. Оджалан: «Тот, кто борется, становится свободным, тот, кто становится свободным, становится красивым, тот, кто, красив, любим»¹¹⁰. Эстетика должна основываться на приверженности справедливости, автономии, истине и освобождению.

Зозан Сима из «Академии Жинеологии» в Рожаве развивает утверждение А. Оджалана: «Женщины, которые демократизируют политику, женщины, которые рискуют своей жизнью, чтобы защитить сообщества и других женщин, женщины, которые обучают себя и

¹¹⁰ Gunecer H. The Art of Freedom. A Brief History of the Kurdish Liberation Struggle. - Binghamton: PM Press, 2021. – 192 p.

окружающих, женщины, которые живут сообща, женщины, которые спасают экологическое равновесие, женщины, которые борются за воспитание детей в свободных странах, с их собственной идентичностью, и многие другие — все это женщины, которые становятся красивыми через борьбу»¹¹¹.

«В сегодняшнем мире, полном уродства, несправедливости и зла, не физические, дополненные формы эстетики составляют красоту; только женщины, которые защищают жизнь через борьбу, могут создавать красоту. В этом смысле, есть ли что-то более прекрасное, чем молодые женщины, которые борются против фашизма ИГИЛ?».

Однако Jineoloji (жинеология) подвергается критике со стороны западных феминисток, таких как Надже Аль-Али и Изабель Кезер, которые в своём эссе «За пределами феминизма? Jineoloji (Жинеология) и Курдское женское движение за свободу» рассматривают Jineoloji (жинеология) как перспективу, которая расширяет возможности маргинализированных групп, подтверждая знания, полученные с их субъективных позиций¹¹². Они также указывают на транснациональных феминисток, которые бросают вызов бинарности секуляризма и духовности, распространенной в западной мысли. Фрагментация женской борьбы, различные течения — радикальный феминизм, анархо-феминизм, марксистский феминизм, экофеминизм — несомненно, сдерживали феминисток прошлого. В брошюре Jineoloji (жинеология) западный феминизм описывается как «движение надежды» без революционного потенциала. А. Оджалан утверждал, что феминизм никогда не сможет быть полностью успешным в

¹¹¹ Women's Movement of Kurdistan // Academy of Jineoloji (жинеология) – jineoloji. URL: <https://jineoloji.eu/en/category/basis-of-jineoloji/womens-movement-of-kurdistan/> (last visited: 13.08.2024).

¹¹² Al-Ali N, Käser I. Beyond Feminism? Jineoloji (жинеология) and the Kurdish Women's Freedom Movement // Cambridge Core Home. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-gender/article/abs/beyond-feminism-jineoloji-and-the-kurdish-womens-freedom-movement/540F612294D931881942FA74EB5F7C61>. P.13 (last visited: 08.04.2024).

капиталистической системе, которая процветает за счет разделения; что классовое и расовое равенство в светской демократической системе является частью борьбы за освобождение женщин¹¹³. Неудивительно, что транснациональный феминизм часто высмеивают как дело среднего класса, которое исключает женщин из рабочего класса и меньшинств.

Таким образом, феминистическое движение, особенно в сирийском и турецком курдском движении, перестало быть просто социальным явлением и стало стратегическим геополитическим активом. Принципы «жинеологии» стали основополагающими для понимания значения феминизма в формировании курдской идентичности. А гендерное освобождение стало восприниматься центром общественно-политической трансформации.

Выводы по главе I

Проблема формирования курдской идентичности и зарождения национального движения является одной из самых сложных на Ближнем Востоке, поскольку протекала в условиях отсутствия государственности и мощного внешнего давления.

Формирование единой курдской идентичности исторически сталкивалось с глубокой внутренней фрагментацией и систематическим внешним противодействием. Курдское общество традиционно было разделено по племенному, клановому и лингвистическому принципам (диалекты курманджи, сорани, заза и др.), а его элиты редко действовали согласованно. Эти внутренние разобщающие факторы усугублялись тем, что курдские земли были разделены между Османской и Персидской империями, а позднее — между четырьмя современными государствами (Турцией, Ираком, Ираном и Сирией).

¹¹³ Ibid.

Каждая из этих стран проводила политику, направленную на подавление курдского самосознания: от прямого отрицания их существования (название «горные турки», применяемое к курдам в Турции) до запретов на язык и культуру. В результате сформировалась сложная, многоуровневая идентичность, в которой лояльность племени, региону (например, «иракский курд») или религиозной общине часто доминировала над общекурдским национальным чувством.

При этом влияние религиозного многообразия и феминистических движений на курдскую идентичность является одним из самых динамичных и трансформационных процессов в современной курдской политике, напрямую влияющим на её геополитическое позиционирование.

Религиозное многообразие курдов — они исповедуют суннизм, шиизм, алевизм, езидизм и другие религии — исторически было фактором внутреннего раскола, которым умело манипулировали региональные державы. Такие государства, как Турция и Иран, часто использовали религиозную карту для ослабления курдского единства, противопоставляя суннитов и алевитов или разыгрывая шиитскую карту в Ираке. Однако в XXI веке, особенно в рамках сирийского проекта Рожавы, это многообразие было переосмыслено и превращено в основу для новой, гражданской и инклюзивной идентичности.

Идеология «демократического конфедерализма», продвигаемая курдским движением в Сирии, сознательно отодвигает религию и этническую принадлежность на второй план, выдвигая на первое место принципы прямого демократии и солидарности. Это позволяет создавать полиэтнические и поликонфессиональные альянсы, включающие арабов, ассирийцев, армян и езидов. В геополитическом контексте это создает уникальную модель, которая противопоставляется как исламизму (ИГИЛ, Турция), так и этнонационализму соседних государств. Эта светская, инклюзивная платформа стала ключевым фактором, позволившим курдам

Сирии получить пусть и ограниченную, но в моменте важную поддержку Запада в борьбе с ИГИЛ.

Феминистическое движение, особенно в сирийском и турецком курдском движении, перестало быть просто социальным явлением и стало стратегическим геополитическим активом. Jineology — «наука о женщине», провозглашенная лидером РПК Абдуллой Оджаланом, поставила гендерное освобождение в центр общественно-политической трансформации.

На практике это выразилось в создании чисто женских военных формирований (YPJ — Отряды женской самообороны в Сирии), которые стали не только боевой силой, но и мощным преимуществом в информационной войне. Образ вооруженной женщины-курдянки, сражающейся с мизогинным ИГИЛ, создал курдам беспрецедентно позитивный имидж в западных медиа и политических кругах, что напрямую повлияло на уровень международной военной и гуманитарной поддержки. Внутри курдского общества это привело к квинтэссенции женского представительства во всех органах власти (в Рожаве действует система сопредседательства, где каждый пост занимают мужчина и женщина), что радикально меняет традиционные патриархальные структуры и создает новую, модернизированную и привлекательную для молодежи версию курдской идентичности.

Глава II. Территориальные особенности развития Курдистана и курдский взгляд на проблему

2.1. Регион Курдистан в Ираке

Курдский вопрос с каждым новым событием становится всё более противоречивым на Ближнем Востоке: смесь успехов и неудач для крупнейшей, но в основном бесправной этнической группы в регионе то приближает, то отдаляет их от самоопределения.

В 2017-м году курды Регионального правительства Курдистана (КРГ) в Ираке, наиболее продвинутый случай самоопределения, столкнулись с опасностями войны на истощение против Сил народной мобилизации, готовых расширяться через Зиммар и его окрестности в северо-западных районах Мосула. Президент Иракского Курдистана Масуд Барзани провел спорный референдум 25 сентября 2017 года, на котором массово проголосовали за независимость от Ирака (92% при 72%-й явке)¹¹⁴. Последовала жесткая реакция центрального правительства, и правительственные войска вернули себе большую часть территорий, которые курдские военные силы (Пешмерга) получили во время борьбы с Исламским государством (ИГ) в 2014–2017 годах. На фоне международных разногласий по поводу референдума и закрытия всех курдских аэропортов два таких крупных региональных игрока, как Турция и Иран, закрыли свои пограничные коридоры. Хотя Курдское региональное правительство как юридическое, конституционное и

¹¹⁴ 92% of Iraqi Kurds back independence from Baghdad, election commission says [Электронный ресурс] // FRANCE 24. – 25.10.2017. – URL: <https://www.france24.com/en/20170927-iraqi-kurds-vote-overwhelmingly-independence-referendum> (last visited: 28.12.2023).

политическое образование всё ещё находится в безопасности, оно утратило большую часть рычагов влияния, которые у него изначально были.

В современной курдской истории претензии на представительство национального курдского сообщества, как бы ни понимался или ни определялся термин «сообщество», разнообразны, многогранны и противоречивы. В Ираке курдские лидеры опирались на несколько претензий на легитимность и представительство при управлении на родине, ведении переговоров с центральным правительством в Багдаде и участии в дипломатии с международными субъектами.

25 сентября 2017 глава Иракского Курдистана Масуд Барзани провел референдум о независимости и поставил Ирак (по мнению последнего) на грань опасности сепаратизма и гражданской войны. Страны региона, такие как Исламская Республика Иран, Турция и Сирия, в которых проживает курдское меньшинство, посчитали это потенциальной угрозой своей национальной безопасности¹¹⁵. Несмотря на проведение референдума о независимости Иракского Курдистана, существенных изменений не произошло, однако ещё явственнее стали возникать вопросы, какое влияние вероятная независимость окажет на безопасность Исламской Республики Иран. Политические и экономические санкции со стороны таких стран Ближнего Востока, как Иран, Турция и Ирак, смерть Джаляла Талабани и внутренние проблемы курдских партий привели к приостановке референдума. А будущее курдского региона Ирака, возможно не только не приведет к региональной конвергенции, но и станет причиной дальнейших расхождений на Ближнем Востоке.

Если рассматривать недавнюю историю Ирака, то «междоусобица»,

¹¹⁵ Scenarios of the Independence of Iraqi Kurdistan and National Security of Iran // Iranian Research Letter of International Politics. Vol. 8, No. 2, Spring and Summer – 2020. – URL: https://irlip.um.ac.ir/article_39393_8fafd71ab3d40b6fe34437bff965c5ca.pdf?lang=en

вызванное двумя войнами в Ираке (1991 и 2003 гг.), поддерживаемое Вашингтоном и союзной международной коалицией, позволило внезапно появиться новому игроку: де-факто полугосударственному образованию Регионального правительства Курдистана (КРП), базирующемуся в Северном Ираке, обычно называемым Иракским Курдистаном. В период с 1991 по 2003 год это образование находилось под защитой военных сил США (через бесполётную зону). В период с 1994 по 1998 год произошел вооруженный конфликт между различными фракциями Иракского Курдистана, в частности Патриотическим союзом Курдистана против Демократической партии Курдистана, но в котором также участвовали курдские группировки из Турции и Ирана, а также иранские и турецкие власти и силы США, дислоцированные в этом регионе после первой войны в Ираке в 1991 году. По оценкам, в результате этого конфликта погибло от 3000 до 5000 комбатантов и мирных жителей.

Падение режима Хусейна в 2003 году в результате вторжения международной коалиции под руководством президента Джорджа Буша-младшего укрепило автономию Регионального правительства Курдистана (КРГ). Однако эта автономия также породила дополнительную напряженность в отношениях с Турцией, стратегическим союзником, входящим в НАТО. В 2017 году Иракский Курдистан провел референдум о независимости, получивший поддержку более 90% населения. Однако под давлением Вашингтона перед лицом напряженной региональной панорамы, сложившейся в результате сирийской войны, и возможности того, что этот референдум послужит ориентиром для других региональных курдских общин, власти РПК в конце концов не провозгласили независимость. С другой стороны, война в Сирии, начавшаяся в 2015 году, позволила создать Автономную администрацию Северной и Восточной Сирии, которую курды называют Республикой Рожава. Там была создана светская и самоуправляемая модель, которая в то же время представляет

собой демократический оплот в регионе, где традиционно доминируют авторитарные системы. Исторические события, предшествовавшие вторжению США в 2003 году, от действий Саддама Хусейна до внутренних конфликтов между двумя основными политическими партиями Иракского Курдистана: Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). Этот анализ имеет решающее значение для ответа на этот вопрос, поскольку баасистский режим последовательно работал над расколом руководства курдов, добиваясь временных соглашений с одними курдами, одновременно применяя истребительную тактику против других. Результатом стали ухудшившиеся отношения между лидерами ДПК и ПСК. Даже после введения США в 1991 году «бесполётной» зоны эти две стороны ожесточенно боролись, поднявшись до уровня открытой войны в середине 1990-х годов. Курдистан 1990-х годов был полугосударством, фактически автономным от Багдада, но зависевшим от международного терпения, доходов от программы ООН «нефть в обмен на продовольствие», а также терпимости Турции, Ирана и Сирии, которые опасались, что Иракские курды станут ядром будущего Курдистана. Эффективное разделение Иракского Курдистана на два меньших региона, в каждом из которых доминирует одна из двух курдских партий, стало неожиданно постоянным решением, которое пережило вторжение США. Курдистан существует как отличительный элемент современного Ирака и не может быть отнесен к арабскому Ираку. Эксперты Брендан О'Лири, Джон МакГарри и Халед Салих считают, что курды в Ираке заслуживают признания как отдельный народ, и их дальнейшее присутствие в государстве должно сопровождаться приспособлениями, скорее всего, в рамках федерации, а не в унитарной системе¹¹⁶.

¹¹⁶ The Future of Kurdistan in Iraq (edited by Brendan O'Leary, John McGarry and Khaled Salih) / Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2006 — 355 p.

В сентябре 2017 года Региональное правительство Курдистана (КРГ) организовало референдум о независимости автономной территории, которой оно управляет, на севере Ирака. Несмотря на явное одобрение (92,73% голосов «за» при явке избирателей более 70%)¹¹⁷, инициатива не имела никаких последствий, поскольку центральное правительство в Багдаде отказалось признать результат. Но крупные державы США и Россия, а также соседние государства Саудовская Аравия, Иран и Турция также отреагировали негативно. Они хотели предотвратить расчленение Ирака. Провал окончательно ослабил РПК. В результате ему пришлось уступить центральному правительству большие территории, включая стратегически важный город Киркук.

Две курдские партии также борются за контроль над добычей нефти и доходами, которые она приносит. Автономный регион содержит около 45 миллиардов баррелей нефти (около 30 процентов общих запасов Ирака) и от 8 до 10 триллионов кубических метров природного газа.

Фундаментальным предметом разногласий является объединение отрядов Пешмерга. С момента реализации курдской автономии в Ираке под защитой США в 1992 году каждая из двух разных военных структур контролировала четко определенную территорию. Хотя курдский региональный парламент принял в 1992 году закон, согласно которому политические организации не имеют права предоставлять свои собственные войска, большинство Пешмерга по-прежнему подчиняются двум партиям. Даже спустя долгое время после курдской «братоубийственной войны» с 1994 по 1997 год этот раскол оказался катастрофическим. Когда ИГ атаковало Синджар в 2014 году, ДПК Пешмерга ушла из этого региона, в результате чего было убито несколько тысяч представителей езидского меньшинства. А когда иракская армия

¹¹⁷ Chaterian V. Gibt es eine Zukunft für Kurdistan? // Le Monde diplomatique. – URL: <https://monde-diplomatique.de/artikel/!5925792> (last visited: 14.05.2024).

наступила на Киркук в 2017 году после референдума о независимости, ПСК Пешмерга оставила свои позиции, что привело к падению города, считающегося символом нефтяного богатства Курдистана. «Благодаря единой и реформированной армии пешмерга у нас будет шанс на выживание. Но с разделенными подразделениями мы рискуем продолжить поражение», — сказал Нияз Барзани, глава отдела внешней политики и дипломатии канцелярии президента КРГ¹¹⁸. ДПК – партия с долгой историей; она была основана в 1946 году Мустафой Барзани в Махабаде, Иран. Первоначально она было панкурдским, но с самого начала находилась под контролем семьи Барзани и теперь считается традиционалистской. После смерти основателя в 1979 году руководство партией и ее воинскими частями взял на себя его сын Масуд Барзани. С 2005 года Масуд Барзани также был президентом РПК, пока не ушел в отставку в ноябре 2017 года из-за провала инициированного им референдума о независимости. Однако он сохранил контроль над ДПК, хотя сейчас в семье Барзани формируется новая руководящая команда. Однако эти молодые люди предпочитают носить западные костюмы, а не традиционную курдскую одежду. А поскольку они не обладают легитимностью ветеранов, сражавшихся против армии Саддама Хусейна, своим положением на вершине политической иерархии они обязаны исключительно своей принадлежности к клану Барзани.

Курды на севере Ирака боролись за независимость почти столетие. С точки зрения центрального правительства Ирака, отделение курдов станет прямым вызовом власти Багдада. Эти противоречивые интересы являются постоянной подоплекой отношений Багдада и Эрбиля и являются причиной нескольких продолжающихся политических споров: статус спорных территорий Ирака, разделение федерального бюджета и курдская

¹¹⁸ Chaterian V. Gibt es eine Zukunft für Kurdistan? // Le Monde diplomatique. – URL: <https://monde-diplomatique.de/artikel/!5925792> (last visited: 14.05.2024).

разработка нефти. Курдский регион в настоящее время состоит из провинций Дохук, Эрбиль и Сулеймания, а также больших участков земли, известных как «спорные территории»: этнически смешанная территория, на которую претендуют как Эрбиль, так и Багдад. Курды получили контроль над большей частью спорных территорий, включая богатую нефтью провинцию Киркук, в 2014 году, и если бы Курдистан стал независимым, вполне вероятно, что Киркук стал бы его частью. Несмотря на стойкость Багдада в отношении отстаивания необходимости нахождения Курдистана в составе Ирака, центральное правительство может столкнуться с ограничениями в возможности препятствовать курдам в получении независимости. Багдад сталкивается с серьезными проблемами, такими как ослабленные вооруженные силы, борьба за территории с ИГИЛ, финансовый кризис, межрелигиозные напряженности и политические разногласия, а также слабая экономика и медленное восстановление после десятилетий войны. По-видимому, Багдаду будет трудно преодолеть эти препятствия в обозримом будущем, что ограничивает его возможности в области противодействия курдскому стремлению к суверенитету.

РПК, в некотором смысле, действовало как де-факто курдское государство с тех пор, как введение под руководством США бесполётной зоны в 1991 году ограничило влияние Багдада на севере. Постсаддамовская конституция Ирака институционализовала политическую и экономическую автономию Курдистана. Появление независимого Курдистана встретило решительное сопротивление со стороны центрального правительства Ирака и воспринималось как угроза интересам крупных региональных держав, включая Иран и Турцию, где живет значительное курдское население, стремящееся к расширению своих политических и культурных прав. Однако последние события в регионе привели к серьезным изменениям в отношении иракских курдов. Хотя

Багдад настроен категорически против создания независимого Курдистана, ему может не хватить средств для предотвращения такого развития событий, несмотря на возможные препятствия со стороны центрального правительства Ирака. Турция пришла к выводу, что стабильный и более автономный Курдистан имеет свои преимущества. В настоящее время РПК стала важным экспортным рынком для Турции, вторым по величине после Германии и ключевым источником нефти для турецкой экономики. Успешное и процветающее региональное образование Иракского Курдистана также может быть противовесом появлению автономной курдской зоны в Сирии, чего твердо не поддерживает Турция. Иран, возможно, опасается независимости Курдистана, которая может подогреть его собственное угнетенное курдское население, но в то же время поддерживает крепкие связи с РПК и размышляет о нем как о ценном союзнике в борьбе против ИГИЛ, пропагандирующего антишиитскую линию¹¹⁹.

Резюмируя вышесказанное: особенности развития Иракского Курдистана заключаются в его уникальной и противоречивой модели «государства в государстве», сформировавшейся в условиях парадоксального сочетания внешней автономии и внутренней зависимости. Возникнув как де-факто независимое образование после 1991 года и получив конституционное закрепление в Конституции Ирака в 2005-м, регион смог построить наиболее развитые по ближневосточным меркам институты власти, создать боеспособную армию (Пешмерга) и наладить независимую от Багдада экономику, основанную на экспорте нефти. Однако эта модель развития оказалась уязвимой из-за ряда зависимостей: от финансовых трансферов из Багдада, порождающих перманентные бюджетные кризисы; от турецкой инфраструктуры для

экспорта углеводородов, делающей регион заложником интересов Анкары; и от внутренней кланово-политической системы (соперничество ДПК и ПСК), которая, обеспечивая стабильность власти, одновременно тормозит глубокие демократические и экономические реформы, консервируя коррупцию и nepотизм. Эта системная амбивалентность — одновременная прочность автономных структур и их фундаментальная уязвимость — и составляет главную специфику политико-экономической траектории Иракского Курдистана.

2.2. Западный Курдистан и специфика положения курдов в Сирии

География, демография и развитие Сирийского Курдистана сильно отличаются от Ирака, он расположен не среди высоких гор, способствующих сопротивлению и помогающих сохранять курдскую идентичность. Регион Африн более суров, и, несмотря на преобладание холмистого ландшафта, горы там не превышают тысячи метров над уровнем моря. Большая часть курдской территории занимает небольшие холмы вокруг Кобани и, прежде всего, обширные равнины в Джазире. Между этими зонами с однородным курдским населением большинство населения составляют арабы. Таким образом, в отличие от Ирака, это не обширная и однородная курдская территория.

В январе 2018 года турецкая армия и союзные вооруженные формирования вторглись в северный сирийский регион Африн. Так называемая военная операция «Оливковая ветвь» продолжалась более двух месяцев, начавшись с интенсивных воздушных бомбардировок, за которыми последовало наземное вторжение¹²⁰. Когда турецкие войска и

¹²⁰ Crimes in Syria: The neglected atrocities of Afrin // European Center for Constitutional and Human Rights (ECCHR). URL: <https://www.ecchr.eu/en/case/tatort-syrien-verbrechen-an-der-zivilbevoelkerung-in-afrin/> (last visited: 13.08.2024).

поддерживаемые Турцией сирийские вооруженные группировки захватили контроль над регионом, преимущественно курдское население было изгнано из своих домов и лишено средств к существованию. То, что началось тогда, продолжается и по сей день. Официально Африном управляют местные советы Сирии, но де-факто регион находится под контролем Турции с марта 2018 года. Поддерживаемые Турцией вооруженные группировки, действующие под эгидой Сирийской национальной армии (СНА), уже совершили преступления во многих местах, систематически совершая зверства, включая произвольные аресты мирных жителей, сексуализированное насилие, пытки, а также грабежи и убийства. Эти нарушения прав человека, совершаемые поддерживаемыми Турцией исламистскими ополченцами, согласно международному праву представляют собой преступления и могут расследоваться в любой точке мира. Вместе с шестью выжившими в преступлениях ЕСПЧ, организация «Сирийцы за правду и справедливость» (STJ) и их партнеры в январе 2024 года подали жалобу в Федеральную прокуратуру Германии, призывая к всестороннему расследованию военных преступлений и преступлений против человечности. Все учреждения Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (AANES) в Африне были немедленно распущены и заменены новыми сирийскими административными структурами, созданными и контролируемые Турцией. Помимо введения турецкой валюты, почтовые услуги и платежные операции также были связаны с Турцией, а секторы местной администрации, включая здравоохранение, образование и судебную систему, были переданы под контроль провинции Хатай в Турции.

Жители, желавшие вернуться в свои дома и деревни, часто обнаруживали, что они заняты и разграблены боевиками. Произвольные аресты, пытки, насилие и бесчеловечные условия содержания стали частью повседневной жизни оставшегося гражданского населения. Новая

администрация также создала специальные поселения для возможного переселения в Африн сирийцев, которые когда-то бежали в Турцию из других регионов Сирии, даже несмотря на то, что местное курдское население всё ещё не вернулось домой. Курдские названия улиц и школьные программы были изменены на арабские или турецкие, а курдское празднование Нового года Навруз было запрещено. Хотя Африн исторически был наиболее густонаселенной курдами частью Сирии, после систематических изгнаний курды стали постоянно сокращающимся меньшинством.

Жалоба, поданная ЕСПЧ и STJ, касается нарушений прав человека, совершенных вооруженными группировками в Африне. К ним относятся: перемещение курдского населения; нарушение прав собственности местного населения; жестокие репрессии против гражданского населения, в частности посредством задержания и пыток; целенаправленные убийства; и разрушение объектов культурного наследия¹²¹.

Подавление курдской идентичности также осуществлялось различными сирийскими арабскими правительствами и баасистскими режимами в Западном Курдистане (Рожава), что было даже более выраженным (хотя и менее жестоким), чем баасистская политика Саддама в Южном Курдистане (Башуре). В Сирии они включали: отказ в регистрации детей с курдскими именами, замену курдских топонимов арабскими, запрет предприятий без арабских названий, запрет курдских частных школ, а также запрет книг и других материалов, написанных на курдском языке.

В рамках амбициозного проекта курдских властей сотни городов и деревень на севере Сирии отказываются от арабизированных названий,

¹²¹ Crimes in Syria: The neglected atrocities of Afrin // European Center for Constitutional and Human Rights (ECCHR). URL: <https://www.ecchr.eu/en/case/tatort-syrien-verbrechen-an-der-zivilbevoelkerung-in-afrin/> (last visited: 13.08.2024).

принятых в 1960-х годах, в пользу традиционных курдских. Общине было запрещено говорить или преподавать курдский язык, а также отмечать курдские праздники, а некоторым было запрещено иметь сирийское гражданство. Названия сотен деревень и городов также были арабизированы в официальных реестрах правительства, но теперь курдские власти отменяют эту процедуру. Вскоре после того, как в 2011 году вспыхнуло восстание в Сирии, президент Башар аль-Асад предоставил гражданство тысячам курдов, а в 2012 году войска режима были выведены из районов с курдским большинством. С тех пор курды создали параллельную систему институтов, включающую школы и полицейские подразделения, для управления отдельными участками севера страны.

«Мы не переименовываем города и деревни — мы возвращаемся к их первоначальным историческим названиям», — говорит Джозеф Лахдо, сопредседатель комиссии автономных муниципалитетов в Хасаке — «Карты будут содержать оригинальное курдское название с арабизированным в скобках»¹²². Этот процесс не признан центральным правительством Дамаска, которое сохранило арабизированные имена в своих собственных реестрах.

США по-прежнему активно присутствуют в Сирийском Курдистане, объясняя свои действия борьбой с терроризмом, и благодаря своему многолетнему присутствию на территориях Автономной администрации они косвенно или прямо (официально) поддерживали некоторые местные институты, что в последнее время привело к появлению ещё одного общественного договора и нового обозначения «Регион Северной и Восточной Сирии». Однако курдский народ в результате продолжающегося конфликта, экономической войны, монополизации

¹²² Syria's Kurds restore ancient names to Arabised towns // Dawn (newspaper). Official website. – URL: <https://www.dawn.com/news/1291830> (last visited: 15.05.2025).

власти одной партией и отсутствия политического единства всё ещё не самостоятелен, а проект заключается не в полной поддержке курдов и создании курдского государства, а скорее квазифедерального региона. С другой стороны, вхождение провинций Ракка и Дейр-эз-Зор в состав недавно объявленного региона указывает на то, что результат любых будущих выборов будет не в пользу курдов¹²³.

Кроме того: проект не арабский, потому что ключи к самоуправлению находятся не в руках арабов. С другой стороны, курдский и арабский регионы не могут быть объединены в рамках фиксированной формулы в свете существования предыдущих решений сирийского режима, среди которых захват курдских земель, заселение этих территорий сирийцами (Аль-Гамр), внесение курдов в списки иностранцев.

Сохранение этих проблем не способствует слиянию одного региона с другим. Слияние посредством мирного сосуществования, развития культуры любви и сохранения гражданского мира возможно и желательно, но на данном этапе это своего рода фантазия, и лозунг «Сирия для всех», пока реализуем письменно, но не на практике. Перспективы региона неоднозначны из-за различных переменных и присутствия международных и региональных игроков в Сирии. У каждого из них есть определенные политические и военные интересы и стратегии. Потенциальное развитие событий в этой области зависит от нескольких факторов: производительность и легитимность Автономной администрации северной и восточной Сирии (AANES), ее международное признание и поддержка, особенно со стороны США и Европы, возможное соглашение между сирийским режимом и AANES, возрождение Исламского государства и других экстремистских группировок; и интересы других иностранных

¹²³ الكرد حلفاء الحاضر دون مستقبل (Заид Сфук. Курды — союзники настоящего без будущего) // Al-Arab. – 2023. – URL: <https://alarab.co.uk/الكرد-حلفاء-الحاضر-دون-مستقبل> (last visited: 15.05.2024).

держав, особенно Турции¹²⁴. В этой области, как и в других частях Сирии, внутренняя и внешняя динамика тесно переплетены. Турция, США, Иран и Россия влияли и формировали события в прошлом и продолжают делать это в будущем. Поэтому при рассмотрении необходимо учитывать различные роли и цели этих игроков.

В настоящее время курдский опыт автономии в Сирии, долгое время поддерживаемый военным присутствием США, кажется всё менее релевантным и уже не образцовым. Хотя США заявляют, что не планируют уходить из Сирии в ближайшее время, но из-за войны на Украине, стратегического вызова со стороны Китая и недавней войны Израиля в секторе Газа, а также усиления конфликтов Израиля с Ираном, «Хезболлой» и группами сопротивления в Западной Азии, Сирия больше не является для них приоритетом.

Учитывая возможность сокращения участия США, курды играют в опасную игру, делая ставку исключительно на долгосрочную поддержку США, в то время как их непосредственные соседи против них. Из-за появления на горизонте новых глобальных проблем США и их западные партнеры не имеют долгосрочного стратегического интереса оставаться в Сирии, однако они не могут уйти, не предоставив Сирии возможности поддержания порядка и стабильности на своей территории. Еще одна проблема – Турция. Анкара поддерживала оппозицию и антиасадовские силы в Сирии и контролировала большую часть сирийской территории на севере.

Для США и европейских держав турецко-сирийская нормализация представляет собой резкий сдвиг, который в корне меняет стратегические расчеты в Сирии и напрямую угрожает положению поддерживаемых США сирийских курдов, особенно учитывая тот факт, что Анкара и Дамаск

¹²⁴ The Future Perspective of Kurds Sovereignty Over Northeastern of Syria // SpecialEurasia. URL: <https://www.specialeurasia.com/2024/05/06/kurds-northeastern-syria/> (дата обращения: 13.07.2024).

хотят видеть курдское самоуправление ограниченным или находящимся под надзором сирийского правительства. Правительство Асада придерживалось жесткой политической линии и было против предоставления права на признание местного курдского суверенитета.

Для Турции и России будущее этого региона тесно связано с событиями на северо-западе Сирии. Поэтому два основных игрока могут заключить соглашение, которое в равной степени отвечает интересам обеих стран. Очевидно, что Иран, как союзник Сирии, поддерживает единое управление Сирией и вышеупомянутый сценарий.

Помимо проблемы иностранного вмешательства в дела Сирии, курды также сталкиваются с внутренними проблемами. AANES борется с остатками Исламского государства. Тысячи бойцов и члены их семей должны быть привлечены к ответственности и/или реинтегрированы в общество. Аль-Хол, где размещено 62 тыс. человек, известен как крупнейший лагерь в регионе, в то время как другие преступники и террористы содержатся в тюрьмах¹²⁵. Поскольку большинство стран отказывались принимать обратно своих граждан, AANES приходится решать эту проблему безопасности в одиночку, и пока эффективное решение не найдено.

Еще одно внутреннее препятствие на пути к счастливой независимой жизни — конфликты между курдскими партиями и течениями. Восстания и периодические протесты арабских племен также являются одной из важнейших проблем курдского правительства. Это осложнение стало ещё более очевидным в 2023 году, когда в результате вооруженных и кровавых конфликтов между сторонами несколько деревень были захвачены арабскими племенами.

¹²⁵ The Future Perspective of Kurds Sovereignty Over Northeastern of Syria // SpecialEurasia. URL: <https://www.specialeurasia.com/2024/05/06/kurds-northeastern-syria/> (дата обращения: 13.07.2024).

Учитывая все эти осложняющие обстоятельства, кажется маловероятным, что сирийские курды вернутся на политическую арену до начала гражданской войны в Сирии. Теперь у них есть относительно большой опыт войны и самоуправления, и они не готовы легко его потерять. На данный момент единственное, что может сделать жизнь сирийских курдов безопаснее в долгосрочной перспективе, — это политическая сделка с обоими их главными противниками: сирийским правительством и Турцией. Наконец, они должны достичь соглашения с региональными державами, как это сделали курды в Ираке, чтобы обеспечить устойчивость выживания.

Основными переменными, влияющими на будущую перспективу политической жизни ААНЕС, являются следующие:

- Присутствие или отсутствие США и Запада на севере и востоке Сирии
- Возможное соглашение между Дамаском и Анкарой
- Возможное соглашение между Россией и Турцией
- Деятельность и возрождение такфиристских движений, таких как Исламское государство
- Внутренние разногласия между различными течениями курдов
- Внутренние конфликты между курдами и арабами (восстания арабских племен)

География и история курдского народа в Сирии были напрямую и косвенно затронуты судьбой других курдов в Ираке и Турции. Согласно историческим документам, миграция турецких курдов в северные и северо-восточные регионы Сирии в двадцатом веке привела к формированию этого меньшинства в Сирии, поскольку до этих событий их присутствие было очень небольшим. Однако даже после этой миграции и относительного изменения населения они были меньшинством, которое не

было признано сирийской партией Баас и считалось незаметным фактором на Ближнем Востоке¹²⁶.

Революция в Рожаве позволила им утвердить своё существование, но ещё не легитимизировать его. Их борьба с ИГИЛ в 2014 и 2015 годах прославила их стойкость и укрепила их решимость и возможности формирования автономного правительства. Однако выживание этого формирующегося правительства невозможно без поддержки Запада, особенно США. С другой стороны, поиск политического решения сирийского кризиса без AANES и определения его мандата немыслимы.

География, демография и развитие Сирийского Курдистана сильно отличаются от Иракского Курдистана. Поэтому, в отличие от Ирака, Рожавка это не обширная, однородная курдская территория. В долине Евфрата курдское население ограничено несколькими районами в Ракке. Камышлы и Эль-Хасака, два крупнейших города региона Джазира, разделены на курдские и арабские районы. Первые составляют большинство в Камышлы, но меньшинство в Хасаке. В 2011 году общая численность курдского населения в Сирии оценивалась в два миллиона (из двадцатидесяти миллионного населения). Половина проживала на своих родных территориях, а другая половина — в Алеппо и Дамаске. Только в курдском районе Шейх-Максуд в Алеппо проживало более полумиллиона курдов, что стало результатом исхода из сельской местности из Африна и Кобани. На территории, которая сейчас составляет AANES, численность курдского населения оценивается более чем в миллион жителей, в то время как численность арабов-суннитов составляет от 1,5 до 2 миллионов, полмиллиона из которых были перемещены из правительственной зоны. Христиане (ассирийцы, сирийцы и армяне) насчитывают всего лишь

¹²⁶ Iraq and Syria: Kurdish Autonomous Regions Under Threat // Groupe d'études géopolitiques. - 2023. - March 04. - URL: <https://geopolitique.eu/en/2023/03/04/iraq-and-syria-kurdish-autonomous-regions-under-threat/> (last visited: 10.03.2024).

десятки тысяч. По данным церковных властей, более трех четвертей этих христиан покинули регион с 2011 года¹²⁷.

Подводя итог, можно утверждать, что особенности развития Сирийского Курдистана (также известного как Рожава) заключаются в формировании уникального, но крайне уязвимо политического проекта, возникшего в условиях распада сирийской государственности и построенного на принципах демократического конфедерализма с радикальной децентрализацией власти, этнорелигиозной инклюзивности и гендерного равенства, что позволило создать устойчивую систему самоуправления в многоконфессиональном обществе; однако его существование перманентно зависит от хрупкого баланса внешних сил — от тактического партнёрства с США в борьбе с ИГИЛ (запрещённая в России организация) до вынужденного ситуативного альянса с Россией и режимом в Сирии для сдерживания во Турции, что делает его автономию не международно-легитимированной, а исключительно функцией продолжающейся геополитической конфронтации в регионе.

2.3. Восточный Курдистан и положение курдов в Иране

Внезапное нападение, совершенное Исламской Республикой Иран 15 января 2024 года на объекты, которые Тегеран считает «террористическими» в Иракском Курдистане (КРГ) на севере Ирака, вновь поставило в центр внимания положение курдов и их ожидания независимости. На фоне недавней эскалации напряженности на Ближнем

¹²⁷ Demographic Engineering in the Course of Syria's War // Friedrich Naumann Foundation for Freedom. URL: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/2023-05/demographic-engineering-in-syria-en-17-april.pdf> (last visited: 13.08.2024); решением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.03.2024 года Friedrich Naumann Foundation for Freedom включена в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.

Востоке эта атака на автономный регион в Ираке подсветило тяжелое положение курдов и их стремление к независимости.

На эту ситуацию влияет региональный кризис, который начался в октябре 2023-го года с войны между Израилем и ХАМАС в Газе, а также последующая напряженность и целенаправленные нападения, которые были развязаны в таких местах, как Ливан, Сирия и Йемен.

Эта эскалация региональной напряженности с участием Израиля и США против Ирана и его региональных союзников (ХАМАС, Хезболла, хуситы в Йемене и Сирии) даже привела к неожиданным столкновениям между Ираном и соседним Пакистаном с упором на автономистские ожидания иранского региона Белуджистан. Ответ Исламской Республики на возможное образование независимого курдского государства будет определяться состоянием отношений с местными курдами и их восприятием действий других стран. Этот вопрос чрезвычайно важен для Ирана из-за опасений, что независимость Курдистана может вдохновить его собственное численное курдское население, которое сталкивается с репрессиями.

Хотя иранские курды могут приветствовать идею независимого Курдистана на севере Ирака, уровень их солидарности с этой инициативой будет различаться в зависимости от множества факторов, включая культурные, языковые и религиозные особенности, географическое расположение в Иране и политические взгляды. Курды не составляют единую группу, и существуют значительные различия как между разными странами, так и внутри общин каждой из них. Если в Иране начнут широкие публичные празднования курдской независимости, это может усилить внутреннюю угрозу для Тегерана, что приведет к усилению репрессий внутри страны и более агрессивному подходу к новому государству.

Оценка современного геополитического положения Ирана по

отношению к его конкурентам существенно повлияет на его реакцию на курдскую независимость. В иранских элитах присутствуют разногласия относительно последствий независимости Курдистана для страны. Некоторые опасаются, что разделенный Ирак может ослабить позиции Ирана в регионе, так как внешние державы смогут манипулировать маленькими странами, образовавшимися в результате фрагментации. Другие считают, что Иран может извлечь выгоду из дружественных отношений с независимым Курдистаном. Цель Вашингтона в отношении курдов является источником споров в Тегеране: некоторые верят заявлениям США об отсутствии поддержки независимости Курдистана, в то время как другие утверждают, что США стремятся к разделению Ирака на небольшие «кусочки» для более легкого контроля. Реакция Турции — члена НАТО, которая усилила свое влияние на Иракский Курдистан (КРГ), также будет важным фактором для определения дальнейших действий Ирана после возможной независимости курдов. Экономические связи Ирана с КРГ могут смягчить его реакцию на независимость Эрбиля, особенно в случае увеличения доли Турции на курдском рынке. Усиление экономических связей Ирана с КРГ, несмотря на протесты Багдада, свидетельствует о том, что финансовые выгоды могут превзойти опасения Ирана относительно курдского национализма. Таким образом, Иран, возможно, не будет стремиться к резкой реакции на независимый Курдистан, несмотря на возможные последствия.

Механизмы, по которым будет провозглашена независимость Эрбиля, будет существенно влиять на восприятие угрозы со стороны Ирана и, следовательно, определит реакцию Тегерана. Если бы курды добились независимости, иранцам было бы выгодно, если бы она последовала после долгих дискуссий с Багдадом, что оставило бы время и возможность для принятия Тегераном прагматичной политики, способной адаптироваться к новому соседнему государству, и уменьшить стремление

иранских курдов к новому государству через внутреннее экономическое развитие и политические реформы. С другой стороны, одностороннее и резкое объявление независимости со стороны курдов, вероятно, подстегнет иранских хранителей, которые видят курдскую проблему только через призму безопасности, уступив место прагматикам в правительстве, которые предпочли бы решить вопрос, улучшая жизнь иранских меньшинств. Жесткие репрессии против курдов, поддерживающих действия Эрбиля, могут усилить курдский национализм в Иране. Также возможно, что в случае провала правительства Ирака и перехода его в категорию «failed states» (несостоявшихся государств), Иран станет в большей степени отвечать за защиту багдадского правительства, консервативные фракции смогут контролировать политику Багдада по отношению к курдам. В любом сценарии Иран будет реагировать жестко, если независимость курдов в Северном Ираке будет поддержана национализмом Эрбиля. Успешное осуществление ядерной сделки между Ираном и группой P5+1 может повлиять на взгляды Тегерана на курдский вопрос. После снятия санкций Иран сможет увеличить инвестиции в новое курдское государство, с фокусом на энергетике и развитии железнодорожной инфраструктуры для интеграции экономик. В случае срыва ядерной сделки консерваторы в Иране, возможно, смогут сдвинуть прагматиков в Тегеране на второй план, уменьшив шансы на урегулирование недовольства иранских курдов. Следует не только рассматривать положение курдов во всех государствах, на территориях которых расположен Курдистан, но и оценивать положение самих этих государств на международной арене, анализируя их сильные и слабые стороны в контексте выживания стороны.

Иран является одним из тех государств, где сохраняются постоянные нарушения прав человека. Многие международные и неправительственные организации подчеркивают свою обеспокоенность критической ситуацией

в Иране. Этот фактор влияет на международное восприятие Ирана странами, что также приводит к экономическим и политическим последствиям, таким как введение санкций. Годовой отчет за 2022-2023 годы, опубликованный организацией Amnesty International, отражает проблемы Ирана, включающие в себя жестокие и бесчеловечные обращение и репрессии против различных категорий граждан¹²⁸.

В 2022-м году Иран оказался вторым государством в мире (после Китая) по количеству казней, проводимых ежегодно: в упомянутом году, было казнено более 576 человек. ООН и ЕС, конечно, присоединяются к этой обеспокоенности, осуждая эту деятельность, но это не приводит к её прекращению. Вот почему восприятие и отношения международного сообщества со страной препятствуют экономической и политической деятельности Ирана¹²⁹. Нестабильность в регионе, включая конфликты в соседних странах, а также внутривластные проблемы имеют негативные последствия для безопасности и экономики Ирана, влияя на стабильность страны и препятствуя инвестиционному климату и экономическому развитию¹³⁰. Иран расположен в регионе, характеризующемся конфликтами и напряженностью, вызванными его соседями, такими как Сирия, Израиль, Ирак или Йемен, которые способны напрямую влиять на его национальную безопасность и, в свою очередь, приводить к негативным последствиям для экономики и внутренней стабильности.

¹²⁸ Iran 2022. // Amnesty International – 2023. — URL: <https://www.amnesty.org/es/location/middle-east-and-north-africa/iran/report-iran/> (last visited: 07.07.2024).

¹²⁹ Irán: La Oficina para los Derechos Humanos preocupada por la violencia de las fuerzas de seguridad y la restricción de las telecomunicaciones 27 Septiembre 2022 // UN – 2022. – September 27. – URL: <https://news.un.org/es/story/2022/09/1515311> (last visited: 07.07.2024).

¹³⁰ Irán: la política de mirada hacia el Este entre el aislamiento y la decadencia // Instituto Español de Estudios Estratégicos – 2023. – URL: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2023/DIEEEO30_2023_MOHVAN_Iran.pdf (last visited: 07.07.2024).

Более того, Иран постоянно сталкивается со спорами между политическими фракциями, народным недовольством и протестами населения, которые приводят к внутренней напряженности, которая ослабляет социальную сплоченность, препятствует осуществлению эффективной экономической и социальной политики, а также способности государственного управления¹³¹. Следовательно, отношения Ирана с другими странами, особенно с региональными и глобальными державами, не были особенно позитивными. Эта сложная динамика влияет на внешнюю политику Ирана и его участие в международных соглашениях, а также на его положение на мировой арене.

Наконец, одна из главных слабостей, с которой сталкивается Иран, является внутренней. Иран погружен в сложную паутину политических конфликтов и сталкивается с неопределенной политической реальностью, будущее которой будет определять социально-политическую реальность страны в ближайшие годы. Эта внутренняя угроза заключается в отсутствии легитимности правительства Исламской революции среди иранского населения. Жесткое экономическое регулирование в сочетании со строгими моральными и этическими стандартами, которые муллы навязывают иранскому населению, а также тот факт, что две трети иранского общества моложе 30 лет, приводят к растущей нелегитимности революции в глазах ее населения. Иранское зеленое движение в 2009 году, иранские протесты 2019 года или восстания из-за ношения хиджаба 2022 года (когда обязательное ношение хиджаба объединило широкие слои иранского общества для противостояния правительству)¹³² являются

¹³¹ Irán: Repercusiones regionales de la crisis // Política Exterior | Análisis internacional en español – 2023. – September 27. – URL: <https://www.politicaexterior.com/articulo/iran-repercusiones-regionales-de-la-crisis/> (last visited: 07.07.2024).

¹³² How Iran's Hijab Protest Movement Became So Powerful // The New Yorker – 2022. – October 02. – URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/fatemah-shams-how-irans-hijab-protest-movement-became-so-powerful> (last visited: 14.05.2024).

примером этой дореволюционной ситуации, которая вполне возможна, если социально-экономическая и политическая ситуация сохранится такой, какой она была до сих пор.

К этим факторам добавляется раскол в самом иранском правительстве между теми, кто хочет провести глубокие реформы, чтобы восстановить народную легитимность и гарантировать выживание режима, и консерваторами, которые хотят сохранить текущую ситуацию и сохранить контроль исключительно за счет репрессии. Усталость большинства иранского населения (в основном молодого, светского и современного), а также внутренние разногласия в иранских политических элитах – это то, что заставляет Иран иметь неопределенное политическое будущее, что дополнительно осложняет положение курдов.

В целом, точно так же, как Иран вызывает нестабильность в соседних странах из-за своих внутренних проблем, другие государства, как упоминалось выше, влияют на стабильность Ирана. Эти проблемы наблюдаются во всем регионе Ближнего Востока (в настоящее время особенно в Саудовской Аравии и Израиле), создавая постоянную угрозу и нестабильность для Ирана, которая не прекращается из-за неспособности этих государств разрешить свои разногласия и, следовательно, в конечном итоге влияет на региональную ситуацию в целом. В Иране курдское движение находится в подавленном состоянии, Иран — централизованное государство, в котором любые проявления этнического национализма, особенно среди суннитских меньшинств (к которым принадлежит большинство иранских курдов), рассматриваются как угроза национальной безопасности и сеяние религиозной и этнической смуты. Курды в Иране сталкиваются с системной дискриминацией в экономической и политической сферах, а их протесты подавляются. Отсутствие безопасных тыловых баз (в отличие от иракских курдов) и жёсткий контроль со стороны государства не позволяют сформировать сколько-нибудь

значимую автономию, а их сопротивление носит в основном локализованный характер.

2.4. Особенности общественного положения курдов в Турции

Создание Турецкой Республики в 1923 году, после распада Османской империи, открыло решающую главу в стремлении курдов к независимости. Зарождающаяся Турецкая Республика под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка показала неделимое видение национального единства, которое разрушило требования курдов о создании независимого государства, в данном случае на юго-востоке страны. Это стремление было зафиксировано в 1918 году в мирном плане, представленном американским президентом Вудро Вильсоном после окончания Первой мировой войны и расчленения Османской империи, одной из держав, потерпевших поражение в этом конфликте.

Последующая национально-освободительная война, начатая Ататюрком и турецкими «кемалистскими» националистами, нарушила баланс интересов держав-победительниц. После территориального распределения османских владений, ранее предусмотренного Соглашениями Сайкса-Пико (1916 г.) и позже официально оформленного Севрским договором (1920 г.), в котором державы-победительницы разделили бывшие османские владения на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак, Ливан, Палестина), поставив Турцию практически в качестве протектората, борьба «кемалистов» позволила им вернуть себе территории на Анатолийском полуострове, в Средиземном и Эгейском морях, изгнав, при этом, вторгшиеся греческие войска.

Это убедило Францию и Великобританию принять новое соглашение с «кемалистами» — Лозаннский договор (1923 г.), который закрепил независимость Турции. Таким образом, как наследница остатков Османской империи, «кемалистская» Турция стала единственной

побежденной державой в Великой войне, которая после национально-освободительной борьбы оказала давление на державы-победительницы с целью принятия нового, более отвечающего собственным интересам договора. В результате курды юго-восточной Анатолии оказались под суверенитетом зарождающейся Турецкой Республики. Но напряженность не закончилась. В 1925 году было зафиксировано курдское восстание под руководством шейха Саида против новых турецких властей, которое было жестко подавлено и в результате которого погибло около 20 000 человек.

Постоянные трансформации, переживаемые Ближним Востоком после Второй мировой войны, связанные с процессом деколонизации и прекращением французского и британского протекторатов в регионе, создали большие геополитические сложности для устремлений курдов, рассеянных в Турции, Сирии, Ираке, Иране и СССР, особенно в ныне независимых кавказских республиках Армении, Грузии и Азербайджана. Однако курды не отказались от своих автономистских стремлений, даже ведя вооруженную борьбу. В случае с Турцией в 1978 году была создана Рабочая партия Курдистана (РПК) под руководством Абдуллы Оджалана, который вел внутреннюю войну в Турецком Курдистане до своего ареста в 1999 году. С другой стороны, резня курдов, устроенная иракским режимом Саддама Хусейна в 1988 году, даже с применением химического оружия, вызвала сильную внешнюю чувствительность к курдскому делу.

Приход к власти в Турции в 2003 году исламиста Реджепа Тайипа Эрдогана и его партии ПСР усилил ожидания относительно возможного окна переговоров с курдами Турции. Однако растущая авторитарная власть Эрдогана привела к постоянным трениям с Западом, а геополитические сложности, возникшие после Арабской весны 2011-го года и особенно войны в Сирии, привели к почти окончательной приостановке этих переговоров, начиная с 2015 года.

Для полноты исследования были проанализированы формулировки

на курдских сайтах, включая как исследовательские, так и публицистические порталы.

Из четырех государств, на территории которых расположен Курдистан, действия Турции по переименованию и стиранию курдской реальности были наиболее выраженными. Курды также не были единственными жертвами, поскольку помимо около 4000 курдских топонимов, которые Турция переименовала по всей Анатолии, они также стерли первоначальные названия примерно 4200 греческих, 3600 армянских, 750 арабских, 400 сирийских, 300 грузинских и 200 лазских мест¹³³.

Этот «культурный геноцид» был преднамеренным и осуществлен специализированными правительственными комиссиями, созданными с целью стереть память коренных народов и создав, таким образом, тюркизированную нацию. Вскоре после создания Турции слово «Курдистан» было запрещено, так же как слово «Армения» было ранее запрещено османами в 1880 году в качестве своеобразной «прелюдии» к геноциду армян. Фактически, направленность турецкого государства на искоренение курдов можно также наблюдать в последние дни распадающейся Османской империи, когда они стремились стереть любые остатки христианской идентичности¹³⁴.

В 2011-м году Реджеп Тайип Эрдоган, на тот момент премьер-министр Турции, извинился за убийство более 13 000 курдов турецкими военными в конце 1930-х годов (так называемая Дерсимская резня), став первым турецким лидером, принесшим извинения. Убийства произошли, когда армия подавила курдское восстание в Дерсимае, применив воздушные

¹³³ Kurdish city & child Names: The Battle Over Memory // Kurdish Center for Studies. URL: <https://nlka.net/eng/kurdish-city-child-names-the-battle-over-memory/> (last visited: 07.07.2024).

¹³⁴ Kurdish city & child Names: The Battle Over Memory // Kurdish Center for Studies. URL: <https://nlka.net/eng/kurdish-city-child-names-the-battle-over-memory/> (last visited: 07.07.2024).

бомбардировки и отравляющий газ. Извинения прозвучали в период напряженности между Турцией и ее курдским меньшинством. Эрдоган принес неожиданные извинения во время встречи партийных чиновников в турецкой столице Анкаре: «Если возникла необходимость в извинениях от имени государства, если такая практика существует в книгах, я приношу свои извинения»¹³⁵.

В истории Турции существует много тёмных глав, которые оставались закрытыми для ее граждан, но таким образом премьер-министр открыл одну из них, принес извинения от имени турецкого государства. Однако некоторые курды с подозрением относятся к извинениям Эрдогана, рассматривая их как оппортунистический шаг против главной оппозиционной партии, светской Республиканской народной партии (НРП). НРП находилась у власти во время операции в Дерсиме, и в этом месяце ее потрясли внутренние дебаты, спровоцированные одним из её собственных депутатов, который был родом из этого района и призвал партию признать свою ответственность за убийства.

Турецкое государство придает большое значение личным именам, что видно по их действиям. Например, турецкие СМИ по большей части отказываются использовать имя заключенного в тюрьму курдского лидера Абдуллы Оджалана, поскольку его имя напрямую переводится как «Слуга Божий» (на арабском языке) + «Мститель» (на турецком языке). Вот почему в течение многих лет турецкие чиновники просто называли А. Оджалана «Имралы» — это название острова в Мраморном море, где он находится в изоляции последние десятилетия. Шокирующим проявлением этого вышеупомянутого психологического стирания является то, что многие курды в Бакуре вынуждены носить не просто турецкую, а не

¹³⁵ Turkey PM Erdogan apologises for 1930s Kurdish killings // BBC. – 2011. – November 23. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-15857429> (last visited: 28.12.2023).

курдскую фамилию, но именно фамилию, которая означает «турок» с приложенным положительным подтекстом, например, фамилию Озтюрк (чистый турок).

В сочетании с внутренним переименованием турецкое государство также полагалось на юридический процесс для подавления курдской идентичности, даже в отношении диаспоры, находившейся за пределами страны в Европе. Например, турецкие консульства регулярно предоставляли европейским бюрократам списки официально признанных турецких имен, что было сделано для того, чтобы курды с турецкими паспортами не могли регистрировать своих новорожденных детей с неутвержденными курдскими именами, пока они жили за границей.

Эта ситуация отражает внутренние правила Турции, где курдским родителям запрещено давать своим детям курдские имена, и фактически они вынуждены вместо этого давать им два имени: турецкое имя для публичного использования и курдское имя для семьи и местного сообщества. Кроме того, Турция ввела запрет на использование курдских имен, запретив, в том числе, буквы «q», «w» и «x», которые распространены в курдском языке, но отсутствуют в турецком алфавите¹³⁶.

В заключение, положение курдов в Турции характеризуется глубоким историческим противоречием между их растущей политической интеграцией в общегосударственные структуры и достаточно репрессивными мерами со стороны турецкого государства, отрицающего их коллективные национальные права: с одной стороны, прокурдская Народно-демократическая партия (Halkların Demokratik Partisi, HDP) смогла на пике своего влияния легализовать курдский вопрос на

¹³⁶ What's in a Kurdish name? To Turkish officials, rebellion // Chicago Tribune. – URL: <https://www.chicagotribune.com/2002/12/11/whats-in-a-kurdish-name-to-turkish-officials-rebellion/> (last visited: 14.05.2024).

общенациональном уровне, войдя в парламент и завоевав мэрии в крупных городах, а также добившись некоторой либерализации культурных прав, но с другой — эта политическая мобилизация была встречена системным давлением, включающим массовые аресты политиков и активистов, смещение избранных мэров и назначение государственных попечителей, военные операции против баз РПК в горах Курдистана и на территории Ирака, а также идеологию «единой нации», допускающую лишь индивидуальную культурную идентичность в строго ограниченных рамках, что создает перманентный цикл насилия и маргинализации, при котором курдское население остается заложником затяжного конфликта между турецкими властями и Рабочей партией Курдистана (РПК).

Выводы по главе II

Положение курдов в четырёх странах кардинально различается, отражая уникальную историю, политический строй и международное положение каждого государства.

В Ираке курды обладают самым высоким уровнем самоуправления. Иракский Курдистан — это официально признанный конституцией 2005 года федеративный регион со своим правительством, парламентом, армией (Пешмерга) и независимой экономической политикой, во многом основанной на контроле над нефтяными ресурсами. Фактически, это «государство в государстве». Однако его процветание хрупко и зависит от отношений с центральным правительством в Багдаде, с которым ведутся постоянные споры о бюджете, территориях (особенно вокруг Киркука) и правах на экспорт нефти. Проблема Иракского Курдистана — не в отсутствии прав, а во внутренних противоречиях и уязвимости его квази-государственного статуса перед давлением извне.

В Сирии курды, в лице Отрядов народной самообороны (YPG/YPJ), в условиях гражданской войны создали уникальный политический проект —

«Демократическую Федерацию Северной Сирии» (Рожава), основанный на принципах самоуправления, гендерного равенства и этнорелигиозного плюрализма. Однако её существование крайне неустойчиво. Она не имеет международного признания и зажата между враждебными силами: правительством Сирии, стремящимся восстановить контроль над всей страной, и Турцией, которая рассматривает сирийских курдов как террористов и регулярно проводит против них военные операции. Их выживание зависит от тактической и непредсказуемой поддержки внешних игроков – России и США.

В Турции курды сталкиваются с жёстким и системным противоречием. С одной стороны, они являются гражданами страны с политическим представительством через прокурдскую Народно-демократическую партию (Halkların Demokratik Partisi, HDP). С другой, турецкое государство, опасаясь сепаратизма, исторически проводило политику ассимиляции и отрицания курдской идентичности. Конфликт между государством и Рабочей партией Курдистана (РКК), признанной террористической организацией, продолжается десятилетиями и характеризуется циклами насилия, военными операциями и репрессиями. Положение курдов в Турции – это перманентный кризис, балансирующий между надеждами на политическую интеграцию и реалиями силового подавления.

В Иране курдское движение остаётся в подавленном состоянии. В Иране любые проявления этнического национализма, особенно среди суннитских меньшинств (к которым принадлежит большинство иранских курдов), рассматриваются как угроза национальной безопасности и сеяние религиозной и этнической смуты. Курды в Иране сталкиваются с системной дискриминацией в экономической и политической сферах, а их протесты жестко подавляются. Отсутствие собственной территории (в отличие от иракских курдов) и жёсткий контроль со стороны государства

не позволяют сформировать сколько-нибудь значимую автономию, а их сопротивление носит в основном подпольный и локализованный характер.

Глава III. Проблемы и перспективы решения «курдского вопроса»

3.1. Влияние внешних акторов (США, стран ЕС, России и Китая) на процессы в Курдистане

С самого начала 1990-х гг., когда ЕС (до 1993 г. Европейское экономическое сообщество ЕЭС), пытался нащупывать свою независимую внешнеполитическую линию, еврочиновники в Брюсселе начали уделять внимание ситуации в Ираке и Иракском Курдистане. ЕС сыграл весьма важную роль в создании «зоны безопасности» в Иракском Курдистане в 1991 году. Как известно, 5 апреля 1991 г. СБ ООН принял резолюцию № 688¹³⁷ (против проголосовали Зимбабве, Йемен и Куба, считавшие, что этот вопрос не входит в компетенцию ООН и резолюция создаст опасный прецедент, воздержались Китай и Индия, также заявившие, что этим вопросом ООН не должна заниматься). 7 апреля 1991 г. авиация Соединённых Штатов начала сбрасывать продукты питания, 8 апреля госсекретарь США Джеймс Бейкер пообещал курдам направить продукты питания и медикаменты, а президент Джордж Буш-старший создал программу защиты курдских беженцев с воздуха под названием Operation Provide Comfort¹³⁸. 10 апреля Соединённые Штаты запретили иракской

¹³⁷ Резолюция 688 (1991) от 5 апреля 1991 года // Документы. Организация Объединенных Наций. – URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/688\(1991\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/688(1991))

¹³⁸ Iraqi Kurds, Operation Provide Comfort, and the Birth of Iraq's Opposition // Association for Diplomatic Studies & Training. – URL: <https://adst.org/2016/02/iraqi-kurds-operation-provide-comfort-and-the-birth-of-iraqs-opposition/>

авиации пересекать 36-ю параллель. К началу мая количество военнослужащих ООН достигло максимума – 15 тысяч человек. При этом кроме военнослужащих Соединённых Штатов участие в оказании гуманитарной помощи курдам принимали французские, голландские, итальянские, британские военные. Первая фаза операции продлилась до 12 июня 1991 г., в ней всего приняли участие 21,7 тыс. военнослужащих из 7 стран.

На саммите ЕЭС в Люксембурге 8 апреля 1991 г. оказание гуманитарной помощи иракским курдам было важнейшим вопросом встречи. Французы предлагали как-то защитить курдов, однако конкретный план по созданию «зоны безопасности» выдвинул премьер-министр Великобритании Джон Мейджор, который был единодушно поддержан всеми странами ЕЭС. На оказание помощи курдским беженцам было выделено \$185 млн. Примечательно, что тогда один из еврочиновников заявил, что «курды спасли саммит», имея в виду, что беда курдов объединила европейцев и стремление увеличить свою роль на международной арене отодвинуло на второй план существовавшие проблемы.

Однако о реальной внешней политике ЕС в отношении Южного Курдистана говорить всё же не приходится. Ситуация в Ираке после войны в Персидском заливе и создания на севере страны «зоны безопасности» полностью и монополюно находилась под контролем Вашингтона. Участие Великобритании в этом процессе нисколько не противоречит данному факту. Совершенно очевидно, что Великобритания участвовала в этом процессе (и в военной операции против Ирака в 2003 г.) не как европейская держава, а как союзник Соединённых Штатов. Участие Франции до 1996 г. в патрулировании «зоны безопасности» также фактически не имело никакого значения. Франция не играла

определяющей роли в этом процессе, лишь «разбавляя англо-саксонский тандем».

Следует отметить также, что хотя Франция несколько раз на самом высоком уровне пыталась организовать различные курдские форумы, однако с точки зрения реальных политических процессов совершенно очевидно (и курдские лидеры регулярно признают это), что судьба курдов решается лишь в Вашингтоне, а европейские столицы и евроструктуры имеют для курдов лишь морально-психологическое значение и рассматриваются с точки зрения попытки диверсификации своих отношений с зарубежными странами.

С конца 90-х годов Южный Курдистан начал активную регулярную дипломатическую работу в Европе. В 1998 г. Парламент Курдистана (контролируемый ДПК) принял решение об открытии при ЕС представительства РегПК (Регионального Правительства Курдистана), которое начало действовать с 1999 года. Представительство находится в Брюсселе и имеет отделения при ЕС, Совете Европы, Европарламенте и других структурах ЕС. Также это представительство выполняет функции представительства Курдистана в странах Бенилюкса¹³⁹. Главой представительства был назначен Бурхан Намик Джаф. Благодаря деятельности представительства Европарламент в 2000 г. дважды приглашал на свои мероприятия премьер-министра РегПК в Эрбиле Нечирвана Барзани. Европарламент посещал также председатель парламента Курдистана Рож Нури Шавейш.

Именно в морально-психологическом контексте следует рассматривать и принятую Европарламентом 18 мая 2002 г. резолюцию по Ираку под названием «Ситуация в Ираке: 11 лет после войны в

¹³⁹ Council of Ministers approves justice and trade bills // Kurdistan Regional Government. – URL: <https://gov.krd/english/news-and-announcements/posts/2021/april/council-of-ministers-approves-justice-and-trade-bills/>

Персидском заливе»¹⁴⁰. Чуть ранее, 23 апреля 2002 г. комитет по правам человека и внешним сношениям ЕС одобрил доклад по этой теме. Европарламент признавал прогресс, достигнутый Курдистаном в деле развития демократии, а особую поддержку выражал курдам, проживающим в районах этногеографического Иракского Курдистана, не подконтрольных курдистанской администрации и подвергавшихся арабизации со стороны иракских властей. В резолюции говорилось, что Ирак «продолжает оставаться угрозой региональной стабильности и безопасности мира», а иракское правительство последние 11 лет продолжает проводить политику террора и нарушения прав человека в отношении курдов, туркмен и айсоров на севере страны и шиитов на юге. Саддам Хусейн обвинялся в поддержке акций палестинского терроризма. Европарламент также отмечал, что продолжается политика арабизации и этнических чисток в регионах Киркука, Синджара, Мандали, Джалаула и Мосула, находящихся под контролем иракского правительства. Речь шла о 800 тысячах внутренне перемещённых лиц курдского, туркменского и ассирийского происхождения, которые сейчас живут в трёх курдских провинциях, находящихся под контролем курдских администраций.

Европарламент жёстко осуждал широкомасштабные нарушения прав человека и международного гуманитарного права иракским правительством, политику дискриминации и террора, проводимую властями Ирака. Резолюция Европарламента призывала иракское правительство полностью выполнять свои обязательства по конвенциям прав человека и международному гуманитарному праву, уважать права всех этнических и религиозных групп, немедленно прекратить практику насильственной депортации и переселений. В п. 11 говорилось об

¹⁴⁰ Report on the situation in Iraq eleven years after the Gulf War (2000/2329(INI)). 26 April 2002 // European Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-5-2002-0157_EN.html

уважении к уже достигнутому улучшению в трёх провинциях на севере Ирака с точки зрения развития гражданского общества. Резолюция призывала Комиссию ЕС выработать активную стратегию с применением следующих мер:

- расследовать и заморозить нелегальные финансовые активы – иракского руководства в ЕС;
- запретить доступ ведущих членов иракского режима в ЕС; – осуществлять мониторинг нарушений прав человека;
- оказывать помощь иракцам в изгнании;
- поддерживать демократический эксперимент курдской администрации в Северном Ираке; оказывать помощь Северному Ираку, не только в гуманитарной области, но и в области здравоохранения, производства продуктов питания, экономики, социальных нужд, образования, свободы выражения и прессы и в др. секторах общества, создать программу поддержки по обезвреживанию мин;
- оказывать максимальное давление на иракский режим для прекращения репрессий, в первую очередь массовых экзекуций, арестов, кампаний внутренних переселений и этнических чисток в курдском регионе, находящемся под контролем центральных властей;
- обеспечивать долгосрочную непрекращающуюся защиту иракского населения, в особенности курдского и шиитского населения.

Руководство Курдистана весьма позитивно восприняло эту резолюцию Европарламента и призывало Евросоюз разработать и осуществить в Курдистане стратегический план по поддержке демократического эксперимента и развитию гражданского общества¹⁴¹.

¹⁴¹ Авдои Т.С. Курдский вопрос в современных международных отношениях: автореф. дис. канд. пол. наук: 23.00.04. «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» / Т.С. Авдои. – Москва, 2009. – 27 с.

Курдские лидеры осознавали, что судьба Южного Курдистана определяется в Вашингтоне, а Евросоюз не представляет в курдском вопросе ощутимую силу, которая может проводить самостоятельную политику. Тем не менее, они немалое значение придавали европейскому направлению своей дипломатии. Особенно это было заметно в преддверии американской кампании против Ирака. Курдские лидеры считали важным для Южного Курдистана иметь поддержку европейского общественного мнения и моральную поддержку европейских властей. Курдские власти призывали Евросоюз играть большую роль в курдских и иракских делах. Они желали привлечь Евросоюз к участию в курдском вопросе, чтобы интернационализировать вопрос Южного Курдистана и несколько ослабить монополию Соединённых Штатов.

С конца 2002 г., т.е. в преддверии военной кампании США против Ирака, курдских лидеров стали принимать на самом высоком уровне в Евросоюзе. В конце ноября 2002 г. Масуд Барзани и Джалал Талабани впервые встретились в Брюсселе с Верховным комиссаром ЕС по внешней политике Хавьером Соланой. 19 декабря 2002 г. после завершения саммита оппозиции в Лондоне главы ДПК и ПСК М. Барзани и Дж. Талабани провели переговоры с премьер-министром Великобритании Тони Блэром. Это была первая встреча курдских лидеров с Т. Блэром, ранее они встречались лишь с Дж. Мейджором как главой правительства Великобритании. Однако следует всё же признать, что политику Великобритании в иракском вопросе, как и, впрочем, по многим другим глобальным проблемам, лучше идентифицировать не с внешней политикой ЕС, а с американской дипломатией.

Выражением позиции ЕС были скорее антивоенные демарши ФРГ и Франции, которые, как считали курдские лидеры, противоречили интересам Южного Курдистана и Ирака в целом. Германию и Францию весьма жёстко критиковал лидер ПСК Дж. Талабани. Как заявлял

Талабани, «Франция не принимает во внимание желания и права иракского народа». О Германии Талабани заявил следующим образом: «Германия боится, что после свержения Саддама Хусейна будут обнаружены документы, подтверждающие, что она помогала [Ираку], программы химического оружия, и курды потребуют компенсации». Впоследствии выяснилось, что основную долю поставок химического оружия баасистскому режиму осуществляли голландские и германские компании.

Германию критиковал и лидер ДПК Масуд Барзани за то, что Берлин «игнорирует курдскую проблему в Ираке», «ни разу не выразил своего мнения по вопросам федерализма» и что «немецкие фирмы поставляли режиму Саддама химическое оружие и несут моральную ответственность за трагедию Халабджи».

После свержения баасистского режима ЕС открыл информационный центр в Багдаде. Хотя власти Курдистана настойчиво предлагали Евросоюзу открыть информационный центр (либо какой-то офис) в Курдистане, ЕС отказался сделать это, осуществляя все свои программы через багдадское представительство¹⁴². Это вызывало недовольство курдистанской администрации, считающей, что сложная ситуация в Багдаде препятствует осуществлению различных инвестиционных и гуманитарных проектов ЕС в Курдистане. Кроме того, Евросоюз очень осторожно подходит к инвестициям в экономику Курдистана. Как удивлялся представитель РегПК в ЕС Бурхан Джафф, с одной стороны, страны Евросоюза, считая Южный Курдистан стабильным регионом, депортируют мигрантов из этого региона, не предоставляя им статуса политических беженцев. С другой стороны, европейцы воздерживаются от

¹⁴² Авдои Т.С. Курдский вопрос в современных международных отношениях: автореф. дис. канд. пол. наук: 23.00.04. «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» / Т.С. Авдои. – Москва, 2009. – 27 с.

направления в Курдистан делегаций и компаний, поскольку говорят о том, что Курдистан является не вполне безопасным регионом.

Однако в подобном поведении ЕС нет ничего удивительного. Отказ от приёма беженцев из этого региона никоим образом не связан с инвестиционной привлекательностью. Тем более, что ЕС рассматривает Курдистан не с точки зрения его экономического развития, например, развития его аграрного и промышленного сектора и импорта сельскохозяйственной и иной продукции из Курдистана. Курдистан может быть интересен лишь с точки зрения экспорта энергоносителей и импорта европейских товаров, то есть сугубо в неокOLONIALном смысле.

Южнокурдистанские власти проявляют особую заинтересованность к процессу принятия Турции в ЕС. Они считают, что изменения, происходящие в Турции, предоставляют огромные возможности не только турецким, но и иракским курдам. Принятие Турции в ЕС, пусть даже в самой отдалённой перспективе, значительно сблизит с Евросоюзом и Иракский Курдистан.

В случае присоединения Турции к Евросоюзу кроме общей границы с ЕС Иракский Курдистан может получить в лице турецких курдов важный этнодемографический мост в отношениях с Европой. Однако сложности в отношениях между турецкими курдами и Южным Курдистаном, а также давление южнокурдистанских властей на диалект курманджи, на котором говорит большинство курдов Турции, принизили роль Иракского Курдистана для турецких курдов¹⁴³.

Власти Южного Курдистана пытаются подключить к ситуации в Ираке Евросоюз, вовлечь его в ситуацию в Курдистане. В мае 2007 г. и ноябре 2009 г. во время выступлений в Европарламенте и Европейском Союзе более активно участвовать в различных проектах в Курдистане

¹⁴³ Sunca Y. The regional Kurdish question in a global world: mentalities, policies and geopolitical dynamics / Yasin Sunca Yasin. – Truth Justice Memory Center, 2022. – 143 p.

призывал европейцев президент Курдистана Масуд Барзани. Однако Евросоюз воздерживается от активной политики в этом регионе, предпочитая осторожные отношения. Лишь некоторые страны ЕС пытаются «войти» в Южный Курдистан, и то большей частью культурно-гуманитарным путём. Именно так действуют Франция, Германия, отчасти Швеция.

Примечательна также позиция Греции в отношении Южного Курдистана. Греция в 90-х годах очень поддерживала ПРК, и греческое общественное мнение было настроено сильно про-курдски (точнее про-оджалановски) и анти-турецки. Однако позиция Афин, традиционно (до ареста А. Оджалана) благоприятно воспринимаемая среди курдов, в отношении Южного Курдистана состояла, и состоит, в следующем. Греция и Республика Кипр опасались, что если США окажут на Турцию давление для того, чтобы Анкара «молчаливо одобрила» либо хотя бы безразлично отнеслась к созданию независимого государства в Южном Курдистане, Турция может потребовать от США признания Турецкой Республики Северного Кипра. Поэтому, понимая, что при обсуждении вопроса Южного Курдистана Вашингтоном в любом случае будет учитываться позиция Анкары, Афины и Никосия беспокоились о возможной сделке между американцами и турками. Греция и Кипр считали, что Турция, не сумев противостоять нажиму американцев, будет выторговывать у США, которые не могут не учитывать важную роль Турции в регионе, новые условия.

Новый этап в политике стран Европейского союза по отношению к Южному Курдистану можно наблюдать с 2008 г., когда крупнейшие страны ЕС стали открывать в Эрбиле консульства. В 2008-2009 гг. в Эрбиле были открыты консульства крупнейших стран ЕС – Франции и ФРГ¹⁴⁴. Консульство Франции возглавил известный французский врач

¹⁴⁴ German Consulate-General opened in Erbil // Germany. Federal Foreign Office. – URL:

Фредерик Тиссо. На торжественной церемонии открытия, состоявшейся в начале июня 2008 г., присутствовали премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани и министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер, начавший свою речь словами: «Да здравствует Курдистан!»¹⁴⁵.

18 февраля 2009 г. в Эрбиле состоялась церемония открытия консульства ФРГ, на которой присутствовали премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани и министр иностранных дел Германии Франк Вальтер Штайнмайер. В своём выступлении на церемонии открытия Н. Барзани назвал день открытия консульства ФРГ в Эрбиле «историческим», знаменующим собой «начало новой эпохи в германо-курдистанских отношениях». Н. Барзани назвал Германию «важнейшим партнёром», особо отметив возможность осуществления различных германских проектов в Курдистане, в частности, открытие Института Гёте. Примечательно, что в упомянутом выступлении премьер-министр Курдистана, особо отметив, что «ЕС не может закрывать глаза на преступления», совершённые против курдов баасистским режимом, призывал Европарламент принять резолюцию по этому вопросу.

Глава МИД ФРГ во время визита в Курдистан был принят также президентом Курдистана Масудом Барзани.

В декабре 2007 г. в Эрбиле был открыт и офис посольства Великобритании в Ираке, которое возглавил опытный британский дипломат Роберт Вильсон¹⁴⁶. Однако, как уже отмечалось, деятельность Соединённого королевства в Ираке необходимо рассматривать в контексте американской политики.

<https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/090218-eroeffnunggkarbil-233650>

¹⁴⁵ The trajectory of KRG and France's relations // European Institute for Studies on the Middle East and North Africa. – URL: <https://eismena.com/en/article/the-trajectory-of-krg-and-frances-relations-2023-10-27>

¹⁴⁶ Evidence on Kurdish aspirations and the interests of the UK. // UK Parliament. Committees. – URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/83702/html/> (дата обращения 03.02.2024).

Для расширения международных связей Южного Курдистана весьма важным является также открытие дипломатических представительств других стран ЕС Польши, Чехии. Эти страны, как известно, в международной политике активно взаимодействуют с Соединёнными Штатами¹⁴⁷.

Итак, европейские страны только начали проникать в Иракский Курдистан. Однако они понимают, что им вряд ли можно рассчитывать на серьёзное политическое влияние в этом регионе.

Таким образом, курдский вопрос играет весьма важную роль во внешней политике Европейского Союза и его членов. При этом ЕС сконцентрирован в первую очередь на курдской проблеме в Турции, что обусловлено значением Турции. Взаимоотношения с Анкарой для ЕС являются жизненно важными, как в экономическом, так и в политическом отношениях. Турция является крупным торгово-экономическим партнёром ЕС и играет большую роль в обширном регионе Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья, Черноморского бассейна и Южного Кавказа. Одним из основных вопросов отношений Турции с ЕС в последние несколько десятилетий является проблема присоединения к этому союзу Турции. ЕС не желает принимать Турцию в свои ряды вследствие различных факторов, связанных с размерами этой страны, в основном расположенной за пределами европейского континента, и граничащей с другими государствами Ближнего и Среднего Востока. В то же время он не отчуждает Анкару, понимая её непреходящее значение, желая видеть её в качестве крупного партнёра и буфера с другими (нестабильными) регионами. В этой политике Евросоюз активно использует курдскую проблему, которая, несмотря на все гуманитарные и правовые аспекты деятельности ЕС, играет для него сугубо

¹⁴⁷ Ближний Восток: взгляд молодых исследователей (Мировое развитие. Выпуск 20) / Ред. колл.: И.Д. Звягельская, Т.Л. Ровинская, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 215 с.

функциональную роль. Риторика руководства ЕС и властей стран, входящих в Евросоюз, касающаяся защиты прав человека в Турции и предоставления курдам национальных прав, подчинена политическим целям.

В 90-х годах использование курдского фактора происходило в ЕС на двух уровнях непосредственно на уровне Евросоюза и на уровне отдельных стран, имеющих противоречия с Турцией. Однако с 2000-х годов отдельные государства существенно снизили уровень использования курдской проблемы в своих противоречиях с Турцией, и курдский фактор чаще используется во взаимоотношениях с Анкарой Евросоюзом в целом либо декларируется странами ЕС в качестве вопроса также по общеевропейским проблемам.

Южный Курдистан имеет для ЕС меньшее значение. Понимая, что в Ираке главную роль играют США, Евросоюз сделал ставку на мягкое проникновение в Иракский Курдистан, используя гуманитарные, образовательные и экономические средства. В отличие от других частей света, эпоха после холодной войны была еще более разрушительной для Ближнего Востока, поскольку Арабская весна разожгла некоторые из самых смертоносных конфликтов в мире. Войны в Йемене, Сирии и других странах демонстрируют соперничество глобальных и региональных игроков за доминирование в регионе¹⁴⁸. Однако сегодня кажется, что основные участники всех этих конфликтов устали и изнурены. По мере того, как региональный кризис заходит в тупик, на Ближнем Востоке формируется новая геополитическая обстановка.

В течение примерно двадцати лет после окончания Холодной войны региональная динамика власти на Ближнем Востоке была относительно

¹⁴⁸ Wali D. The Changing Political Dynamics of the Middle East / Daniyal Wali. Modern Policy. – 2022. – URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/08/09/the-changing-political-dynamics-of-the-middle-east/> (last visited: 19.08.2024).

стабильной, а США были неоспоримой и доминирующей внешней силой. Сегодня сочетание потрясений, революций и гражданских войн в регионе, усталость США от войны, революция сланцевой энергии и возвращение конкуренции великих держав кардинально изменили геополитику Ближнего Востока.

Было бы неверным утверждать, что США уходит с Ближнего Востока, но американское влияние в регионе, безусловно, идет на спад. Соединенные Штаты сохраняют значительное военное присутствие в регионе, но американская общественность имеет ограниченную поддержку военного участия в ближневосточных конфликтах. Восприятие того, что Соединенные Штаты больше не зависят от поставок нефти из региона, не подтверждается реалиями мирового нефтяного рынка, но формирует современное принятие американских решений. Соединенные Штаты постепенно отходят от дипломатического лидерства в мирном процессе на Ближнем Востоке и управлении конфликтами во всем регионе.

Другие игроки вклиниваются в региональное принятие решений. По мере сближения этих двух динамик развивается новая геополитическая структура. Она включает шесть основных стран — Саудовскую Аравию, Иран, Турцию, Израиль, США и Россию. Другие, такие как Египет, сохраняют часть своего прошлого влияния, хотя и на значительно сниженном уровне. Китай в настоящее время не считает этот регион приоритетным в выстраивании внешнеполитического курса, но выстраивает свои экономические и дипломатические связи по всему региону и готов стать более влиятельным в будущем.

Как растущая экономическая и политическая держава, Китай может сыграть важную роль в изменении курса на Ближнем Востоке. С точки зрения общих подходов, существует разница между Китаем и другими крупными державами, которые играли свою роль на Ближнем Востоке в течение последних ста лет. Китай не стремится навязывать свою

культурную или политическую гегемонию ближневосточным государствам. Он уважает (как минимум официально провозглашает именно такой курс) внутренние культурные и политические различия, пока взаимные интересы развиваются. Поэтому Китай потенциально может сыграть позитивную роль в процессе разрешения курдского вопроса, особенно с правительством Турции как главным препятствием для мирного процесса.

Вопрос здесь в том, захочет ли Китай вообще официально заниматься этой сложной ситуацией. В этом отношении есть два основных препятствия. Первое связано с общим подходом Китая к международным отношениям: до сих пор Китай неохотно вмешивался во внутренние дела любого так называемого суверенного государства. Китай считает курдов негосударственными субъектами, с которыми нельзя иметь дело формально. Это является серьезным препятствием для участия Китая в курдском вопросе. Его подход к курдскому вопросу, вероятно, будет деликатным, поскольку он не захочет нарушать свои формальные отношения с государствами, в которых проживают курды. Вторая причина — влияние западного вмешательства на Ближнем Востоке. У Китая меньше возможностей для предоставления иного подхода и принятия мер по решению региональных кризисов.

Однако оба эти фактора могут не помешать Китаю выйти вперед в регионе. Это просто из-за его значительных интересов и открытых возможностей играть свою роль, особенно после провала модели национального государства, поддерживаемых Западом инициатив и проектов после Арабской весны в нескольких частях региона. Участие Китая в Афганистане после провала интервенции США и возвращения Талибана является одним из примеров. Его попытка содействовать примирению между Ираном и Саудовской Аравией и принятие их обоих в

качестве новых членов БРИКС является еще одним примером дипломатической силы Китая¹⁴⁹.

Таким образом, существует вероятность, что Китай мог бы поддержать мирное решение конфликта между турецким государством и курдским народом. Можно утверждать, что это принесет пользу их интересам в региональной стабильности. Более того, у Китая есть возможность побудить Турцию отказаться от своего тупикового подхода и предпринять шаги к новой эре мира и процветания в регионе. Китай быстро и уверенно появляется и расширяет свое присутствие в Иракском Курдистане, в котором Пекин участвует в создании мягкой силы, налаживая связи с университетами и школами китайского языка, финансируя местные НПО, а также энергетику, инфраструктуру и торговлю. Китай в первую очередь сосредоточился на энергетике на юге, но недавно расширил свое присутствие и в других секторах, таких как строительство и инфраструктура. Однако отношения между Китаем и Иракским Курдистаном также осложняются несколькими деликатными вопросами, которые делают их обременительными. Существуют различные режимы китайской власти в регионе, их методы связи с различными элитами и то, как они конкурируют с другими.

Отношения моделируют взаимодействие Китая с меньшинством и региональным правительством. Позиция Пекина в отношении курдов противоречит его позиции в отношении меньшинств внутри Китая. Это усложняет и без того деликатную ситуацию, давящую на отношения. Из-за этих факторов отношения окутаны взаимным молчанием во многих областях. Китай использует отношения, чтобы бросить вызов США, особенно символически. Некоторые политические и вооруженные

¹⁴⁹ China and the Kurdistan Region of Iraq: An Enduring Yet Cumbersome Relationship // Emirates Policy Center URL: <https://epc.ae/en/details/featured/china-and-the-kurdistan-region-of-iraq-an-enduring-yet-cumbersome-relationship> (last visited: 13.08.2024).

группировки в Ираке видят в Китае альтернативу США. Однако, стоит отметить, что эту роль Китай не приветствует.

Отношения Китая с Курдистаном многогранны и сложны. Обе стороны видят возможности и дилеммы в своих отношениях. В то время как возможности Китая ограничены экономикой, торговлей и мягкой силой, Региональное правительство Курдистана (КРГ) не может обменять их на военное выравнивание с США и гарантии безопасности. До сих пор регион пожинал плоды американской безопасности и экономических возможностей Китая. Однако Эрбиль будет вынужден сделать трудный выбор, если отношения между двумя сверхдержавами ухудшатся в другом месте из-за гегемонистского тупика между США и Китаем. Пока нынешнее положение дел стабильно, оно выгодно и удобно.

Основные цели мягкой силы — не только сделать Китай более привлекательным, представить Китай как альтернативу американской демократической модели и создать образ китайского партнерства как быстрого и осуществимого способа восстановить регион. Пока что эта модель работает. Китайские фирмы выигрывают контракты в Ираке и Курдистане, оставляя другие компании и страны нуждаться в помощи в том, как конкурировать. Китай становится более заметным в секторах образования региона, особенно в университетах. У него есть партнерские отношения с семью государственными и частными университетами КРГ, а образование является жизненно важным компонентом дипломатии «от человека к человеку» в Китае.

Тесные отношения китайских фирм с правительством позволили им конкурировать по рискам и затратам. По словам министра сельского хозяйства КРГ, китайские фирмы получили контракты на строительство четырех плотин, потому что они были готовы построить их за меньшую цену, чем другие. Подводя итог, можно сказать, что способность Китая выигрывать контракты, расширяться и конкурировать с другими основана

на слиянии государственных компаний, принятии риска, долгосрочных планах и мышлении в целом.

Однако отношения Китая с КРГ не лишены проблем. Запрещая политические отношения с Тайванем и наоборот, Китай навязывает Курдистану свою политику «одного Китая», заявляя при этом об отсутствии политического вмешательства. Хотя Китай выигрывает больше контрактов в регионе, чем любая другая страна, и влияет на различные типы элит, ему еще предстоит завоевать сердца простых людей.

В будущем КРГ будет сложно выбрать между США и Китаем. Из-за возможности такого развития событий обе стороны решили не форсировать события. Еще одним заметным отличием является предпочтение Китаем абсолютного вестфальского подхода к международным отношениям, в отличие от предпочтения КРГ модели «Обязанность защищать» (R2P — инициатива Организации объединённых наций (ООН), введённая в 2005 году)¹⁵⁰, которая позволяет международному сообществу вмешиваться во внутренние дела. Ответственность за защиту населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток стала важным глобальным принципом после принятия Итогового документа Всемирного саммита ООН в 2005 году.

СМИ и гражданское общество — еще две сферы, в которых активно участвуют китайцы. Центр Chawî Kurd — это финансируемая Китаем организация гражданского общества. Китай пытается локализовать свои усилия по охвату курдского народа через эти местные гражданские общества. Китайское консульство в Эрбиле финансировало перевод на курдский язык книги президента Си Цзиньпина «Управление Китаем»¹⁵¹.

¹⁵⁰ What is R2P? // Global Centre for the Responsibility to Protect URL: <https://www.globalr2p.org/WHAT-IS-R2P/> (last visited: 14.05.2024).

¹⁵¹ Kurdistan in China: Are the Iraqi Kurds Interested in a Relationship? // The Washington Institute

После публикации книги бывший директор центра был приглашен в Китай. Центр Chawî Kurd, который китайцы считают Центром политического развития, взаимодействовал с Центром международного сотрудничества национального развития и реформ Китая во время поездки.

Однако акцент делается на развитии, а не на демократии. По словам Дильшада Намика, президента Центра Chawî Kurd, «курдские политические вопросы и демократия никогда не обсуждаются на их встречах с китайскими официальными лицами»¹⁵². Это может быть одним из принципов «трех нет» Си Цзиньпина: никаких доверенных лиц, никакой сферы интересов и никаких попыток заполнить какой-либо вакуум власти на Ближнем Востоке. Однако акцент на развитии подразумевает, что в отношениях есть более трех «нет», наиболее заметным из которых является отсутствие упоминания вопросов, связанных с демократией, а простое удвоение внимания к развитию.

Эти усилия служат нескольким целям. Среди них — попытки Китая отличить себя от американской модели, в частности американского опыта в Ираке, посредством этого дискурса. Он пытается связать демократию с хаосом и развитием, а китайскую модель развития — со стабильностью и ростом. Поскольку он избегает касаться любого аспекта политики, окружающей среды или прав человека, подход развития позволяет Китаю сосредоточиться на более эффективном получении контрактов. Элиты КРГ, хотя и осторожно, приветствуют эти особенности.

Китай проникает в Иракский Курдистан в инфраструктурных проектах, торговле, энергетике, образовании и мягкой силе. В то время как Китай расширяется и пытается привлечь людей из региона к своей модели

for Near East Policy URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/kurdistan-china-are-iraqi-kurds-interested-relationship> (last visited: 13.08.2024).

¹⁵² Chawy kurd center // Chawy Kurd Center for Political Developments. URL: <https://mofa.gov.iq/beijing/?p=1517&lang=en> (last visited: 07.07.2024).

и продуктам, у КРГ нет никаких шансов присутствовать в Китае, не говоря уже о том, чтобы иметь какое-либо влияние или лоббировать там. Независимо от того, насколько ограничены отношения, они не будут застрахованы от более широкой напряженности между США и Китаем. В результате в будущем КРГ будет вынуждено выбирать между экономикой и безопасностью, особенно если отношения между Китаем и США ухудшатся еще больше в глобальном масштабе.

Дилемма становится более острой, когда США не желают инвестировать, а Китай не желает обеспечивать безопасность. Расширение Китая может беспокоить Соединенные Штаты и другие страны, особенно в плане получения контрактов и принятия рисков. Китай пытается «деамериканизировать» Ирак, делая упор на развитие, а не на демократию. Рост влияния Китая затормозит демократизацию, особенно в связи с тем, что Соединенные Штаты и другие страны испытывают усталость от демократизации. Китай не боится предлагать свою модель наблюдения, способствуя большему региональному социальному и политическому контролю.

Даже в модели управления иракские курдские политические элиты предпочитают китайскую модель. Эта модель воплощает тесные и симбиотические отношения между партией и государством, разделение экономических и политических прав и старую маоистскую модель, движимую синергией власти и насилия. Несмотря на свою любовь к этой модели, иракские курдские элиты не могут принять ее открыто. Мягкая сила Китая быстро распространяется через университеты в Курдистане уникальным китайским способом.

Образование, изучение китайского языка, возможности трудоустройства в китайских компаниях и другие факторы способствуют хорошему имиджу Китая. Кроме того, Китай пытается локализовать свои усилия, чтобы больше общаться с местными элитами. На этом фоне

становится ясно, что, несмотря на курдские оговорки, Китай стал неотъемлемой частью экономики, образования, рынка и политики Курдистан своим уникальным способом и только растёт. Несмотря на трудности, отношения Китая с Курдистаном пока будут продолжаться. Однако по многим причинам, призраку военной мощи США, острой необходимости в защите и нежеланию Китая полностью признать КРГ, нелегко представить, что обе стороны развивают доверие и дружбу. Следовательно, атмосфера излишнего прагматизма омрачает отношения.

Основные игроки имеют различные стратегические цели. Иран и Саудовская Аравия стремятся уравновесить друг друга. Израиль стремится противостоять как ядерным, так и региональным амбициям Ирана и использует подход управления конфликтом, а не его разрешения в отношении палестинцев. Он разделяет с Саудовской Аравией стратегическую цель сдерживания Ирана, но Саудовская Аравия и арабское общественное мнение накладывают ограничения на глубину саудовско-израильского сотрудничества. Турция имеет двойную исламско-националистическую стратегию и все больше вовлекается в региональные дела. Россия стремится защитить государственный суверенитет и получить влияние, потерянное США.

Влияние России на курдский вопрос является сложным, многогранным и крайне прагматичным. Москва не имеет единой, неизменной позиции в отношении всех курдов, а гибко адаптирует свою политику в зависимости от конкретного региона и текущих геополитических интересов. Её роль можно назвать ролью «ситуативного арбитра» и стратегического манипулятора.

В Сирии влияние России наиболее сильно и заметно. Москва долгое время являлась главным союзником официального Дамаска, но при этом вынуждена взаимодействовать с сирийскими курдами (в лице Отрядов народной самообороны и Сирийских демократических сил). Россия стала

главным буфером между курдами и турецкими военными операциями. После вывода американских войск из северной Сирии в 2019 году, российские военные заняли часть образовавшегося "вакуума" силы, чтобы не допустить полномасштабного вторжения Турции. Это спасло курдскую автономию от разгрома, но сделало её зависимой от Москвы. Кажется, что Россия не позволяет Турции уничтожить курдское самоуправление, но и не позволяет курдам добиться реальной независимости, сохраняя их как разменную карту в своей сирийской стратегии.

В Ираке позиция России более сдержанна и ориентирована на общегосударственные отношения с Багдадом. Российские компании (в первую очередь, «Роснефть») заключили крупные контракты на разведку и добычу нефти в Иракском Курдистане¹⁵³. Это дает Москве экономические рычаги влияния на Эрбиль. При этом Россия не поддерживала курс на независимость Иракского Курдистана во время референдума 2017 года. Москва публично выступала за сохранение территориальной целостности Ирака, понимая, что раскол страны дестабилизирует регион и противоречит её интересам. Россия поддерживает рабочие отношения как с федеральным правительством в Багдаде, так и с региональным правительством в Эрбиле, позиционируя себя как ответственного внешнего игрока.

Несмотря на значительную роль в Сирии, Россия не может и не хочет диктовать свою политическую волю всем курдам, влияние ограничивается конкретными театрами военных действий и политическими процессами, где её присутствие критически важно. Россия является одним из важнейших внешних игроков, определяющих текущую ситуацию с курдами, но сейчас её цель — не помочь им обрести

¹⁵³ «Роснефть» оценила успех сделок в Иракском Курдистане в \$250 млн // Ведомости. 03 марта 2020. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/03/02/824276-rosneft-otsenila>

государственность, а использовать их стремление для укрепления собственных геополитических позиций.

У Турции и России сложные отношения, несимметричные на разных этапах развития. Нигде это не проиллюстрировано так ясно, как в Сирии, где они находились по разные стороны конфликта: Путин поддерживал режим Асада, а Эрдоган поддерживал оппозицию. Их отношения достигли низшей точки в ноябре 2015 года, когда Турция сбила российский истребитель за нарушение своего воздушного пространства. Эрдоган примечательно извинился перед Путиным семь месяцев спустя, после того как пострадал от болезненных экономических санкций и, что еще важнее, учитывая потребность Анкары в согласии Москвы на турецкую военную операцию по предотвращению создания сирийскими курдами смежного региона вдоль её границы¹⁵⁴. Впоследствии удалось предотвратить крупный кризис в Идлибе, поскольку Турция и Россия договорились о создании новой демилитаризованной зоны, но напряженность может легко вспыхнуть снова.

В целом, можно смело утверждать, что внешние игроки не являются беспристрастными арбитрами и рассматривают курдский вопрос исключительно через призму своих стратегических интересов, что делает полное урегулирование маловероятным.

Подход США можно охарактеризовать как тактическую помощь без стратегических обязательств, например, Вашингтон поддерживал сирийских курдов как наиболее эффективную силу в борьбе с ИГИЛ. Поддержка иракских курдов служит инструментом влияния на Багдад и сдерживания Ирана. США заинтересованы в сильных, но не независимых курдах, которые оставались бы их союзниками в нестабильном регионе.

¹⁵⁴ The new geopolitics of the Middle East: America's role in a changing region // Brookings Institution URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/01/FP_20190107_new_geopolitics_of_mena_final.pdf (last visited: 19.08.2024).

Влияние Китая на курдский вопрос является преимущественно опосредованным и определяется его глобальной стратегией экономической экспансии и принципом невмешательства во внутренние дела других государств. В отличие от США и России, Китай не имеет значительного военного или идеологического присутствия в курдских регионах, однако его экономические интересы, в первую очередь в рамках инициативы «Пояс и путь», заставляют его выстраивать осторожный баланс. Пекин развивает энергетическое и инфраструктурное сотрудничество как с центральными правительствами (Багдад, Анкара, Тегеран), так и с Регионом Курдистан в Ираке, где китайские компании инвестируют в нефтяной сектор. Эта прагматичная позиция позволяет Китаю сохранять отношения со всеми сторонами, но одновременно делает его пассивным наблюдателем, чьё влияние на политическое или военное положение курдов остается минимальным, поскольку любая прямая поддержка курдских устремлений немедленно поставила бы под удар его гораздо более масштабные проекты с Турцией, Ираном и Ираком.

Позиция ЕС остается двойственной и часто противоречивой. С одной стороны, Европа оказывает гуманитарную помощь и поддерживает культурные проекты курдов, видя в них светскую и прозападную силу. С другой стороны, ЕС зависит от Турции в вопросах миграции и безопасности, что заставляет его закрывать глаза на антикурдские операции Анкары. Европа не обладает единой жесткой позицией и её влияние остается вторичным по сравнению с США и Россией.

Влияние России на курдскую ситуацию характеризуется стратегическим прагматизмом, Москва не поддерживает курдское национальное движение как таковое. Действия России диктуются исключительно государственными интересами: укрепление влияния на Ближнем Востоке, ослабление позиций США и выстраивание сбалансированных отношений с Турцией и Ираном. Очевидно, что Россия

не заинтересована в окончательном решении курдского вопроса на текущий момент. Существование курдской проблемы позволяет оставаться ключевым переговорщиком и держателем баланса между всеми сторонами конфликта.

3.2. Модели и проекты решения «курдского вопроса»

Геополитическая обстановка вокруг Курдистана фактически препятствовала формированию независимого курдского государства в прошлом столетии, а с распадом СССР и ослаблением мощи России на северных горизонтах Ближнего Востока маячит неясное будущее, а Курдистан продолжает служить буферной зоной¹⁵⁵.

Почти все сирийские и турецкие нефтяные месторождения находятся в Курдистане, а старые месторождения Киркук в Ираке составляют около одной трети общих запасов нефти этого государства. Фактически, именно эти экономические проблемы, вероятно, были основной причиной, по которой Великобритания решила сократить процесс, начатый Севрским договором о создании независимого Курдистана после Первой мировой войны. Из-за стратегической и экономической важности нефтеносных территорий Центрального Курдистана Великобритания включила их в свой мандат в Ираке, позволив взамен аннексировать остальные территории Турции¹⁵⁶.

Ещё одним препятствием на пути к национальному благополучию является отсутствие у курдов естественных друзей в непосредственной близости от них. В этом отношении они заметно контрастируют с

¹⁵⁵ Ханалиев Н.У. О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2018. – №1.

¹⁵⁶ Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 169 с.

палестинцами, которые окружены и в целом поддерживаются другими арабами и служат объединяющей причиной для панарабистов. Курды не имеют общей этнической идентичности ни с одним из своих суверенных соседей. Курды являются жертвами своего положения и мировых геополитических проблем: они по-прежнему остаются «одинокими» как на местном, так и на международном уровне.

В то же время курды разделены на множество геополитических блоков, каждый из которых имеет особую государственную культуру и мировоззрение, влияния которого они не могут полностью избежать. Считается, что иранские курды будут следовать исламской, традиционалистской идеологии Ирана, в то время как иракские и сирийские курды, с другой стороны, вынуждены адаптировать своё наследие и оправдывать свое существование радикальным арабизмом этих двух антизападных стран. В Анатолии курдская культура сталкивается с турецким мировоззрением и стойким прозападным модернистским правительством¹⁵⁷.

Эти культурные, экономические и политические силы тянут сегменты курдской нации в различных направлениях. Если их не остановить, в долгосрочной перспективе они, несомненно, подорвут культурную целостность и национальную идентичность курдов, создав новые нации из единой старой. Учитывая все преимущества и обязательства, которые имеет и будет иметь удержание курдских территорий и рост населения для государств Ближнего Востока, существуют определенные модели образования курдского государства.

Было бы очень трудно оправдать необходимость, первоначальную или возможную, в едином всеобъемлющем независимом «Великом Курдистане». Включение всего Курдистана и всех курдов в состав такой

¹⁵⁷ Ближний Восток: взгляд молодых исследователей (Мировое развитие. Выпуск 20) / Ред. колл.: И.Д. Звягельская, Т.Л. Ровинская, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 215 с.

страны означало бы ожидать разрушения многих установленных государственных границ, что не является реалистичным. Жизнь национальных меньшинств может сильно различаться в зависимости от страны, её исторического контекста, культурных норм и государственной политики. В то же время и жизнь суверенных государств зависит от множества факторов, включая географическое положение, экономическое развитие, политическую систему и культурные особенности. Следовательно, идея, что курдская государственность должна означать Большой Курдистан или его отсутствие кажется Курдское государство не обязательно должно быть место проживания всех (или даже большей части) курдов.

Основываясь на опыте других стран, для Курдистана возможны два типа независимости:

1. Панкурдское государство. Почти всеохватывающее панкурдское государство является наиболее призрачным из всех вариантов не только по внешним причинам, но и по внутренним причинам. Этот вариант предусматривает расчленение четырех ближневосточных государств, в том числе двух самых густонаселенных и могущественных: Ирана и Турции. Ближневосточные общества далеки от того уровня социальной зрелости, который позволяет жителям Квебека выйти из состава Канады, просто проголосовав за это. Ни одно из государств, управляющих частями Курдистана, не собирается в ближайшее время позволить такую роскошь курдам или любой другой группе, живущей под их юрисдикцией. Учитывая эффективность современного вооружения (последнее десятилетие иракские курды хорошо ощутили на себе воздействие некоторых из них), затяжная кровавая война между курдами и этими государствами, несомненно, приведёт к уничтожению большего числа людей, чем когда-либо выживет и станет их частью этого панкурдского государства. Если не считать катаклизма масштабов Первой мировой

войны и распада структуры всех местных государств, невозможно представить, как ещё курды смогут вывести всех своих людей и территории из этих государств.

Панкурдское государство может быть также невозможным по внутренним причинам. Внутренние культурные расколы курдского общества столь же обширны, как и те, которые обычно существуют среди всех крупных, отдаленных стран¹⁵⁸.

Если бы такое панкурдское государство действительно возникло, в долгосрочной перспективе оно должно было бы преуспеть. Экономически оно будет располагать огромными водными и сельскохозяйственными ресурсами. Его нефтяные запасы уже хорошо освоены, имеются собственные нефтеперерабатывающие заводы, трубопроводы и экспортные мощности в Александреттском заливе. Это была бы одна из крупнейших стран на всём Ближнем Востоке и потенциально одна из самых богатых.

2. Несколько курдских государств. Не будем забывать, что в окрестностях Курдистана сейчас находится более двадцати арабоязычных и три персоязычных государства. Каждая группа стран имеет много общего в историческом и культурном отношении, помимо элемента языка. Для воплощения национальной идентичности в унитарном государстве требуется нечто большее, чем просто общий язык или общая культура. Ни одно из вышеперечисленных государств не спешит объединяться под единым флагом. Такой подвиг требует либо грубой силы, либо простой и немедленной прибыли, чтобы заставить обычного человека сделать выбор в пользу этого. Без них перспектива единого панкурдского государства, основанного исключительно на общей курдской национальной идентичности, столь же маловероятна, как и панарабское, пангерманское

¹⁵⁸ Жигалина О.И. Этнический Курдистан как перекрёсток геополитических и экономических интересов // Восточная аналитика, 2011. – №2. – С. 201.

или панперсидское государство. В случае Курдистана, даже сейчас, когда нет непосредственной перспективы независимости, различные курдские политические партии часто вынуждены урегулировать свои разногласия посредством открытой войны¹⁵⁹. Насколько реалистично ожидать, что эти же самые группы отложат свои разногласия ради единого Большого Курдистана, когда и если такая перспектива представится? Что могло бы помешать обширному, неоднородному Курдистану не пойти по пути всех этих других стран, приведённых в качестве примеров выше, разделившись на множество «Курдистанов»?

В любой схеме создания независимого Курдистана огромное количество курдов останется за пределами его территорий. По самой географической необходимости населенные курдами регионы Хорасан, центральная и западная Анатолия и Кавказ не могут быть соединены с независимым Курдистаном без перевода в «Курдистан» большего числа некурдов, населяющих промежуточные земли, чем курдов. Курды центральной Анатолии и Хорасана не были связаны с прилегающим Курдистаном с классических времен, а курды на Кавказе – с середины XIX века после массового притока армян в Эриваньское ханство. Нельзя ожидать, что эти регионы присоединятся к независимому Курдистану, но миллионы жителей могут решить эмигрировать и поселиться в таком гипотетическом курдском государстве. Этим иммигрантам будет трудно сочувствовать такому государству, когда появится реальная перспектива отделения. Оставшись позади, им придется нести на себе основную тяжесть отделения и требовать своего скорейшего ухода или ассимиляции.

Положение Курдистана можно сравнить с разными сценариями региональных конфликтов. Региональная напряженность и вооруженные конфликты, возникшие от Кавказа до Ближнего Востока в двадцать первом

¹⁵⁹ Лебский М.А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке / Лебский М.А. – М.: Алгоритм, 2016. – 352 с.

веке, свидетельствуют о возможном изменении положения курдов. Можно выделить четыре источника конфликтов, которые могут, прямо или имплицитно, оказать влияние на нынешний статус-кво курдов.

Нагорный Карабах. Внезапное изменение геополитического баланса на Южном Кавказе в результате военного наступления Азербайджана 19 и 20 сентября против армянских повстанцев в анклав Нагорного Карабаха (в настоящее время находящегося под администрацией Азербайджана), а также продолжающегося конфликта между Израилем и палестинскими исламистами (Движение ХАМАС в секторе Газа) предполагает возможность нового очага региональной напряженности, связанного с ситуацией в Курдистане. Вероятно, власти (такие как КРГ или Рожава на севере Сирии) и курдское население, жаждущее своего собственного государства, должны внимательно следить за новым статусом Нагорного Карабаха перед лицом усиления оси между Азербайджаном и Турцией (исторический враг движения курдов за независимость). В этом смысле Анкара могла бы извлечь уроки из этой смелой военной операции Азербайджана относительно напряженности в отношениях с курдами. Турецко-азербайджанская ось стала очевидна 23 октября, когда обе страны начали совместные военные учения в Нахчыванском анклав с использованием в общей сложности 3000 солдат, бронетехники, артиллерии и авиации. С другой стороны, стремительное наступление Азербайджана поставило президента Армении Нико Пашиняна в деликатное положение, даже изолировав его. Несмотря на сложные исторические отношения, армяне и курды имеют общие стратегические интересы: отпор пантюркизму, все еще скрытому в Турции, которая находит в Азербайджане еще один пример возрождения «турецкого мира» на Кавказе и в Центральной Азии после распада СССР.

Турция и Ирак. Страх перед Эрдоганом и турецким военным истеблишментом сосредоточен в соседнем Иракском Курдистане и Сирии,

чья политическая автономия, военный потенциал и, в случае Ирака, контроль над нефтяными богатствами придают им стратегический геополитический вес и соответствующую способность влияния через гипотетический «курдский коридор». Анкара также внимательно следит за внутренним балансом сил среди курдов. В Иракском Курдистане, которым управляет клан Барзани через Курдскую демократическую партию (ДПК), также идёт внутренняя борьба за власть и соперничество с другими племенными кланами, которые также созданы в Патриотическом союзе Курдистана (ПСК), а также с Рабочей Партией Курдистана (РПК).

С 1990-х годов Турция продвигала ряд энергетических и гидротехнических проектов, которые проходили именно через территории турецкого и иракского Курдистана. Однако РПК, защищенная иностранной поддержкой (США, Европа и Израиль), заключала энергетические соглашения с иностранными транснациональными корпорациями, такими как Exxon Mobil об экспорте сырой нефти из северного Ирака через трубопроводы Киркук и Мосул. Усиление позиций своего азербайджанского союзника побудило Турцию с интересом наблюдать за этим новым контекстом региональных балансов как в энергетической, так и в военной сфере, и как это может проявить ожидания Анкары по воспроизведению аналогичных военных действий на своих границах, чтобы нейтрализовать или отразить этот своего рода «курдский коридор».

Республика Рожава на севере Сирии является еще одним объектом беспокойства Анкары, особенно с учетом возможного соединения такого рода «курдского коридора» между военными Рожавы и опорными пунктами РПК, все еще присутствующими в регионе. И все это несмотря на то, что ранее турецкое правительство и РПК поддерживали определенные двусторонние отношения, скорее всего, ориентированные Анкарой как механизм сдерживания, чтобы попытаться нейтрализовать возможности курдского регионального ирредентизма. 28 сентября

представитель Турции в ООН Седат Онал заявил, что Анкара «продолжит использовать свое право на самооборону в Сирии против прямых и неизбежных угроз ее национальной безопасности со стороны террористических организаций». 17 октября парламент Турции одобрил продление на два года, до 2025 года, мандата на проведение военных приграничных операций с Сирией и Ираком, аргументируя это, по словам самого Эрдогана, «террористическими угрозами и рисками безопасности». В сентябре прошлого года Эрдоган призвал международное сообщество обратить внимание на необходимость «решения демографических реалий Сирии» и ее территориальной целостности. Чтобы нейтрализовать западную критику, Эрдоган изменил свое первоначальное нежелание принимать Финляндию и Швецию в НАТО, приняв во внимание поддержку курдского активизма со стороны Хельсинки и Стокгольма. При этом он мог бы искать своего рода «разменную карту» перед лицом возможности военной интервенции против курдов.

Курдские средства массовой информации начинают замечать возможность того, что Анкара готовит военную интервенцию в Сирийский Курдистан. В тот же день (7 октября), когда ХАМАС атаковал территорию Израиля, госсекретарь США Энтони Блинкен провел беседу со своим турецким коллегой Хаканом Фиданом с акцентом на необходимости принятия совместных действий «для победы над террористической угрозой в регионе». Хотя Блинкен имел в виду ХАМАС, а не сирийских курдов, днем ранее Анкара осуществила до 30 атак на курдские объекты на севере Сирии, некоторые из них даже очень близко к военным позициям США в этом районе, что закончилось обстрелом турецкого беспилотника, что сочли «необычным» действием между двумя странами-членами НАТО.

Министр иностранных дел Турции Фидан заверил, что его страна планирует создать 30-километровую «зону безопасности» на границах с

Сирией и Ираком, чтобы отделить их от курдских вооруженных группировок. Каждый раз Фидан подчеркивал позицию Турции, рассматривающей Сирийские демократические силы (СДС), группировку, поддерживаемую Вашингтоном в борьбе с Исламским государством, как «террористическую группировку». Наблюдая за этой риторикой, создается впечатление, что мы являемся свидетелями возрождения стратегии «борьбы с терроризмом», типичной для «эпохи Буша».

На территории Ирана также имеется курдский регион, называемый Восточным Курдистаном или Рожхелат. Как и Анкара, Тегеран опасается любого вмешательства курдских сепаратистских группировок из Ирака и Турции в Иранский Курдистан и даже из соседних Армении и Азербайджана. Отсюда частые репрессии иранских властей против курдских активистов. Следует отметить, что в 2004 году на сцену вышел новый игрок — Партия за свободную жизнь Курдистана (РЖАК — ее аббревиатура на курдском языке), тесно связанная с РПК и противостоящая иранским властям, приверженным «демократическим и конфедеративного Ирана», а также создание побратимов курдских приграничных городов между Турцией, Ираком, Ираном и Азербайджаном. Помимо существующих нестабильностей в отношениях между Анкарой и Тегераном, временами сердечных, а иногда и более отдаленных, изменение баланса региональных альянсов перед лицом нынешней эскалации напряженности, похоже, сигнализирует о заключении турецко-иранского альянса. Это сближение, которое приобрело большую силу благодаря общей позиции против израильского вторжения в Газу, очевидно, осложнит курдские стремления к автономии, при этом особое внимание уделяется недавнему нападению Ирана на Иракский Курдистан и турецкому давлению на курдов Рожавы. Премьер-министр КРГ Масрур Барзани назвал нападение Ирана «преступлением против курдского народа». Однако Тегеран также опасается

гипотетического сценария турецкого военного вторжения в Сирию, поскольку это нарушит военный баланс в регионе. Благодаря посредничеству России и Ирана, Турция и Сирия двинулись к нормализации своих двусторонних отношений. Несмотря на эту турецко-сирийскую «оттепель».

Израиль. Что касается правительства Биньямина Нетаньяху, которое в настоящее время занято конфликтом с ХАМАС и региональной эскалацией войны, которая направлена в сторону Ливана, Сирии, Красного моря и Ирана, следует подчеркнуть тактические подходы Израиля, которые оно ранее выражало в отношении курдов, особенно в дело РПК.

После падения иракского режима Саддама Хусейна (2003 г.) Израиль поддерживал подвижные отношения с РПК, которые в то время надеялись на возможность признания Израилем курдского суверенитета, особенно после референдума 2017 года. Учитывая нынешний контекст, цель Израиля, похоже, сосредоточена на попытке нейтрализовать региональных соперников, таких как Турция и Иран, с которыми у него были трения именно из-за их соответствующей поддержки палестинского дела и против военных действий в секторе Газа. Первоначально Эрдоган сохранял осторожную дистанцию от недавней военной эскалации между Хамасом и Израилем, даже продвигая дипломатические усилия, которые предполагают прекращение вооруженной конфронтации. Однако позиция турецкого президента резко изменилась после израильского наступления в секторе Газа, которое Эрдоган назвал «неоправданным». Израиль также внимательно следит за тем, приведет ли возможное турецкое военное вторжение в северную Сирию к созданию своего рода военного протектората Анкары, что еще больше усилит Турцию как региональную военную державу. В любой момент это гипотетическое турецкое военное вторжение могло бы вызвать более чем вероятный разрыв с Дамаском с признаками военной конфронтации. Ожидания Израиля также будут

сосредоточены на том, что этот сценарий эскалации турецко-сирийской войны опирался дисбаланс режима Башара Асада, исторического врага Израиля и союзника Ирана, Хамаса и Хезболлы.

Курдские инициативы в Северном Курдистане (юго-восточная Турция) и Западном Курдистане (северо-восточная Сирия) предлагают альтернативную систему, которая может включать в себя разнообразную мозаику народов и обществ Ближнего Востока. Отвергая идею централистского объединения за турецкими и сирийскими национальными государствами и продвигая демократические и инклюзивные образования, которые могут признавать каждую этническую, религиозную, культурную и социальную группу, эти инициативы могли бы стать новым и привлекательным проектом для народов региона.

Однако они также представляют угрозу для системы национальных государств, искусственно созданной сто лет назад колониальными державами после распада Османской империи. Другими словами, курдский проект разрушает опор моста, связывающего нас с прошлым – системы, которую можно считать навязанной народам Ближнего Востока в течение последнего столетия.

Для турецкого государства курдская проблема не ограничивается только его правовыми границами. На самом деле, она представляла угрозу для турецкого государства как в Ираке, так и в Сирии. Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (также известная как Рожава или Западный Курдистан), де-факто федеральный регион с населением в миллионы человек, выдвинула многомерную модель, которая беспрецедентна для региона. Можно утверждать, что за последние семь лет, несмотря на вторжение Турции в Эфрин (Африн) в 2018 году, а также Серекание (Рас-эль-Айн) и Гире Спи (Таль-Абьяд), курдский проект добился большого прогресса и выступил в качестве уникальной модели управления и менеджмента¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Can China Address the Kurdish Question? // Geopolitical Monitor. URL:

Можно утверждать, что если Рожава сможет пережить нынешнюю международную ситуацию — особенно угрозы со стороны турецкого государства и его преимущественно суннитских арабских и туркменских вооруженных марионеток — то станет совершенно уникальной альтернативной моделью для других регионов Ближнего Востока. Тем не менее, все еще существует вероятность того, что эта модель может оказаться недолговечной. Рожава может быть вновь объединена с сирийским государством под давлением региональных и международных держав — в первую очередь Турции, Ирана и России — которые стремятся положить конец этому фактическому автономному эксперименту. С одной стороны, существует некоторая ограниченная поддержка курдского проекта на севере Сирии некоторыми международными игроками (в первую очередь западными державами). С другой стороны, существует огромное возражение против этого проекта со стороны региональных держав (включая как суннитский, так и шиитский блоки).

Возвращение России на Ближний Восток после ухода из региона, последовавшего за распадом СССР, является одним из главных внешнеполитических достижений Путина. В отличие от советских времен, российская политика прагматична и намного менее идеологизирована, что придает ей большую гибкость. У России есть связи со всеми основными региональными игроками, независимо от их внутренней политики. Россия является единственной крупной державой, которая сотрудничает на разных уровнях с шиитскими государствами, суннитскими государствами и Израилем. Она смогла установить кооперативные связи с основными протагонистами и антагонистами региона: Израилем и палестинцами; Израилем и Ираном; Ираном и Саудовской Аравией; Турцией и курдами;

обоими ливийскими правительствами; а также ХАМАС и Хезболлой. Путин воспользовался неоднозначностью позиции США относительно своей будущей роли в регионе, чтобы вновь утвердить там российское влияние. Действительно, Россия начала заменять США в качестве основного игрока в этом раздробленном регионе. Вмешательство в Сирию и поддержка Асада позволили Путину достичь одной из его главных целей — возвращения России статуса мировой державы, с мнением которой приходится считаться. Россия стремилась преобразовать свою решающую роль в сохранении власти Асада в Сирии — в более широкую роль регионального посредника. Здесь также прослеживается элемент внутренней политики. В России существует постоянная проблема с радикализацией мусульманского населения — 20 миллионов человек и их число растет¹⁶¹. Кремль рассматривал Арабскую весну, особенно то, что произошло в Ливии, как опасный прецедент для того, что может произойти в других местах — включая Россию. Путин назвал цифру в 4000 человек, которые уехали из России, чтобы вступить в ряды ИГИЛ¹⁶². Россия стремится свести к минимуму способность иностранных террористических группировок радикализировать российских граждан.

За последние несколько лет произошли заметные изменения в политической ориентации многих стран Ближнего Востока. Традиционно многие арабские страны придерживались внешней политики, тесно связанной с политикой США, хотя недавние события указывают на расхождение в действиях. Соглашение между Королевством Саудовская Аравия (КСА) и Ираном привлекло значительное внимание из-за опасений,

¹⁶¹ The new geopolitics of the Middle East: America's role in a changing region // Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/01/FP_20190107_new_geopolitics_of_mena_final.pdf (last visited: 19.08.2024).

¹⁶² Путин насчитал до 7 тыс. граждан России и стран СНГ в рядах ИГИЛ // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5620aebc9a7947584c189eaa> (дата обращения: 15.08.2024).

которые ранее высказывались большинством членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и западным сообществом относительно угрозы Ирана региональной стабильности и международной безопасности¹⁶³. Кроме того, Китай, который всегда рассматривался как главный соперник США, сыграл главную роль в содействии соглашению между Ираном и КСА. Дополнительную сложность вопросу придаёт то, что последнее считается самым стратегическим союзником США на Ближнем Востоке.

Можно утверждать, что курды — ключ к региональной стабильности, и что все страны, имеющие стратегические экономические интересы в регионе, должны принять это к сведению. Изменение политической динамики в регионе Ближнего Востока, несомненно, оказывает значительное влияние на глобальный геополитический ландшафт. Текущий политический климат на Ближнем Востоке привлекает пристальное внимание, поскольку Китай, Россия и Иран все больше вовлекаются в регион. Это новое развитие событий может подрвать влияние США в регионе. Текущий политический климат создал значительные возможности для различных стран в регионе. Они включают в себя растущую многостороннюю дипломатическую мощь и стратегическое влияние Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта во всем регионе. Растущее стратегическое участие Китая в Саудовской Аравии может потенциально повлиять на влияние США в регионе.

Итого, на сегодняшний день существуют три основные модели, отражающие разные степени суверенитета: — модель федеративной автономии (Иракский Курдистан). Это наиболее устоявшаяся и легитимная модель, основанная на конституции Ирака 2005

¹⁶³ The Middle East's Shifting Political Landscape // Geopolitical Monitor. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-middle-east-shifting-political-landscape/> (last visited: 14.05.2024).

года. Её суть — существование мощного, официально признанного региона с широкими полномочиями в составе федеративного государства. Перспективы этой модели зависят от поиска устойчивого баланса между Эрбилем и Багдадом в вопросах распределения нефтяных доходов и управления спорными территориями. Потенциал для развития высок, но риски заключаются в эрозии автономии под давлением Багдада или внутренней коррупции;

— модель революционной самоорганизации (Рожава/Северо-Восточная Сирия), эта модель, основанная на идеях демократического конфедерализма, предлагает радикальную децентрализацию, гендерное равенство и этнорелигиозный плюрализм. Её главная проблема — отсутствие юридической легитимности и полная зависимость от текущей военно-политической конъюнктуры. Её перспективы туманны: либо постепенная интеграция в сирийское государство на особых условиях, либо медленное рассеивание под совместным давлением Турции и Дамаска;

— модель культурных прав и политической интеграции (курды Турции), эта модель предполагает отказ от требований независимости в обмен на расширение культурной автономии (язык, образование) и полное политическое участие в жизни государства-метрополии. Её перспективы в Турции близки к нулю из-за жесткой этатистской политики Реджепа Тайипа Эрдогана, видящего в любых уступках курдам угрозу территориальной целостности.

3.3. «Курдский вопрос» – сценарии развития

Вопрос о независимости курдов – всё ещё один из самых острых в современной глобальной повестке. Курды уже несколько веков стараются сформировать собственное независимое государство, и периодически за

это воюют, но на практике значительных успехов в современные нам временные промежутки на этом поприще они не достигли¹⁶⁴.

На данный момент состояние курдского вопроса определяется следующим рядом факторов:

— Курды-езиды неравномерно живут на территории других независимых государств. В каждом из этих государств у них есть общины, которые находятся в разных взаимоотношениях между собой, а также с правительствами государств, чью территорию они занимают. Из-за этого у курдов отсутствует единая политическая позиция даже по принципиальным вопросам. Например, иракские курды — это скорее проамериканское образование в то время как сирийские курды — это скорее образование, нацеленное на сотрудничество с Россией.

— Если вообразить себе Курдистан, как единое государство, то это государство будет обладать очень низким уровнем жизни и депрессивной экономикой. Данная проблема, взаимосвязана с различными ситуациями, и в первую очередь, это, поведение самих курдов, которые периодически находятся в состоянии локального конфликта с соседями, а потому не слишком успешно выстроили экономическую базу в своих регионах.

— Дефицит коммуникаций. Он обусловлен тем, что Курдистан — это гористая местность, а потому курдам технически легче взаимодействовать не между курдскими поселениями, а с персами, турками, иракцами и т.д. Это ведёт к тому, что чем дальше уходит время, тем менее выраженным является национальное курдское большинство.

— Несмотря на текущую локальную экономическую депрессивность, с геополитической, стратегической и ресурсной точки зрения — это очень перспективный регион, а потому предположение о том, что страны,

¹⁶⁴ Дружиловский С.Б. Влияние иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой Республике // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2016. С. 141–152.

занимающее его сейчас, так просто выпустят из своих рук, не выглядит вероятным. Особенно важен Курдистан с точки зрения богатства углеводородами и гидроресурсами¹⁶⁵.

Важным фактором решения курдской проблемы является позиция крупных региональных и глобальных игроков, которые преследуют свои цели в ближневосточном регионе.

Также нужно отметить, что большую роль в том, что курдский вопрос вышел на новый виток рассмотрения, сыграл разгром террористической группировки «Исламское государство». Подразделения Исламского государства Ирака и Леванта активизировали свою деятельность в 2014 году в исторических курдских районах Хавиджа и Киркука. Там они попытались установить свой контроль, поскольку это была одновременно богатая с точки зрения нефтяных ресурсов территория, но в то же время, на ней отсутствовали организованные силы стабильного государства, которое могло бы помешать установлению диктатуры ИГИЛ.

Поскольку ИГИЛ также не является однородным и стабильным государственным образованием, их действия в Иракском Курдистане не были стабильными. Часть террористов хотела привлекать курдов для борьбы, а часть – объявить на их территории исламскую диктатуру. При таком положении вещей ИГИЛ не удалось заручиться поддержкой курдской элиты и лично Масуда Барзани; курды организовали вооруженное сопротивление боевикам.

Различные группы внутри страны могут столкнуться с «дилеммой безопасности», когда различные этнические, религиозные и идеологические группы рассматривают политику как игру с нулевой суммой, воспринимая усиление противоположной стороны как угрозу.

¹⁶⁵ Барави М.В., Кретов А.Д., Тарасова Д.А. Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. С. 1-11. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69609 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69609 (дата обращения: 10.03.2024).

Таким образом, если раздел не является жизнеспособным вариантом, должны быть созданы институты, чтобы уменьшить страхи этих групп.

Модель консоциативной демократии Лейпхарта в этом контексте может рассматриваться как попытка соединить демократию с такими институциональными механизмами. Он предлагает четыре условия устойчивого мира в разделенном обществе: разделение исполнительной власти, автономия групп в ведении своих дел, принцип пропорциональности в распределении рабочих мест и экономического благосостояния и право вето меньшинства. Правительство Малики имело тенденцию нарушать эти принципы. После того, как американские войска покинули Ирак, Малики инициировал бюрократическую чистку, угрожающую единству Ирака, и вмешался во внутренние дела РПК, использовал занятость и карту экономического благосостояния, чтобы подчинить РПК¹⁶⁶.

Перспективы появления независимого государства курдов нужно рассматривать с позиций жизнеспособности, рассматривая ряд факторов:

— Если такое государство появится, то оно с большой вероятностью будет очень нестабильным. Ведь курды – это не монолитное образование. Это объединение кочевых племён, само слово «курд» дословно переводится как «кочевник». Соответственно, внутри курдского сообщества до сих пор очень сильна практически первобытная внутриплеменная иерархия, которая пока не поддается замещению прогрессивными общественными течениями.

— Курды не имеют собственной государственности, а значит и развитого социально-гражданского общества. А это, в свою очередь,

¹⁶⁶ Democracy or Partition: Future Scenarios for the Kurds of Iraq // CIAO: Columbia International Affairs Online. Insight Turkey Vol. 14, No. 3, 2012, pp. 127-140. – URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/it/v14i3/f_0025951_21242.pdf (last visited: 14.05.2024).

создаёт дополнительные угрозы на и без того нестабильном Ближнем Востоке.

— Первые десятилетия своего существования новое государство будет находиться в постоянной зависимости от решений региональных и мировых лидеров. Процесс признания может занимать десятилетия, и путь заморозки развития общества в полуофициальном статусе, как например, у Северного Кипра или Каталонии – выглядит вполне реальным¹⁶⁷.

Резюмируя все вышеописанное перспективы формирования курдского национального государства: существует долгосрочная и краткосрочная перспективы решения проблемы с позиций, как курдов, так и других заинтересованных акторов.

Для курдов: долгосрочная и идеальная перспектива – это создание независимого государства на территориях, которые предполагается отторгнуть у четырёх независимых государств на основании курдского самоопределения. Впрочем, даже в курдской среде эта затея многими понимается как утопия, поскольку нет ни четких границ, ни устойчивых представлений ни о том, каким должно быть новое государство, ни о том, кто и какие конкретно действия должен предпринять, чтобы ситуация сдвинулась с мёртвой точки.

Краткосрочная перспектива – более реальна. Её суть заключается в том, чтобы курды получили более широкую автономию как объединение, а их партии и иные организации перестали так жёстко притесняться на законодательном уровне, в первую очередь, на территории Турции, но и в других государствах тоже¹⁶⁸.

Здесь существует пространство для торга, и существуют конкретные проработанные программы действий, на основании которых можно

¹⁶⁷ Джуди Р. Новый мировой порядок и пути мирного решения курдского вопроса // Дружба. 2022. № 10. Декабрь. С. 6-9.

¹⁶⁸ Касаев Э.О. Курдская проблема Ближнего Востока // Обозреватель, 2018. №10. С. 106-112.

строить предметные договоренности. Эти программы прописаны в политических манифестах курдских партий разной степени радикальности.

Курдская независимость будет зависеть от сценариев, по которым РПК становится независимым. Можно рассматривать три таких сценария: одностороннее провозглашение курдской независимости, против которого широко выступает регион, сценарий «последнего выжившего», при котором иракское государство рухнет, а РПК станет независимым государством, а также постепенное отчуждение между Эрбиль и Багдад. На каждый из этих сценариев может повлиять возрождение курдского национализма, при котором – независимо от того, поощряется ли иракскими курдами или нет – курдское население в Иране, Турции или Сирии не только поддерживает создание суверенного Курдистана на севере Ирака, но и поддерживает создание суверенного Курдистана на севере Ирака. Отношения между Курдистаном и центральным правительством Ирака, а также влияние других региональных игроков, включая Турцию, Иран и даже Соединенные Штаты, представляют сложную динамику, которая может определить будущее независимости курдского региона. Различные сценарии возможного события представляют собой тонкую грань между стабильностью и нестабильностью.

Возможность постепенного установления курдской независимости или достижения соглашения между Багдадом и Эрбилем представляет собой путь, который может минимизировать потенциальную нестабильность в регионе. В этом случае, Турция, возможно, окажется одним из сторонников независимости Курдистана, в то время как Иран может примириться с идеей курдской независимости, если она не приведет к нарушениям внутри его границ.

С другой стороны, одностороннее провозглашение независимости Курдистана могло бы вызвать серьезное недовольство со стороны Багдада.

Центральное правительство скорее всего рассмотрело бы это шаг как угрозу своему суверенитету и предприняло бы действия, чтобы сохранить единство страны. В таком случае, конфликт между сторонами может усугубиться, что повлечет за собой потенциальные последствия для региона в целом.

В целом, соглашение между Багдадом и Эрбилем по вопросу независимости Курдистана может представлять наилучший сценарий, который учтет интересы обеих сторон и поможет смягчить потенциальные негативные последствия разделения. Это также может способствовать установлению более стабильных отношений в регионе и предотвращению возможных конфликтов в будущем.

Если курдская независимость будет достигаться постепенно, став в итоге результатом переговоров между правительствами Ирака и Иракского Курдистана, то Ближнему Востоку, вероятно, удастся избежать всплеска насилия и увеличению нестабильности в уже и так достаточно турбулентном регионе. Однако, реакции стран курдского этноареала будут различаться: Турция, возможно, будет приветствовать независимый Курдистан как вероятную причину оттока негативно настроенного к турецкому правительству курдского населения на вновь оформленную территорию, а Иран будет нейтрально относиться к курдской независимости, если она не приведет к большей нестабильности внутри границ Ирана, также рассматривая её как ослабление Ирака и соответственно, закрепление собственного превосходства и правильность выбранного религиозного пути. Реакция же Сирии будет зависеть от правительства, находящегося в данный момент у власти, при слабости последнего это может вызвать подъем этнического самосознания в Рожаве. Заинтересованным в решении проблемы акторам следует максимально способствовать мирному существованию курдов внутри своих государств, выработав социальные программы для адаптации и интеграции в местных

сообществах. Мотивировать государства Ближнего Востока, путём толерантности и гуманизма, не дискриминировать курдов по национальному, религиозному, культурному и лингвистическому признаку, так как это является одной из форм нарушения прав человека. Выработать социально значимый проект, целью которого являлась бы минимизация межнациональных и межрелигиозных конфликтов в турецко-курдских и арабско-курдских взаимоотношениях, пресекать различные формы расизма в отношении уязвимой группы, обеспечив национальную независимость и полную территориальную безопасность.

Поводя итоги, можно сказать, что курдский вопрос на Ближнем Востоке состоит из ряда региональных, религиозных, этнических, политических и экономических противоречий, которые затрагивают интересы как ближневосточных, так и других государств. Поэтому в настоящее время курдский вопрос представляет собой сложную, многоаспектную проблему международного значения.

На сегодняшний день не наблюдается ни одной влиятельной силы, которая была бы заинтересована в решении курдского вопроса в пользу курдов, если понимать под этим создание курдского независимого государства.

Также к этому очевидно не готовы и сами курды; курдские лидеры разного ранга не могут договориться между собой и в рамках сиюминутной конъюнктуры заключают взаимоисключающие союзы и раздают такие же обещания.

Для современного мирового сообщества наиболее важной целью в данном конфликте не является стремление к достижению чьей-то победы, поскольку другая сторона конфликта будет чувствовать себя ущемленной и проигравшей, а значит, конфликт не будет исчерпан.

Выводы по главе III

Проблема урегулирования курдского вопроса не имеет универсального решения, а распадается на несколько конкурирующих между собой моделей, каждая из которых поддерживается или блокируется различными внешними акторами.

Влияние внешних акторов на ситуацию с курдами имеет важное, но зачастую противоречивое значение, поскольку ни один из них не ставит целью создание независимого Курдистана, а их политика определяется исключительно собственными геополитическими и экономическими интересами. США использовали курдские силы в Ираке и Сирии как наиболее эффективных сухопутных союзников в борьбе с ИГИЛ, предоставляя им военную и политическую поддержку, но последовательно отказывались от поддержки их независимости, жертвуя их интересами ради сделок с Турцией или Ираком. Россия, выступая ключевым союзником Дамаска, использует сирийских курдов как разменную монету ради сохранения геополитического равновесия и утверждения своей роли значительного для региона актора.

Китай пока не вмешивается в военные действия на Ближнем Востоке, как это делали США и Россия. Его инициатива «Пояс, путь» (BRI) нуждается в стабильном и безопасном пути, который, скорее всего, пройдет и через государства, в которых проживают курды.

Таким образом, курдские движения оказываются заложниками глобальной и региональной конкуренции, где их локальные успехи в создании автономий остаются неустойчивыми и полностью зависимыми от конъюнктурных интересов более сильных игроков.

Перспективы урегулирования курдского вопроса в обозримом будущем крайне призрачны. Вместо единого решения будет сохраняться фрагментированный статус-кво: Иракский Курдистан продолжит существовать как уязвимая автономия, проект в Сирии будет

балансировать на грани выживания, а курды Турции и Ирана останутся под прессом центральных властей. Курды остаются пешками в большой геополитической игре, где их стремление к самоопределению сталкивается с нежеланием региональных и мировых держав допустить появление нового независимого государства на Ближнем Востоке.

Заключение

Проблема разделённых народов не является исключительной для курдов на протяжении мировой истории, что, однако, не делает их ситуацию менее уникальной из-за ряда аспектов. Курдский вопрос вытекает из дискриминации курдского народа со стороны соответствующих стран и этнических групп, но также из внутренних противоречий, мешающих прийти к равенству между различными курдскими общностями; дискриминация, в том числе, и породила идеи и движение за независимость.

На современном этапе происходит трансформация идеи курдской государственности. От мечты о едином национальном государстве движение эволюционирует к практике строительства политически разнообразных, но устойчивых автономных образований, чья легитимность зиждется не на международном признании, а на эффективном управлении, военной самоорганизации и — что особенно важно в сирийском случае — на реализации радикальной социальной утопии, в центре которой находится женское освобождение. Будущее курдского политического проекта будет определяться не столько формальным провозглашением независимости, сколько способностью этих образований адаптироваться к жёстким региональным реалиям, сохраняя внутреннюю солидарность и уникальный социальный опыт, значение которого выходит далеко за пределы Ближнего Востока. Курдский вопрос остаётся перманентным фактором, постоянно трансформирующим политическую карту региона и предлагающим альтернативные модели социального и политического устройства.

Процесс создания курдского государства представляет собой вечную борьбу между внутренним стремлением к самоопределению и внешними

структурными ограничениями системы суверенных государств Ближнего Востока. Несмотря на формирование уникальных политических субъектов — де-факто государств — реализация классического проекта национального государства в границах единого Курдистана остаётся маловероятной в обозримом будущем. Будущее курдской государственности будет определяться взаимодействием региональной геополитики, внутрикурдской консолидации и развития альтернативных моделей политического устройства, среди которых особое место занимает основанная на феминистских принципах модель демократического конфедерализма.

Среди факторов, препятствующих реализации классической государственной модели можно выделить:

- Геополитические и региональные ограничения. Жёсткое противодействие соседних государств (Турции, Ирана, Сирии, Ирака), видящих в любом усилении курдской автономии угрозу своей территориальной целостности, остаётся ключевым препятствием. Как показывает пример Турции, региональные державы готовы к прямому военному вмешательству (операции на севере Сирии и Ирака) для недопущения укрепления курдских образований. Неудачный референдум о независимости Иракского Курдистана в 2017 году стал наглядной демонстрацией единодушного неприятия регионалами изменения статус-кво.

- Внутренняя разобщённость. Курдское сообщество остаётся глубоко разделённым по линиям государственных границ, партийно-клановой принадлежности (соперничество партий в Ираке), идеологическим платформам (от либерального национализма до демократического конфедерализма), а также религиозным, языковым и племенным различиям. Эта гетерогенность препятствует формированию единого национального проекта и позволяет внешним силам использовать

внутренние противоречия в своих интересах. Курды стали синонимом понятий сегментации, фрагментации и фракционности в своей социальной и политической жизни. Действительно, отсутствие у них политического единства на разных уровнях теперь воспринимается как должное академическими наблюдателями и часто используется недоброжелателями курдов в качестве доказательства того, почему они никогда не смогут стать больше, чем сумма своих частей (так называемая эмерджентность), и выйти за рамки своей «негосударственности» в сферу государственности.

Можно утверждать, что сейчас эта точка зрения не обосновательна: на каком бы уровне ни рассматривалась курдская политическая жизнь, сегментация, фрагментация и фракционность очевидны. И разделения сложны по своей природе и многочисленны по своей типологии — при этом курдские политические различия структурируются в соответствии с территорией и пространством (пространственная сегментация), идеологическими и конфессиональными структурами убеждений (идеологическая сегментация), социально-экономическими различиями (социально-экономическая сегментация) и соображениями, которые исходят из часто отличающихся политических взглядов, которых придерживаются старшие поколения по сравнению с более поздними, в зависимости от их относительного опыта и стремлений (сегментация поколений).

- Конъюнктурный характер внешней поддержки. Исторически интерес великих держав (России, США, стран ЕС) к курдскому вопросу носил функциональный характер. Поддержка оказывалась в рамках решения конкретных задач (борьба с ИГИЛ, давление на Дамаск или Багдад) и легко отзывалась при изменении геополитических приоритетов, что доказывает недавний отказ США от поддержки Сирийских демократических сил (SDF) в пользу нового правительства в Дамаске.

Несмотря на барьеры, в исследуемый период сложились мощные факторы, позволившие курдам перейти от абстрактных требований к практике государственного строительства:

- Формирование устойчивых политико-административных структур с признаками государственности (де-факто государственных образований). Иракский Курдистан укрепил свои институты (правительство, парламент, армия «Пешмерга»), экономику и международные связи. На севере Сирии возник уникальный проект Рожавы (Автономная администрация Северной и Восточной Сирии), основанный на идее демократического конфедерализма и сознательном отказе от модели национального государства.

- Курдская идентичность играет важную роль в стремлении к автономии или независимости для курдского народа. Сильное чувство этнической идентичности способствует единству среди курдских общин, что может стимулировать коллективные действия в направлении большей автономии или независимости. Общий язык, традиции и история укрепляют эту культурную связь. Также нельзя отрицать фактор политической мобилизации: курдская идентичность может служить объединяющим фактором для политических движений. Организации и партии, естественно, часто используют это чувство идентичности для мобилизации поддержки и обретения легитимности. В этом контексте мы предлагаем комбинированный вариант подчеркивания своих различий, которые, в то же время, не являются критическими и сохраняют особенности курдской идентичности. Другим аспектом является международная осведомленность: признание курдской идентичности на международной арене может получить поддержку со стороны сочувствующих и союзников, потенциально влияя на иностранные правительства и международные организации, чтобы поддержать стремление курдов к автономии.

Также важную роль всё ещё играет исторический контекст: наследие исторической несправедливости, с которой столкнулись курды, такой как дискриминация и репрессии, укрепило их коллективную идентичность в рамках региональной динамики.

- Военный и административный потенциал. Создание боеспособных вооружённых формирований («Пешмерга», YPG/YPJ, SDF) позволило не только отстоять территории от ИГИЛ, но и стать независимой силой на территориях проживания, повысив переговорный потенциал курдов. Способность предоставлять населению базовые услуги и безопасность легитимизировала новые администрации в глазах местного многоэтнического населения.

- Курдский феминизм как политическая и социальная сила. Другой особенностью курдов, отличающих их от большинства ближневосточных и, тем более, мусульманских, народов является приверженность принципам феминизма, что также может сыграть им на руку, например, в таких аспектах как глобальная солидарность и культурная значимость: внедрение феминистских идеалов может решать проблемы внутри их сообществ, одновременно продвигая гендерное равенство. Также феминистские рамки можно использовать для отстаивания политического представительства и включения женщин в процессы принятия решений, а сотрудничество с западными феминистскими группами может повысить заметность курдов и способствовать достижению общих целей. Включение феминизма в их пропаганду может стать мощным инструментом для курдов, позволяющим получить поддержку на глобальном уровне, в том числе таких крупных игроков как США. Воплощённый в Рожаве курдский феминизм перестал быть лишь социальным движением, став базой новой политической модели. Принцип сопредседательства (все руководящие посты занимают женщина и мужчина), и развитие жинеологии как науки о женском освобождении сформировали альтернативную систему

управления. Этот опыт обеспечил высокий уровень мобилизации, придав курдскому движению уникальный идеологический компонент и став одним из главных факторов устойчивости автономии.

Идеология курдского феминизма, наиболее ярко выраженная в концепции жинеологии (jineology) значительно отличается от западных феминистских моделей из-за различных исторических контекстов, целей и теоретических основ.

В основе этого различия лежит фундаментальное происхождение и критика. Если западный феминизм вырос из борьбы за права и равенство женщин в рамках существующих капиталистических и национальных государств, то курдский феминизм формировался в условиях «двойного угнетения» — как по признаку пола в патриархальных обществах, так и по признаку этнической принадлежности в государствах, отрицающих курдскую идентичность. С точки зрения жинеологии, западный феминизм, сосредоточенный на индивидуальных правах и реформах внутри системы, неотделим от колониалистской и капиталистической базы, которая и привела к угнетению курдов как народа. Таким образом, курдский феминизм несет в себе сильную деколониальную повестку, бросая вызов не только патриархату, но и самой системе национальных государств.

Это приводит к принципиально разным политическим проектам. Главной целью жинеологии является не достижение гендерного паритета в существующих институтах, а радикальное переустройство общества в рамках модели демократического конфедерализма. Эта модель сознательно отвергает государство как форму организации, предлагая вместо нее структуры прямой демократии, экологического управления и, что наиболее важно, системной эмансипации женщин. Здесь феминизм становится не одним из многих направлений борьбы, а фундаментом всей социальной революции, нацеленной на изменения во всех сферах.

Сценарии также различаются в зависимости от региональной специфики.

Можно предположить три основных варианта будущего Иракского Курдистана: одностороннее провозглашение курдской независимости без учёта существующих реалий; кризис правительства Ирака, при котором оно потеряет монополию на силу, а Иракский Курдистан не преминет воспользоваться появившейся возможностью стать независимым государством; а также менее вероятное постепенное достаточно мирное и естественное геополитическое отчуждение между Эрбилем и Багдадом. При любом из этих сценариев значительную роль может сыграть возрождение курдского национализма, при котором курдское население в Иране, Турции или Сирии поддержит создание суверенного Курдистана на севере Ирака, а затем, в зависимости от сценария, будет бороться за собственную автономию и независимость.

Иракский Курдистан — существует как стабильное, но финансово зависимое от Багдада образование, отказавшееся от планов независимости после провального референдума 2017 года. В то же время революционный эксперимент в Рожаве (Северо-Восточная Сирия), создавший уникальную модель самоуправления, балансирует на грани выживания под постоянной угрозой турецких военных операций и в условиях политического давления Дамаска. При этом курдские общины в Турции и Иране остаются в состоянии жёсткого подавления любых сепаратистских устремлений.

С одной стороны, курдам удалось создать наиболее жизнеспособные проекты самоуправления за всю свою новейшую историю. В Иракском Курдистане функционирует де-факто государство-анклав со своими институтами, армией (Пешмерга) и независимой экономической политикой, хотя его стабильность подрывается клановыми противоречиями (между ДПК и ПСК) и финансовой зависимостью. Ещё более впечатляющим достижением стала модель, созданная в Рожаве

(Северо-Восточная Сирия), где на принципах демократического конфедерализма была построена уникальная полиэтническая система самоуправления с сильным акцентом на гендерное равенство и прямую демократию, доказавшая свою эффективность как в борьбе с ИГИЛ, так и в гражданском администрировании.

С другой стороны, эти успехи носят фрагментарный и непрочный характер именно из-за отсутствия единой внутренней организации. Таким образом, главным внутренним вызовом для курдов остается не столько противостояние с центральными властями, сколько преодоление собственной разобщенности, которая превращает их значительные локальные успехи в тактические победы, не способные перерасти в стратегический прорыв к единой государственности.

Учитывая все эти осложняющие обстоятельства, кажется маловероятным, что сирийские курды вернутся на политическую сцену без кардинальных перемен в стране. Теперь у них есть относительно большой опыт войны и самоуправления, и они не готовы легко его потерять. На данный момент единственное, что может сделать жизнь сирийских курдов безопаснее в долгосрочной перспективе, — это политическая сделка с обоими их главными противниками: сирийским правительством и Турцией. Наконец, они должны достичь соглашения с региональными державами, как это сделали курды в Ираке, чтобы обеспечить устойчивость выживания.

Курды прочно утвердились в качестве значительного актора на политической карте Ближнего Востока. Полная реинтеграция курдских регионов в централизованное государство по прежней довоенной модели уже невозможна. Однако путь к международно-признанной государственности остается крайне туманным и будет определяться ходом будущих региональных кризисов и конфликтов.

Итого, наиболее вероятным представляется сценарий упрочения

автономий в рамках существующих государств. Его реалистичность обусловлена тем, что он позволяет сохранить баланс интересов: курдские образования получают пространство для развития и самоуправления, а центральные правительства сохрнят формальный суверенитет над территорией и снижение риска полного распада страны. При этом содержательная наполненность автономии в Ираке и Сирии будет кардинально различаться, отражая разницу между классическим этнорегионализмом и революционной моделью демократического конфедерализма, возводящей гендерное равенство в ранг основополагающего принципа государственного устройства.

Список использованных источников и литературы

Источники:

Национальные законодательные акты, концептуальные документы и официальные заявления:

1. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (last visited: 01.07.2025).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (last visited: 01.07.2024).

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Организация Объединённых Наций. Официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (last visited: 01.07.2024).

4. Резолюция 688 (1991) от 5 апреля 1991 года // Документы. Организация Объединённых Наций. – URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/688\(1991\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/688(1991))

5. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, пер. с франц., М., 1927.

6. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (last visited: 01.07.2024).

7. Council of Ministers approves justice and trade bills // Kurdistan Regional Government. – URL: <https://gov.krd/english/news-and->

announcements/posts/2021/april/council-of-ministers-approves-justice-and-trade-bills/ (дата обращения 03.02.2024).

8. German Consulate-General opened in Erbil // Germany. Federal Foreign Office. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/090218-eroeffnunggkarbil-233650> (дата обращения 03.02.2024).

9. Irán: La Oficina para los Derechos Humanos preocupada por la violencia de las fuerzas de seguridad y la restricción de las telecomunicaciones 27 Septiembre 2022 // UN – 2022. – September 27. – Mode of access: <https://news.un.org/es/story/2022/09/1515311> (last visited: 01.07.2024).

10. Iraqi–Kurdish Autonomy Agreement of 1970 // The Kurdistan Memory Programme. – URL: <https://kurdistanmemoryprogramme.com/the-11-march-autonomy-agreement/> (last visited: 01.07.2024).

11. Constitution of the Republic of Türkiye // Официальный сайт Великого национального собрания Турции. – URL: <https://cdn.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Icerik/Dosya/2e5836e4-4d42-4255-92ff-7e749130096c.pdf> (last visited: 01.07.2024).

12. Constitution of the Republic of Iraq // Refworld. – URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2005/en/36563> (last visited: 01.07.2024).

13. Iran (Islamic Republic of) 1979 (rev. 1989) Constitution // Constitute Project. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989 (last visited: 01.07.2024).

14. Report on the situation in Iraq eleven years after the Gulf War (2000/2329(INI)). 26 April 2002 // European Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-5-2002-0157_EN.html (дата обращения 03.02.2024).

15. Syrian Arab Republic: Constitution, 2012 // Refworld. – URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2012/en/90331> (last visited: 01.07.2024).

Программы и официальные заявления политических партий:

16. Движение Горран: Рабочие являются наиболее влиятельным классом в обществе Курдистана // Движение Горран. Официальный сайт. – URL: <https://www.gorran.net/Details.aspx?jimore=1031>

17. Движение Горран: Против партизанства и преуменьшения бездействия преступников Анфала // Движение Горран. Официальный сайт. – URL: <https://www.gorran.net/Details.aspx?jimore=1026>

18. Democratic Party of Iranian Kurdistan. Programme and Internal Regulations // The Democratic Party of Iranian Kurdistan (PDKI). Official website. – URL: <https://www.pdk-iran.org/english/doc/programme.pdf>

19. Kurdistan 2033 // New Generation Movement (Naway Nwe). Official website. – URL: <https://www.ngmovement.com/en> (last visited: 07.07.2024).

20. Kurdistan Democratic Party. Constitution & Bylaws // Kurdistan Democratic Party. Official website. – URL: <https://www.kdp.se/kdpProgram.doc> (last visited: 07.07.2024).

21. Kurdistan Justice Group (Kurdistan Islamic Group) // Kurdistan Justice Group (Kurdistan Islamic Group). Official website. – URL: <http://komalnews.org/> (last visited: 07.07.2024).

22. The Program and the Internal Rules of (The Kurdistan Islamic Union) approved by the Party Convention // Исламский Союз Курдистана. – URL: <https://www.kurdiu.org/en/b/67504> (last visited: 07.07.2024).

Материалы неправительственных организаций:

23. Iran 2022. // Amnesty International – 2023. — Mode of access: <https://www.amnesty.org/es/location/middle-east-and-north-africa/iran/report-iran/> (last visited: 07.07.2024).

24. Kurdish city & child Names: The Battle Over Memory // Kurdish Center for Studies. Mode of access: <https://nlka.net/eng/kurdish-city-child-names-the-battle-over-memory/> (last visited: 07.07.2024).

25. Kurdistan Women's Liberation Struggle // Academy of Jineoloji – jineoloji. URL: <https://jineoloji.eu/en/2020/04/22/kurdistan-womens-liberation-struggle/> (last visited: 08.07.2024).

26. No free press, no democracy // CHMK – Kurdish Media Watchdog Organization. – URL: <https://chmk.org/2224/> (last visited: 08.07.2014).

27. The Kurdish Women's Freedom Movement is universal women's struggle in its essence // KJK: Model of Mobilization. URL: <https://www.kjkonline.net/en/nivis/303> (last visited: 08.07.2024).

28. The Monitoring of corruption Issue's coverage in Kurdish Media outlets // CHMK – Kurdish Media Watchdog Organization. – URL: <https://chmk.org/files/2018/04/KIE-report-about-the-monitoring-of-corruption-issues-coverage-in-Kurdish-media-outlets.pdf>

29. Women's Movement of Kurdistan // Academy of Jineoloji (жинеология) – jineoloji. URL: <https://jineoloji.eu/en/category/basis-of-jineoloji/womens-movement-of-kurdistan/> (last visited: 13.08.2024).

Статистические и фактологические данные:

30. Armed conflict and peace processes in the Middle East and North Africa // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2021/06>

31. Beyond Feminism? Jineoloji (жинеология) and the Kurdish Women's Freedom Movement // Cambridge Core Home. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-gender/article/abs/beyond-feminism-jineoloji-and-the-kurdish-womens-freedom-movement/540F612294D931881942FA74EB5F7C61> (last visited: 08.04.2024).

32. Global and regional economic prospects and policy challenges (2017) // Arab Strategic Forum. – URL: <https://arabstrategyforum.org/ar/stream-report/global-and-regional-economic-prospects-and-policy-challenges-2017> (last visited: 08.07.2024).

33. Kurds and Arab Strategy Forum, which explores world future in 2017 // Democratic Union Party (Syria). Mode of access: <https://pydrojava.org/english/kurds-and-arab-strategy-forum-which-explores-world-future-in-2017/> (last visited: 08.07.2024).

34. Kurds in Turkey // Harvard Divinity School. Glossary. Mode of access: <https://rpl.hds.harvard.edu/faq/kurds-turkey> (last visited: 01.07.2024).

35. The Kurds' dreams of independence look farther off than ever / The Economist. – URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2023/08/17/the-kurds-dreams-of-independence-look-farther-off-than-ever> (last visited: 08.07.2024).

Воспоминания:

36. Барзани М. Заявляя о своих правах // Barzani Charity Foundation. Май 2023. – URL: https://www.masoudbarzani.krd/media/3350/bo_meju_rusi.pdf (last visited: 08.04.2024).

37. Оджалан А. Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. – М.: Axina Welat, 1998. – 378 с.

38. Öcalan A. Democratic Confederalism. Cologne: International Initiative, 2011.

Материалы, размещенные на созданных и поддерживаемых курдами сайтах, посвященных распространению курдской культуры:

39. Chawy kurd center // Chawy Kurd Center for Political Developments. URL: <https://mofa.gov.iq/beijing/?p=1517&lang=en> (last visited: 07.07.2024).

40. Dirik D. The Kurdish Women's Movement History, Theory, Practice. – London: Pluto Press, 2022. – 384 p.
41. Guneser H. The Art of Freedom. A Brief History of the Kurdish Liberation Struggle. – Binghamton: PM Press, 2021. – 192 p.
42. Institut Kurde de Paris. Foundation // Institut Kurde de Paris. Official website. Mode of access: <https://www.institutkurde.org/en/> (last visited: 08.04.2024).
43. Kurdish Center for Studies // Kurdish Center for Studies. Official website. Mode of access: <https://nlka.net/eng/about-us/> (last visited: 08.04.2024).
44. Rojeva Kurd // Rojeva Kurd. Official website. Mode of access: <https://rojevakurd.com/> (last visited: 08.04.2024).
45. The Kurdish Project: Home // The Kurdish Project. Official website. Mode of access: <https://thekurdishproject.org/>
46. The Kurdistan Region in brief // Official Tourism Site of Kurdistan. Mode of access: <http://bot.gov.krd/about-kurdistan/kurdistan-region-brief> (last visited: 08.04.2024).
47. Unbelievable Kurdistan // Official Tourism Site of Kurdistan. Mode of access: <http://bot.gov.krd/> (last visited: 08.04.2024).

Исследовательская литература:

1. Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX — 20-е годы XXI вв.) / В.М. Ахмедов – Москва, 2023. – 374 с.
2. Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока / Под ред. О.А. Колобова. – Нижний Новгород – Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. 129 с.
3. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность / К.В. Вертяев, С.М. Иванов – М.: Ленанд, 2015. – 352 с.

4. Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. / М.А. Гасратян – Ереван: Айастан, 1990. – 385 с.
5. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. / Пер. с англ. Б. И. Макаренко. Науч. ред. пер. А. М. Салмин, Г. В. Каменская. — М. : Аспект-пресс, 1997. — 286 с.
6. Джалилов О. Дж. Исторические песни курдов / О. Дж. Джалилов. СПб., 2003. – 832 с.
7. Жигалина О.И. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века / О.И. Жигалина М., ИБВ, 2006. — 342 с.
8. Жигалина О.И. Мула Мустафа Барзани. Исторический портрет / О.И. Жигалина – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 240 с.
9. Жигалина О.И. Национальное движение курдов в Иране / О.И. Жигалина – М.: Наука, 1988. – 170 с.
10. Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества / О.И. Жигалина М., Восточная литература, 1996. – 264 с.
11. Жизнь без государства: революция в Курдистане / М.: Common place; Nevale, 2017. – 366 с.
12. Ибрагимов И.Э. Курды против властей в Ираке: особенности национального движения в 1960-е годы / Ближний Восток: взгляд молодых исследователей (Мировое развитие. Выпуск 20) // Ред. колл.: И.Д. Звягельская, Т.Л. Ровинская, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 166 с.
13. Иванов С.М., Вертяев К.В. Курдский национализм. История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2015. 352 с.
14. Иванов С.М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. 86 с.
15. Иванов С.М., Вертяев К.В., Макаренко В.В. Рожава: феномен курдской автономии в Сирии: колл. монография / Ин-т востоковедения

РАН; [Отв. ред. К.В. Вертяев, И.А. Матвеев]. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 368 с.

16. Курды. Легенда Востока / научн. рук.: В. В. Наумкин, И. Ф. Попова. — М.: Издательская группа «Арбор», 2018. – 456 с.

17. Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). / М.С. Лазарев. М.: Наука, 1989. – 327 с.

18. Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.) / М.С. Лазарев. М.: Наука, 1964. – 400 с.

19. Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945) / М.С. Лазарев. М.: Вост. лит., 2005. – 308 с.

20. Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917) / М.С. Лазарев. М.: Наука, 1971. – 472 с.

21. Лебский М.А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке / Лебский М.А. – М.: Алгоритм, 2016. – 352 с.

22. Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX – начале XXI в. / Фонд русско-арабских исследований и информации // Институт востоковедения РАН, Серия «Научные публикации» (12) 2016.

23. Минорский В.Ф. Курды. Заметки и впечатления / В.Ф. Минорский – Петроград, 1915. – 43 с.

24. Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика. В двух частях. Часть первая / Н.З. Мосаки. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 352 с.

25. Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика. В двух частях. Часть вторая / Н.З. Мосаки. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 342 с.

26. Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев. – М.: Университетская книга, 2020. 520 с.

27. Ariav H. The Time of the Kurds // Council On Foreign Relations. 2019. – October, 19. – Mode of access: <https://www.cfr.org/article/time-kurds> (last visited: 09.09.2024).

28. Bengio O. The Kurds in a Volatile Middle East / Ofra Bengio // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 2017. – Mode of access: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/02/MSPS130web.pdf> (last visited: 14.08.2024).

29. Chaliand G. A People Without a Country: The Kurds and Kurdistan / China and the Kurdistan Region of Iraq: An Enduring Yet Cumbersome Crimes in Syria: The neglected atrocities of Afrin // European Center for Gérard Chaliand // London: Zed Books, 1993. – 259 p.

30. China and the Kurdistan Region of Iraq: An Enduring Yet Cumbersome Relationship [Electronic resource] // Emirates Policy Center URL: <https://epc.ae/en/details/featured/china-and-the-kurdistan-region-of-iraq-an-enduring-yet-cumbersome-relationship> (last visited: 13.08.2024).

31. Constitutional and Human Rights (ECCHR). Mode of access: <https://www.ecchr.eu/en/case/tatort-syrien-verbrechen-an-der-zivilbevoelkerung-in-afrin/> (last visited: 13.08.2024).

32. Evidence on Kurdish aspirations and the interests of the UK. // UK Parliament. Committees. – URL: <https://committees.parliament.uk/writtenevidence/83702/html/> (дата обращения 03.02.2024).

33. Iraqi Kurds, Operation Provide Comfort, and the Birth of Iraq's Opposition // Association for Diplomatic Studies & Training. – URL: <https://adst.org/2016/02/iraqi-kurds-operation-provide-comfort-and-the-birth-of-iraqs-opposition/> (дата обращения 03.02.2024).

34. The Dawn of Nationalism / Michael Eppel // University of Texas Press. – 2016. Amir Hassanpour. – Mellen Research University Press, 1992 – 520 p.

35. Demographic Engineering in the Course of Syria's War [Electronic resource] // Friedrich Naumann Foundation for Freedom. URL: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/2023-05/demographic-engineering-in-syria-en-17-april.pdf> (last visited: 13.08.2024).
36. Eppel M. People Without a State: The Kurds from the Rise of Islam to Hassanpour A. Nationalism and Language in Kurdistan, 1918-1985 /
37. Irán: la política de mirada hacia el Este entre el aislamiento y la decadencia // Instituto Español de Estudios Estratégicos – 2023. – URL: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2023/dieeee30_2023_mohvah_Iran.pdf
38. Iraq and Syria: Kurdish Autonomous Regions Under Threat // Groupe d'études géopolitiques. URL: <https://geopolitique.eu/en/2023/03/04/iraq-and-syria-kurdish-autonomous-regions-under-threat/> (last visited: 13.08.2024).
39. Kirmanj Sh. Identity and nation in Iraq / Sherko Kirmanj. – Lynne Rienner Publishers. – 2013. – 321 p.
40. Kurdish Awakening. Nation Building in a Fragmented Homeland [Edited by: Ofra Bengio] // University of Texas Press. 2014. – 384 p.
41. McDowall D. A modern history of the Kurds / David McDowall – Bloomsbury Academic, 2004. – 532 p.
42. Nationalism and Language in Kurdistan, 1918–1985 / San Francisco: Mellen Research University Press. – 1992. – 520 p.
43. Parsneau K. J. Ethnic conflict in theory and ethnic nationalism among the Kurdish people in Iran, Iraq, and Turkey / Parsneau Kevin James. The University of Montana, 1996. – 164 p.
44. Rojava's Sustainability and the PKK's Regional Strategy [Electronic resource] // The Washington Institute for Near East Policy. - 2016. - August 24. - Mode of access: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/rojavas-sustainability-and-pkks-regional-strategy>.

45. Saddam's Word: Political Discourse in Iraq (Studies in Middle Eastern History) / Lynne Rienner Publishers, 2012. – 288 p.
46. Sheyholislami J. Kurdish identity, discourse, and new media / Jaffer Sheyholislami. – N.Y., 2011. – 252 p.
47. Sunca Y. The regional Kurdish question in a global world: mentalities, policies and geopolitical dynamics / Yasin Sunca. – Truth Justice Memory Center, 2022. – 143 p.
48. Tahiri H. The Structure of Kurdish Society and the Struggle for a Kurdish State. Costa Mesa, Calif.: Mazda, 2007. – 348 p.
49. Taşpınar Ö., Gönül T. Turkey and the Kurds: From Predicament to Opportunity // The Brookings Institution. – 2014. - January 22. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/turkey-and-the-kurds-from-predicament-to-opportunity/> (last visited: 14.08.2024).
50. The Cambridge History of the Kurds / Cambridge University Press. 2021. – 600 p.
51. The Future of Kurdistan in Iraq (edited by Brendan O’Leary, John McGarry and Khaled Salih) / Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2006 — 355 p.
52. The Future Perspective of Kurds Sovereignty Over Northeastern of Syria // SpecialEurasia. URL: <https://www.specialeurasia.com/2024/05/06/kurds-northeastern-syria/> (дата обращения: 13.07.2024).
53. The Kurds in a Changing Middle East: History, Politics and Representation // Bloomsbury Collections. URL: <https://www.bloomsburycollections.com/monograph?docid=b-9781788318907> (last visited: 19.08.2024).
54. The new geopolitics of the Middle East: America's role in a changing region // Brookings Institution URL: <https://www.brookings.edu/wp->

content/uploads/2019/01/FP_20190107_new_geopolitics_of_mena_final.pdf
(last visited: 19.08.2024).

55. The trajectory of KRG and France's relations // European Institute for Studies on the Middle East and North Africa. – URL: <https://eismena.com/en/article/the-trajectory-of-krq-and-frances-relations-2023-10-27> (дата обращения 03.02.2024).

56. Vali A. Essays on the origins of Kurdish nationalism / Vali Abbas. Mazda, 2003. – 234 p.

57. W. Gourlay. The Kurds in Erdogan's Turkey: Balancing Identity, Resistance and Citizenship / William Gourlay. – Edinburg University Press, 2020. – 266 pp.

58. Zisser E. The Kurds in Syria: Caught between the Struggle for Civil Equality and the Search for National Identity. Kurdish Awakening. DOI:10.7560/758131-014

Статьи:

59. Айриян Р.С. Политика США в отношении курдских партий Ирака в конце XX – начале XXI в. / Р.С. Айриян, А.В. Лепков // Известия вузов. Северо-Кавказский регион, 2019. – №1(201). – С. 19-26.

60. Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 169 с.

61. Актуальные проблемы международного права и международных отношений. Россия и Турция в системе глобальной и региональной безопасности: Сборник статей / Под ред. Т.В. Кашириной, В.А. Аваткова – М.: Центр востоковедных исследований, 2017. – 264 с.

62. Ахмедов Т.А. Российско-курдистанские отношения в 2000-2018 годах // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 188-193.

63. Балашов Ю.А. Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. №.3. С. 212-217.
64. Балашов Ю.А., Фомичева О.В. Особенности функционирования диаспоральных сообществ разделенных этнических групп // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. №.5. С. 220-226.
65. Барави М.В., Кретов А.Д., Тарасова Д.А. Этнический Курдистан в контексте геополитики XXI века // Конфликтология / nota bene. 2024. № 1. С. 1-11. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.1.69609 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69609
66. Ближний Восток: взгляд молодых исследователей (Мировое развитие. Выпуск 20) / Ред. колл.: И.Д. Звягельская, Т.Л. Ровинская, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 215 с.
67. Васильева Е.И. Джафы, названные типичным курдским племенем классического типа // Письменные памятники Востока, 2010. – № 1(12). – С. 93-102.
68. Васильева Е.И. Курдские историографы о курдских племенах (от Шараф-хана Бидлиси – XVI в. до Мирзы Али-Акбара Курдистани – XIX в.) // Письменные памятники Востока. 2010. № 2 (13). С. 207–230.
69. Веденеев И.Н. Изучение курдов в России: историческая перспектива. // Востокведение: история и методология, 2020. – №1. – С. 18-23.
70. Веденеев И.Н. Курды как фактор нестабильности на Ближнем Востоке на начало 2023 г. (на примере Иракского Курдистана) // Ближний и Постсоветский Восток, 2023. – №2(2). – С. 66-79.
71. Джанаби Я., Надир М. Особенности внутренней политической ситуации в Ираке в период с 1920 по 2003 гг. // Via in tempore. История. Политология. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti->

vnutrenney-politicheskoy-situatsii-v-irake-v-period-s-1920-po-2003-gg (дата обращения: 10.03.2024).

72. Джуди Р. Новый мировой порядок и пути мирного решения курдского вопроса // Дружба. 2022. № 10. Декабрь. С. 6-9.

73. Дружиловский С.Б. Влияние иракского кризиса на урегулирование курдской проблемы в Турецкой Республике // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2016. С. 141–152.

74. Дружиловский С.Б. Уроки «Арабской весны» для Исламской Республики Иран // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., ИВ РАН. – 2014.

75. Дубинин А.И. Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние // Genesis: исторические исследования. 2023. № 6. С. 27-36.

76. Жигалина О.И. Этнический Курдистан как перекрёсток геополитических и экономических интересов // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 197-205.

77. Задохин А.Г., Шангараев Р.Н. Курдский вопрос в геополитических процессах Ближнего Востока в контексте сирийского конфликта // Дипломатическая служба. 2019. №. 6. 42-52.

78. Иванов С.М. Иракские курды как авангард курдского национального движения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 55-62.

79. Исса М.Г. Современное состояние курдского вопроса на Ближнем Востоке // Известия Саратовского ун-та. Серия Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 2. С. 242-245.

80. Касаев Э.О. Курдская проблема Ближнего Востока // Обозреватель, 2018. № 10. С. 106-112.

81. Колобов А.О., Колобов О.А., Хохлышева О.О. Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 281-285.
82. Колобов О.А., Хохлышева О.О. Общее и особенное в процессе ближневосточного урегулирования на современном этапе развития международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 274-278.
83. Кривов С.В., Рыжов И.В., Гнездова Е.В. Политика в области гражданства арабских государств в контексте эволюции миграционных процессов на Ближнем Востоке // *Via in tempore*. История. Политология. 2017. №1 (250). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-v-oblasti-grazhdanstva-arabskih-gosudarstv-v-kontekste-evolyutsii-migratsionnyh-protsessov-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 10.03.2024).
84. Кривов С.В. Ближневосточная политика в контексте теории социальных сетей: теоретические подходы и практическое применение // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blizhnevostochnaya-politika-v-kontekste-teorii-sotsialnyh-setey-teoreticheskie-podhody-i-prakticheskoe-primenenie> (дата обращения: 10.03.2024).
85. Кудряшова Ю.С. Курдский вопрос на фоне войны в Сирии. Международная аналитика. 2017. № 1. С. 52-57.
86. Курдский фактор в региональной геополитике. (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015 г.) / Под редакцией А.Г. Арбатова. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 119 с.
87. Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения. Сборник статей / Под ред. О.И. Жигалиной – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 166 с.

88. Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. О.И. Жигалина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 256 с.
89. Лазаревские чтения. Вып. 2 / Отв. ред. О.И. Жигалина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 244 с.
90. Мгой Ш.Х. Исламизм и курдское национальное движение // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / отв. редакторы В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. — М.: Крафт+, 2005. С. 456-464.
91. Мгой Ш.Х. Мгой Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке и новейшее время. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 324 с.
92. Мгой Ш.Х. Ислам и курдское национальное движение // Азия и Африка сегодня. – 2003. - № 9 (554). С. - 31-35.
93. Минорский В.Ф. Курды – потомки мидян // Письменные памятники Востока, 2013. – № 1(18). – С. 206-212.
94. Миргород Д. Иракский Курдистан: поиск новых механизмов самоопределения // Российский совет по международным делам. — 8 октября 2021. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/irakskiy-kurdistan-poisk-novykh-mekhanizmov-samoopredeleniya/>
95. Мустафабейли А.М. К проблемам межцивилизационных отношений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 1(3). С. 37-48.
96. Петросова О.Н. Возникновение и развитие курдского вопроса в турецко-сирийских отношениях в конце XX века // Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnali, 2022. №4. С. 224-237.
97. Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Баранова Т.В. Американская стратегия «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО. 2020. Т. 13. № 5. С. 236- 251.

98. Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Этнические проблемы в современном Иране // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 345-360.
99. Рыжов И.В., Дубинин А.И. Ближневосточные этноконфессии и система региональных международных отношений в XXI веке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 123-134.
100. Ханалиев Н.У. О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С 1-15.
101. Черняев С.Е., Рыжов И.В. Особенности политических преобразований в арабских республиках (Сирия, Йемен, Ливан, Египет, Ирак) в начале XXI века // Политика и общество. 2017. № 7. С. 42-55.
102. Шкварун М.А, Искендеров С.А. Исторический анализ проблем ислама в XXI веке // Социально-политические науки. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-analiz-problem-islama-v-xxi-veke> (дата обращения: 10.03.2024).
103. Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 гг. // Вестник МГИМО-Университета, 2023. – №16(5). – С. 22-51.
104. Can China Address the Kurdish Question? // Geopolitical Monitor. URL: <https://www.kurdishpeace.org/research/conflict-resolution-and-peacebuilding/can-china-address-the-kurdish-question/> (last visited: 14.08.2024).
105. Chaterian V. Gibt es eine Zukunft für Kurdistan? // Le Monde diplomatique. – Mode of access: <https://monde-diplomatique.de/artikel/!5925792> (last visited: 14.05.2024).
106. Democracy or Partition: Future Scenarios for the Kurds of Iraq // CIAO: Columbia International Affairs Online. Insight Turkey Vol. 14, No. 3,

2012, pp. 127-140. – Mode of access: https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/it/v14i3/f_0025951_21242.pdf (last visited: 14.05.2024).

107. Elitsoy E. The Kurdish Hizbullah and Its Shifting Attitude towards Kurdishness and the Kurdish Issue in Turkey // Research Gate. – 2017. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/353402491_The_Kurdish_Hizbullah_and_Its_Shifting_Attitude_towards_Kurdishness_and_the_Kurdish_Issue_in_Turkey (last visited: 09.09.2024).

108. How Iran's Hijab Protest Movement Became So Powerful // The New Yorker – 2022. – October 02. – Mode of access: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/fatemah-shams-how-irans-hijab-protest-movement-became-so-powerful> (last visited: 14.05.2024).

109. Hussein D.J. Hydrocarbon fuels as a basis of the Kurdistan region's global diplomacy // Мировая политика. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hydrocarbon-fuels-as-a-basis-of-the-kurdistan-region-s-global-diplomacy> (last visited: 14.05.2024).

110. Illegal letters in Turkey // The World – 2009. – November 25. – Mode of access: <https://theworld.org/2009/11/illegal-letters-in-turkey> (last visited: 28.08.2023).

111. Irán: Repercusiones regionales de la crisis // Política Exterior | Análisis internacional en español – 2023. – September 27. – Mode of access: <https://www.politicaexterior.com/articulo/iran-repercusiones-regionales-de-la-crisis/> (last visited: 14.05.2024).

112. Iraq and Syria: Kurdish Autonomous Regions Under Threat // Groupe d'études géopolitiques. - 2023. - March 04. - Mode of access: <https://geopolitique.eu/en/2023/03/04/iraq-and-syria-kurdish-autonomous-regions-under-threat/> (last visited: 10.03.2024).

113. Kurdistan in China: Are the Iraqi Kurds Interested in a Relationship? // The Washington Institute for Near East Policy URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/kurdistan-china-are-iraqi-kurds-interested-relationship> (last visited: 13.08.2024).

114. Omarkhali H. R. Ethnic identity of the Kurds and self-identification of the Yezidi Kurds. Interaction with representatives of other cultures. // Path of the East. Cultural, ethnic and religious identity. Materials of the VII Youth Scientific Conference on Problems of Philosophy, Religion, and Culture of the East. / Rep. ed. A. D. Zelnitsky. Series "Symposium". Issue 33. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. – 2004.

115. Rêber Ocalan: Jiyana li Kurdistanê di şexsê jinê de hatiye fetisandin // RojNews. URL: <https://rojnews.news/ku/?p=290308> (last visited: 13.08.2024).

116. Scenarios of the Independence of Iraqi Kurdistan and National Security of Iran // Iranian Research Letter of International Politics. Vol. 8, No. 2, Spring and Summer – 2020. – Mode of access: https://irlip.um.ac.ir/article_39393_8fafd71ab3d40b6fe34437bff965c5ca.pdf?lang=en (last visited: 14.05.2024).

117. The Kurds' dreams of independence look farther off than ever // The Economist. 2023 Aug 17th. – Mode of access: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2023/08/17/the-kurds-dreams-of-independence-look-farther-off-than-ever> (last visited: 14.05.2024).

118. The Middle East's Shifting Political Landscape // Geopolitical Monitor. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-middle-east-shifting-political-landscape/> (last visited: 14.05.2024).

119. Uçar: Azadiya Abdullah Ocalan ji bo çareseriyê pir girîng e // Mezopotamya Ajansı. URL: <https://mezopotamyaajansi.net/kr/HEM-NCE/content/view/249501> (last visited: 14.05.2024).

120. Wali D. The Changing Political Dynamics of the Middle East / Daniyal Wali. Modern Policy. – 2022. – Mode of access: <https://moderndiplomacy.eu/2022/08/09/the-changing-political-dynamics-of-the-middle-east/> (last visited: 19.08.2024).

121. WHAT IS R2P? // Global Centre for the Responsibility to Protect URL: <https://www.globalr2p.org/WHAT-IS-R2P/> (last visited: 14.05.2024).

122. What's in a Kurdish name? To Turkish officials, rebellion // Chicago Tribune. – URL: <https://www.chicagotribune.com/2002/12/11/whats-in-a-kurdish-name-to-turkish-officials-rebellion/> (last visited: 14.05.2024).

123. Zeidel R. Forging Iraqi-Kurdish Identity: A Case Study of Kurdish Novelists Writing in Arabic. Kurdish Awakening. <https://doi.org/10.7560/758131-010>

124. Наумкин В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) / Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, сс. 76-87.

125. الكرد حلفاء الحاضر دون مستقبل (Заид Сфук. Курды — союзники настоящего без будущего) [Electronic resource]// Al-Arab. 2023. – Mode of access: <https://alarab.co.uk/الكرد-حلفاء-الحاضر-دون-مستقبل/> (last visited: 15.05.2024).

Периодические издания:

126. Наджах Гулё делится воспоминаниями о Сакине Джансиз // Hawar news. URL: <https://hawarnews.com/ru/15785605807793> (дата обращения: 13.08.2024).

127. Путин насчитал до 7 тыс. граждан России и стран СНГ в рядах ИГИЛ // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5620aebc9a7947584c189eaa> (дата обращения: 15.08.2024).

128. «Роснефть» оценила успех сделок в Иракском Курдистане в \$250 млн // Ведомости. 03 марта 2020. – URL:

<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/03/02/824276-rosneft-otsenila> (дата обращения: 15.08.2024).

129. 92% of Iraqi Kurds back independence from Baghdad, election commission says [Электронный ресурс] // FRANCE 24. – 25.10.2017. – URL: <https://www.france24.com/en/20170927-iraqi-kurds-vote-overwhelmingly-independence-referendum> (last visited: 28.12.2023).

130. Is Kurdistan a future location for the Hospitality Industry? // Hospitality ON. 17.03.22. URL: <https://hospitality-on.com/en/development/kurdistan-future-location-hospitality-industry> (last visited: 28.12.2023).

131. Jina «Mahsa» Amini Was Kurdish And That Matters [Electronic resource]// Novara Media URL: <https://novaramedia.com/2022/10/04/jina-mahsa-amini-was-kurdish-and-that-matters/> (last visited: 07.12.2023).

132. Kurdish Unified Alphabet. Kurdish Academy of Language [KAL]. // Mode of access: <https://kurdishacademy.org/?p=103> (last visited: 28.12.2023).

133. Religious Neutrality In 94% Muslim Iraqi Kurdistan // The Huffington Post. 18.06.2012. Mode of access: https://www.huffpost.com/entry/religious-neutrality-iraqi-kurdistan_b_1587042 (last visited: 29.12.2023).

134. Syria's Kurds restore ancient names to Arabised towns // Dawn (newspaper). Official website. – URL: <https://www.dawn.com/news/1291830>

135. They Spoke of Maktumeen with a Sense of Pity and Disdain. The statement of Dawran Ibrahim Khalil, a Syrian Kurd denied nationality due to the 1962 special census // Syrians for Truth and Justice. 05.10.2019. URL: https://stj-sy.org/en/they-spoke-of-maktumeen-with-a-sense-of-pity-and-disdain/#_ftn1 (last visited: 29.05.2024).

136. Turkey PM Erdogan apologises for 1930s Kurdish killings // BBC. – 2011. – November 23. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-15857429> (last visited: 28.12.2023).

137. Why are Iraqi Kurds Fighting with Militant Islamists in Syria? // Pulitzer Center. 14.05.2014. Mode of access: <https://pulitzercenter.org/stories/why-are-iraqi-kurds-fighting-militant-islamists-syria> (last visited: 29.05.2024).

138. Waiting for the legal birth: Maktumeen in Syria deprived of ownership rights // Enab Baladi. Mode of access: <https://english.enabbaladi.net/archives/2021/04/waiting-for-the-legal-birth-maktumeen-in-syria-deprived-of-ownership-rights/> (last visited: 29.05.2024).

Диссертации и авторефераты и диссертаций

139. Авдои Т.С. Курдский вопрос в современных международных отношениях: автореф. дис. канд. пол. наук: 23.00.04. «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» / Т.С. Авдои. – Москва, 2009. – 27 с.

140. Веденеев И.Н. Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918-1980 гг. Факторы взаимовлияния: дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / И.Н. Веденеев. – Москва, 2021. – 221 с.

141. Дасни Ю.Р. Курдский вопрос в региональной и мировой политике: автореф. дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02. «Политические институты и процессы» / Ю.Р. Дасни. – Москва, 1998. – 25 с. (<https://www.dissercat.com/content/kurdskii-vopros-v-regionalnoi-i-mirovoi-politike/read>)

142. Демиденко С.В. Деятельность Рабочей партии Курдистана /РПК/ и ее роль в вооруженной борьбе турецких курдов (1973-1999): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. «Отечественная история» / С.В. Демиденко. – Москва, 2003. – 215 с.

(<https://www.dissercat.com/content/deyatelnost-rabochei-partii-kurdistanarpk-i-ee-rol-v-vooruzhennoi-borbe-turetskikh-kurdov-1>)

143. Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/religioznyy-faktor-vo-vneshnei-politike-stran-persidskogo-zaliva>

144. Лепков А.В. Политика США в отношении Иракского Курдистана в 1988-2005 гг. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-ssha-v-otnoshenii-irakskogo-kurdistanav-1988-2005>

145. Маруф У.Г. Проблема международной правосубъектности курдского народа в современном международном праве // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. URL: <https://lawtheses.com/problema-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti-kurds-kogo-naroda-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave>

146. Миргород Д.А. Глобализация как фактор трансформации политических процессов в ближневосточном регионе // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/globalizatsiya-kak-faktor-transformatsii-politicheskikh-protsessov-v-blizhnevostochnom-regio>

147. Мосаки Н.З. Геополитический аспект современного курдского вопроса // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. URL: <https://cheloveknauka.com/geopoliticheskiy-aspekt-sovremennogo-kurds-kogo-voprosa>

148. Победоносцева Кая А.О. Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист.

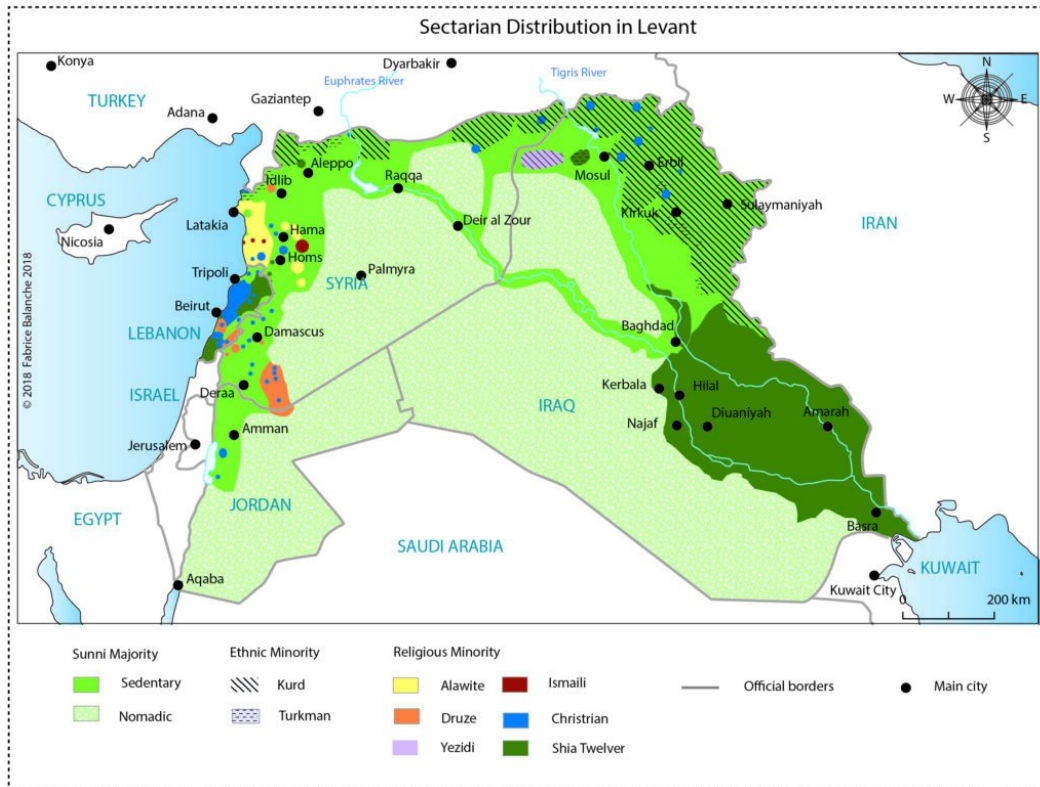
наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / А.О. Победоносцева Кая. – Санкт-Петербург, 2017. – 26 с.

149. Сенников А.И. Политика США в отношении Иракского Курдистана в 1945-1989 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. «Всеобщая история» / А.И. Сенников. – Киров, 2020. – 304 с.

Приложения

Приложение 1. Распределение сообществ Леванта.

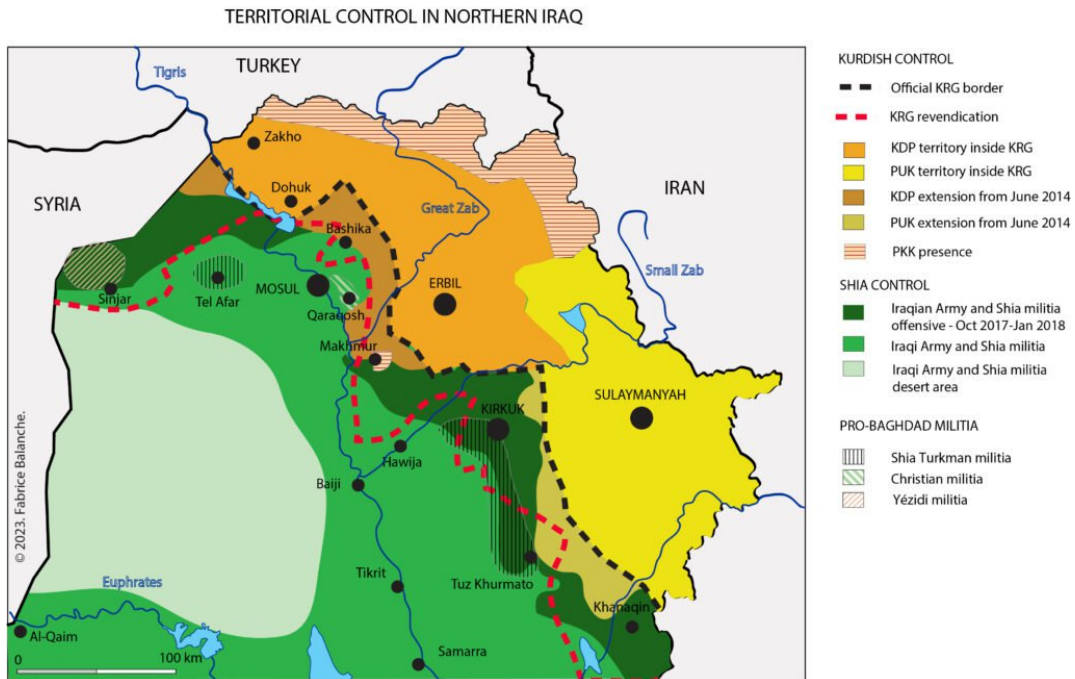
Источник: Группа геополитических исследований (Groupe d'études géopolitiques)¹⁶⁹

¹⁶⁹ Iraq and Syria: Kurdish Autonomous Regions under Threat // Groupe d'études géopolitiques. - 2023. - March 04. - URL: <https://geopolitique.eu/en/2023/03/04/iraq-and-syria-kurdish-autonomous-regions-under-threat/> (last visited: 10.03.2024).

Приложение 2. Контроль территорий в Северном Ираке.

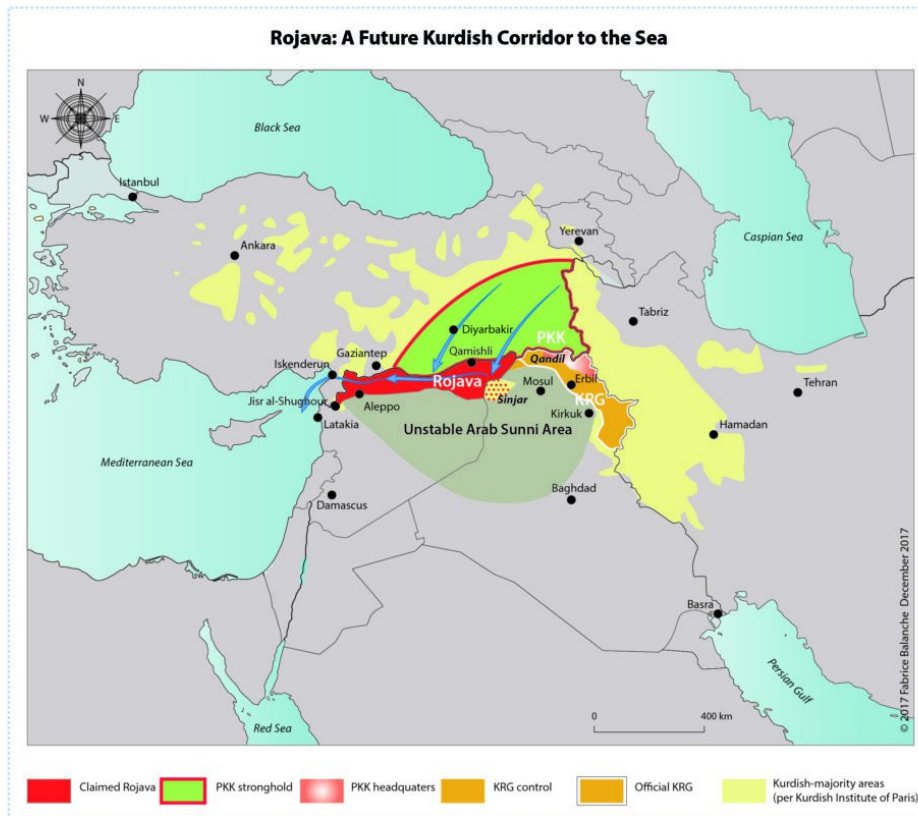
Источник: Группа геополитических исследований (Groupe d'études géopolitiques)¹⁷⁰

¹⁷⁰ Iraq and Syria: Kurdish Autonomous Regions Under Threat // Groupe d'études géopolitiques. - 2023. - March 04. - URL: <https://geopolitique.eu/en/2023/03/04/iraq-and-syria-kurdish-autonomous-regions-under-threat/> (last visited: 10.03.2024).

Приложение 3. Стратегия РПК в Сирии: будущий выход к морю.

Источник: Вашингтонский институт ближневосточной политики¹⁷¹

¹⁷¹ Rojava's Sustainability and the PKK's Regional Strategy // The Washington Institute for Near East Policy. - 2016. - August 24. - URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/rojavas-sustainability-and-pkks-regional-strategy> (last visited: 10.03.2024).